

- [Эдит Несбит](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
-

Эдит Несбит
Феникс и ковер

Глава 1

ЯЙЦО

Все началось за два дня до 5 ноября, когда кому-то (точно не скажу кому, но, кажется, Роберту) пришло в голову усомниться в качестве фейерверка, заготовленного по случаю празднования Дня Гая Фокса.

— Наши огневики что-то уж слишком дешево стоят, — сказал этот кто-то {помоему, это все-таки был Роберт}. — А ну, как они не сработают в самый ответственный момент? Вот уж тогда проссеровские парни посмеются над нами!

— Не знаю, как там у тебя, а с моими огневиками все в полном порядке, — сказала Джейн. — Уж я-то знаю, потому что продавец в лавке сказал, что на самом деле они стоят впятижды дороже!

— Что это еще за «впятижды»? Так не говорят! — возмутилась Антея.

— Раз она сказала, значит, говорят, — сказал Сирил. — И вообще, хватит умничать.

Антея принялась рыться в своей памяти, пытаясь выудить оттуда очень оскорбительный ответ, но тут же вспомнила, что сегодня с утра зарядил дождь, и обещанная мальчикам прогулка по Лондону сорвалась. А ведь предполагалось, что всю дорогу они проведут на верхней площадке трамвая, и ради этого Сирил с Робертом целых шесть дней, возвращаясь из школы, старательно вытирали ноги о коврик перед дверью. Понятно, что они были сильно расстроены.

Поэтому Антея ограничилась тем, что сказала:

— Сам не умничай, Синичка! С нашим фейерверком все будет в порядке. А на восемь пенсов, которые ты сэкономил, оставшись дома, можешь прикупить себе еще чего-нибудь. Я знаю одну лавку, где за восемь пенсов можно купить потрясающее огненное колесо.

— Знаешь что? — холодно произнес Сирил. — Это все-таки мои восемь пенсов, а не твои, и я лучше знаю, на что их потратить...

— Эй, послушайте! Так как же там насчет огневиков? Я совсем не хочу позориться перед соседскими парнями. Они и так думают, что раз их каждое воскресенье наряжают в красные плюшевые костюмчики, так все остальные им в подметки не годятся, — сказал Роберт, до сих пор не усвоивший разницы между плюшем и бархатом.

— Я бы ни за что в жизни не надела красный плюшевый костюмчик, — брезгливо заметила Антея. — Другое дело — черный, какой был на шотландской королеве Марии, когда ей отрубили голову.

Но Роберт продолжал упрямо гнуть свою линию. Роберт отличался прямо-таки замечательной способностью гнуть свою линию при любых обстоятельствах.

— Я думаю, их нужно испытать, — сказал он.

— Послушай, ты, юный тупица! — сказал Сирил. — Фейерверк — это же все равно что почтовая марка. Ты можешь использовать его только один раз.

— А что ты тогда скажешь об этом объявлении насчет «картеровских испытанных

семян»?

Воцарилась мертвая тишина. Затем Сирил легонько постучал себя по лбу указательным пальцем.

— Кажется, он все-таки немного свихнулся, — сказал он. — Я всегда боялся, что с нашим бедным Робертом это произойдет. Знаете, все это умничание, все эти пятерки по алгебре рано или поздно должны были сказаться...

— А ну-ка, засохни! — свирепо огрызнулся Роберт. — Ты что, не понимаешь? Нельзя испытать семена, если посеять их все разом. Нужно отобрать по одному-два из каждого пакетика, и если они взойдут, то можете быть уверены, что все остальные уж точно будут... — как это папа говорит? — «соответствовать стандарту». Давайте зажмуримся, вытащим из кучи что кому попадет, а потом проведем такое небольшое испытание!

— Но на дворе льет, как из ведра, — сказала Джейн.

— Тоже мне — открытие века! — отозвался Роберт. Нужно заметить, что настроение у всех и впрямь было неважное. — Зачем нам для этого выходить во двор? Нужно просто отодвинуть стол и запалить огневики на подносе, который мы зимой используем вместо санок. Не знаю, как вы, а я думаю, что настала пора действовать. Что толку думать да гадать: «Ах, ах, вот было бы здорово, если бы от нашего фейерверка у проссеровских парней повыва-ливались челюсти!» Мы должны быть заранее уверены в этом.

— Пожалуй, он все-таки прав, — после минутного раздумья заключил Сирил.

Когда стол отодвинули в сторону, на всеобщее обозрение явилась ужасающих размеров дыра в ковре — неприятное воспоминание о прежних экспериментах Роберта. (Вообще-то, дыре полагалось быть у окна, но в тот раз ковер успели перевернуть, и она была надеж-"о скрыта от посторонних глаз столом). Антея тихонько прокралась на кухню и, улучив момент, когда кухарка склонилась над своими кастрюлями, стащила поднос, можно сказать, прямо у нее из-под носа. Вернувшись в спальню, она накрыла им выжженное место, причем края того и другого подозрительно совпали.

После того, как все огневые принадлежности были разложены на столе, дети закрыли глаза и принялись по очереди вытаскивать первое, что им попадалось под руку. Роберту досталась хлопушка, Сирилу и Антее — бенгальские огни, а вот Джейн сумела ухватить своей пухлой пятерней жемчужину всей коллекции — огневичка-плясунчика, который выбрасывал из себя огромные снопы танцующих искр, а потому стоил целых два шиллинга. Естественно, остальным это не понравилось, и кое-кто (не скажу кто именно, потому что ему потом было очень стыдно) даже предположил, что Джейн подсматривала. Впрочем, детей можно понять — дело в том, что, намучившись в свое время от постоянного изменения правил игры, они, как всамделишные древние мидяне или персы, раз и навсегда порешили твердо придерживаться результатов жеребьевки, какими бы неудовлетворительными они не оказались для каждого из них в отдельности.

— Я не нарочно! — со слезами на глазах сказала Джейн. — Если кому-то не нравится, я могу перетянуть...

— Ты прекрасно знаешь, что мы никогда не перетягиваем, — торжественно объявил Сирил. — Что выпало, то выпало. Вспомни мидян и персов. Раз уж ты вытащила огневичка-пля-сунчика, то придется израсходовать его прямо сейчас. Но ничего, тебе же дадут какую-нибудь мелочь к празднику, вот и купи на нее новый. А сегодня для пущего эффекта мы запалим его самым последним.

После этой короткой прелюдии огненное действие началось. Хлопушка и бенгальские огни вполне оправдали уплаченные за них деньги, но когда дело дошло до огневичка-плясунчи-ка, он лишь пустил издевательскую струйку дыма и, как выразился Сирил уставил на детей свои бесстыжие глаза. Сначала они пробовали поджечь его спичками, потом — бумажными жгутами, а еще потом — водо — и ветростойкими запалами, обнаруженными в карманах некогда самого лучшего папиного пальто, висевшего на вешалке в холле. Когда и это не помогло, Антея тихонько проскользнула к шкафу под лестницей, в котором хранились старые газеты, восковые свечи, совки для мусора, керосин для свечей, смолистые щепки для растопки печей (они еще так сладко пахнут — совсем как сосновый лес весной!), метелки, скипидар и много чего другого. Она вернулась с маленькой баночкой, которая раньше, в те времена, когда в ней еще был смородиновый джем, стоила семь с половиной пенсов. Но джем давно съели, а потому Антея налила в нее керосину. Она приблизилась к испытательному полигону и в тот самый момент, когда Сирил пытался двадцать третьей, а то и двадцать четвертой спичкой запалить упрямого огневичка, выплеснула керосин на поднос. На огневичка-плясунчика эта новая попытка не произвела особого впечатления, но вот керосин отнесся к делу вполне серьезно, и в следующее мгновение жаркая вспышка пламени озарила комнату, заодно отхватив большую часть сириловых ресниц и перепачкав физиономии всех присутствующих изрядным количеством сажи. Едва дети закончили выполнять групповой отскок, красоте и плавности которого плачевным образом помешали стены, как с подноса к потолку ударил толстый столб огня.

— Вот это да! — сказал потрясенный Сирил. — А я и не думал, что Антея у нас такая бестолковая!

Пламя ударялось в потолок и растекалось по нему, словно огненная роза, описанная мистером Райдером Хаггардом в его волнующем повествовании про Аллана Квотермейна Совершенно справедливо рассудив, что нельзя терять ни секунды, Роберт и Сирил завернули концы ковра и побросали их на поднос. Ужасающий огненный столб исчез, и в комнате не осталось ничего, кроме плотного облака сажи да чада от тускло светящихся ламп. Теперь уже все четверо молча трудились над укрощением стихии. Когда же огонь был наконец надежно упакован в плотный сверток ковровой ткани, под ногами усердно топтавших его юных пожарников вдруг раздался приглушенный, но все же очень зловещий хлопок. При втором хлопке ковер судорожно дернулся, как если бы вместе с пожаром в него по ошибке завернули кошку или какое другое животное. Это решил напомнить о себе позабытый всеми огневичок-плясунчик. Соединенные усилия пылающего керосина и ребячьих ног все же пробудили его от спячки, и теперь он устрашающе потягивался под ковром, стремясь выпростать из-под него свои огненные руки.

Придав своему лицу выражение человека, который знает, что делает, Роберт бросился к окну и распахнул его настежь. Антея предпочла удариться в визг, Джейн — в слезы, а Сирил не нашел ничего лучшего, как опрокинуть стол на оживший ковровый сверток. Но, раз начавшись, фейерверк уже не мог угомониться, а потому из-под массивной столешницы продолжали вырываться хлопки, взрывы и даже отдельные искры величиной со средних размеров комод.

В следующее мгновение в комнату ворвалась привлеченная воплями Антеи мама. Еще через несколько секунд фейерверк был ликвидирован, и в комнате воцарилась гнетущая тишина — Дети стояли, разглядывая свои черные от сажи лица и осторожно косясь в направлении мамы, чье лицо было, напротив, неестественно белым.

Всем было ясно, что испытания привели к безвозвратной порче ковра и неминуемому наказанию постелью. Говорят, что все дороги ведут в Рим. Может быть, это и так, но по крайней мере в детстве все дороги ведут в постель и покоятся там вместе с вами до самого утра.

Остатки фейерверка были конфискованы, и папа собственноручно запустил их в небо на заднем дворе. Нужно сказать, что эта идея не очень понравилась маме, но папа быстро убедил ее, заметив: «А как же иначе, дорогая моя, нам обезопасить себя от этих юных поджигателей?»

Однако папа совсем забыл о том, что юные поджигатели были изгнаны в спальню, окна которой выходили как раз на задний двор, в результате чего им представилась редкая возможность из первых рядов полюбоваться восхитительным зрелищем, а заодно и оценить искусство, с которым папа обращался с огневиками.

На следующий день все было прощено и забыто. В детской провели генеральную уборку (как если бы на дворе была весна, а не глубокая осень) и побелили потолок.

После полудня мама куда-то ушла из дому; а назавтра, незадолго до вечернего чаепития, в дом пришел какой-то человек, согнувшийся под тяжестью свисавшего у него с плеч ковра. Папа заплатил ему, а мама сказала:

— Если ковер окажется не таким новым, как вы его нам расписали, вам придется его заменить.

Человек ответил:

— Там каждая ниточка на месте, мэм. А если и поывалилась которая, так за такую цену это все равно почти что даром. Я уж и то жалею, что отдал его ни за что, да разве мы, мужчины, можем устоять, когда нас просит леди, — правда, сэр?

С этими словами он подмигнул папе и отправился восвояси.

Ковер перенесли в спальню и расстелили на полу. Действительно, в нем не было видно ни единой дырочки.

Когда была развернута последняя складка, из ковра выпало что-то тяжелое и твердое. Дети тут же устроили кучу-малу, но Сирил оказался проворнее всех. Он схватил выпавший из ковра предмет и поднес его к газовой горелке, чтобы получше рассмотреть. На вид это было яйцо — желтое и очень блестящее, полупрозрачное и как бы светящееся изнутри странным, меняющим оттенки в зависимости от угла зрения светом. Обыкновенное каменное яйцо с просвечивающим через него огненным желтком.

— Мама, я могу оставить его себе? — с надеждой спросил Сирил и, конечно же, в ответ услышал «нет». Странноватую диковинку следовало немедленно отнести назад торговцу, потому что ему было уплачено только за ковер, а каменное яйцо с огненным желтком в нем не предполагалось.

Она объяснила детям, где находится магазин. Оказалось, что это совсем близко — на Кен-тиш-Таун-Роуд, рядом с отелем «Бык и калитка» Дети без труда нашли заваливающую лавчонку перед витриной которой возился торговец, выставляя прямо на тротуар заготовленную для продажи старую увечную мебель и стараясь расположить ее так, чтобы покупателям не было видно ни единой сломанной ножки. Едва приметив детей, он сразу же узнал их, и, не давая им раскрыть рта, завопил.

— Ну уж, нет! Я не беру назад ковров, так что можете проваливать со своими жалобами туда, откуда пришли. Сделка есть сделка — что куплено, назад не возвращается.

— Да мы и не хотим его возвращать, сказал Сирил. — Просто в нем кое-что было...

— Если там что-то и было, так оно попало *т* Уда уже у вас в доме, — перебил его негодующий торговец. — Я не продаю вещей с сюрпри зами. У меня тут все новенькое и чистенькое

— Да я и не говорю, что наш ковер грязненький! — сказал Сирил. — Просто...

— Что, моль нашли? — спросил торговец. — Так возьмите «Боракса», и ей тут же крышка!

Но, вообще-то, я думаю, что это какая-нибудь приبلудная затесалась. У меня ковры всегда чистенькие — от и до! Когда я вам принес его, там не то что живой моли, но и ни одного яичка не было.

— А вот и не так! — перебила его Джейн. — Как раз яйцо-то там и было.

Тут торговец не вытерпел и затопал на детей ногами.

— А ну-ка, проваливайте, говорю вам! — заорал он. — А то я сейчас вызову полицию. Что обо мне подумают покупатели, если каждая малявка будет приходить сюда и говорить, что я подкладываю в свои товары яйца! Пошли отсюда, пока я вам уши не оборвал! Эй, констебль!

Дети бросились бежать, потому как в ту минуту не могли придумать ничего другого. Позднее папа согласился, что это было единственное, что они могли сделать. Мама, конечно, осталась при своем мнении, но папа разрешил им оставить яйцо себе.

— Торговец не мог знать, что у него в ковре яйцо, — заключил он. — Ваша мама тоже об этом не знала, а раз так, то мы имеем на него полное право.

В конце концов яйцо водрузили на каминную полку, где оно и полеживало себе, придавая темной детской не такой мрачный вид. В детской было темно, потому что она находилась на первом этаже, и перед ее окнами простирался декоративный садик со шлаковыми горками, на которых не произрастало ничего, кроме ползучего вьюнка да улиток.

Когда папа с мамой покупали дом, агент по торговле недвижимостью охарактеризовал эту комнату как «превосходное помещение Для столовой, в котором особенно приятно завтракать по утрам». Дети не знали, каково было в комнате по

утрам, но в дневное время там царил вечный полумрак. Вечером, когда зажигали газ, там становилось поприятнее, но именно вечером почему-то пробуждались к жизни тараканы. Они покидали свои уютные дома, в незапамятные времена устроенные их предками за камином и массивными шкафами, и всей своей немалой толпой шли к детям знакомиться. По крайней мере, я полагаю, что их намеренья были именно таковы, но дети упорно придерживались другого мнения.

Пятого ноября папа с мамой ушли в театр. Дети остались сидеть дома и пребывали в крайнем унынии, вызванном мыслью о том, что у проссеровских парней было полно всяких огневинок, а у них не осталось и самой завалящей спички.

Дело в том, что им не позволили даже развести костер в саду.

— Нет уж, спасибо, хватит нам ваших игр с огнем, — сказал папа в ответ на их просьбу.

После того, как маленького Ягненка уложили спать, дети печально расселись вокруг камина в детской.

— Ну и скука! — сказал Роберт.

— Давайте поговорим о Псаммиаде, — сказала Антея, как обычно, стараясь перевести разговор на что-нибудь приятное.

— Что толку в разговорах? — сказал Сирил. — Вот если бы что-нибудь произошло! Уж больно неохота сидеть целый вечер взаперти. Как выучишь уроки, так просто нечем заняться.

В этот момент Джейн как раз закончила последнее упражнение из домашнего задания и с шумом захлопнула тетрадку.

— Можно повспоминать о чем-нибудь приятном, — сказала она. — Например, о прошлых каникулах,

О прошлых каникулах и правда стоило повспоминать, потому что дети провели их за городом, в маленьком белом домике, что стоял между песчаным и гравиевым карьерами, и с ними случилось много интересных вещей. Они нашли песчаного эльфа Псаммиада, который выполнял все их желания, — абсолютно все, независимо от того, на радость или на горе себе загадывали их дети. Если вам захочется доподлинно узнать, что они просили у Псаммиада и что выходило из их необдуманных желаний, можете прочитать книжку которая называется «Пятеро детей и Чудище» (Чудище — это Псаммиад). Если вы еще не читали ее, то лучше мне сразу же сказать вам, что пятый ребенок — это совсем крохотный братец наших четверых знакомцев, которого зовут Ягненком, потому что первое произнесенное им в жизни слово было «Бе-е-е!». Еще я должна сказать вам, что наши дети не отличались чрезмерной красотой, глубоким умом и ангельским послушанием, но в общем и целом были неплохими ребятами и, как мне кажется, мало чем отличались от вас.

— Я не хочу вспоминать о приятном, — сказал Сирил. — Я хочу, чтобы это самое «приятное» немедленно произошло.

— Но нам и так повезло гораздо больше, чем другим, — сказала Джейн. — Подумай только, ведь кроме нас никого не угораздило найти Псаммиада! Только за одно это мы должны благодарить судьбу.

— Э! Судьба давно уже об этом забыла, — сказал Сирил. — Я имею в виду, о

нашем везении, а не о благодарности. Как ее ни благодари, все равно ничего не происходит!

— Может быть, скоро что-нибудь и произойдет, — сказала Антея. — Знаете, иногда мне кажется, что мы с вами относимся к тем людям, с которыми вечно что-нибудь случается.

— Вот и в учебнике по истории, — сказала Джейн, — бывают короли, у которых не жизнь, а сплошные приключения. А про других только и известно, что они рождаются, коронуются и предаются земле, да и то не всегда.

— Я думаю, Пантера права, — сказал Сирил. — Мы с вами и впрямь те люди, с которыми вечно что-нибудь случается. А еще я думаю, что это «что-нибудь» непременно случится, если ему немного помочь. Оно только и ждет, чтобы мы его немного подтолкнули. Вот так-то!

— Какая жалость, что в школе не учат колдовству, — вздохнула Джейн. — Вот если бы мы могли немножко поколдовать, то тут уж наверняка что-нибудь да случилось бы.

— Может, попробуешь? — спросил Роберт, оглядывая комнату в поисках какой-нибудь новой идеи. Однако ни выцветшие зеленые шторы, ни тускло-коричневые жалюзи на окнах, ни истертый до дыр линолеум на полу на этот раз не натолкнули его на что-либо по-настоящему потрясающее. Даже новый ковер со своим замечательным рисунком, переплетения которого, казалось, напоминали о чем-то знакомом, но основательно позабытом, не принес ему вдохновения.

— Я могу попробовать, — сказала Антея. — Я много чего читала о колдовстве. Боюсь только, что Библия его не очень одобряет.

— Библия не одобряет колдовства потому, что люди использовали его во вред другим. Полагаю, что Библия не будет иметь ничего против безобидного колдовства — такого, которое не причинит никому вреда. Мы же не собираемся никому причинять вред, правда? Да мы бы и не смогли, даже если бы захотели. Нужно почитать «Легенды» Ингольдсби — там есть что-то про Абракадабру, — сказал, позевывая, Сирил. — А можно просто поиграть в колдовство. Давайте будем рыцарями-тамплиерами. Вот они уж точно разбирались в колдовстве. Папа говорил, что они были самыми настоящими — как это? — «жуирами и бонвиванами».

— Жирами и павианами! — воскликнул несносный Роберт. — Что ж, наша Джейн вполне сойдет за жиру, а ты, стало быть, будешь павианом!

— Схожу-ка я за Ингольдсби, — поспешно сказала Антея. — А вы пока сверните каминный коврик.

На протяжении всего остального вечера они чертили на линолеуме всяческие странные фигуры. И тут им очень пригодился кусочек мела, накануне умыкнутый Робертом в школе с учительского стола. Вам, конечно, известно, что если умыкнуть еще не использованный кусок мела, то это будет воровство, а если взять половинку, то на это никто не обратит внимания. (Я, правда, не знаю, отчего так повелось и кто на самом деле выдумал это правило). Кроме того, они перепели все самые заунывные песни, какие только знали. И, конечно же, ничего не случилось. Наконец Антея сказала:

— Наверное, нам нужно зажечь волшебные свечи из какого-нибудь душистого дерева и бросать в пламя волшебные смолы, эссенции и все такое прочее.

— Я не знаю ни одного душистого дерева, кроме кедра, — сказал Роберт. — Но у меня с собой как раз есть несколько карандашных огрызков, так на них написано, что они кедровые.

И они принялись жечь карандашные огрызки. И опять ничего не случилось.

— Давайте сожжем эвкалиптовое масло, что нам дают от простуды, — предложила Антея.

Что они и сделали. Запах получился просто сногшибательный. А потом они еще сожгли несколько кусков камфоры, хранившейся в старом сундуке. Она горела очень ярко и при этом выпускала из себя по-настоящему волшебные облака черного дыма. Однако и на этот раз ничего особенного не произошло. Тогда дети вытащили из ящика в кухонном столе пачку свежих салфеток и принялись размахивать ими над волшебными пентаграммами, начертанными мелом на линолеуме, одновременно распевая «Гимн моравских монашенок по случаю прибытия в Вифлеем». Все это было просто потрясающе, но, к сожалению, ничего так и не происходило. Тогда они решили удвоить усилия и принялись махать салфетками, как сумасшедшие, и робертова салфетка случайно зацепила лежавшее на каминной полке золотое яйцо, и золотое яйцо, как и следовало ожидать, скатилось с полки, перелетело через решетку и исчезло в недрах камина.

— Держи его! — закричали дети в один голос.

В следующую секунду они уже лежали на полу и с тревогой заглядывали под каминную решетку. Яйцо безмятежно, как в гнезде, покоилось среди тлеющих угольев.

— И то хорошо, что не разбилось, — сказал Роберт, просовывая руку сквозь решетку и пытаясь достать яйцо. Однако, несмотря на то, что прошло всего лишь несколько секунд, оно успело раскалиться до необычайной степени, и Роберт, который уже почти вытащил его, разжал руку и довольно громко воскликнул: «Черт!» Ударившись о верхнюю перекладину решетки, яйцо отскочило назад — в самое сердце пылающего камина.

— Щипцы! — закричала Антея.

Увы, как раз в самый нужный момент щипцы куда-то запропалились. И никто из детей не вспомнил, что в последний раз ими доставали игрушечный чайник со дна стоявшей во дворе кадки, куда его уронил Ягненок. Так что щипцы из детской мирно стояли себе между кадкой и мусорным ящиком, а кухонные щипцы кухарка наотрез отказалась ссудить даже на минутку.

— Ничего! — бодро сказал Роберт. — Попробуем достать его кочергой и совком.

— Тише! — вдруг закричала Антея. — Смотрите, смотрите! Да смотрите же вы наконец! Кажется, сейчас что-то и впрямь случится!

Дело в том, что яйцо в камине вдруг налилось ярким светом, и внутри у него что-то явственно зашевелилось. В следующее мгновение раздался слабый треск, яйцо расколосось надвое, и глазам детей предстала невиданная птица цвета пламени. Она немного понежилась посреди бушующей в камине огненной круговерти, с каждым мгновением становясь все больше и больше, а затем повернулась к детям.

А дети, нужно сказать, безмолвно сидели вокруг камина, открыв рты и выпучив глаза.

Птица зашевелилась в своем огненном гнезде, расправила крылья и выпорхнула из камина. Она сделала несколько кругов по комнате, и где бы она ни пролетала, становилось жарко, как на самом сильном солнцепеке. Полетав в свое удовольствие, она уселась на каминной решетке и уставилась на детей. А дети уставились на нее. Затем Сирил поднял руку и потянулся к птице. Она склонила голову набок и, прищурившись, посмотрела на него. В этот момент она стала так похожа на попугая, который собирается заговорить, что дети ничуть не удивились, когда она и в самом деле произнесла:

— Осторожней! Я еще не совсем остыл. Как уже было сказано, дети ничуть не удивились. Им просто стало страшно интересно.

Они во все глаза смотрели на птицу. Там было на что посмотреть. Ее перья были словно отлиты из золота. Ростом она была с небольшую курицу, вот только ее заостренный клюв совсем не был похож на куриный.

— Кажется, я знаю, что это такое, — сказал Роберт. — Там есть такая картинка...

С этими словами он бросился прочь из комнаты. Лихорадочные поиски среди бумаг на папином столе принесли, как говорится в учебниках арифметики, «желаемый результат» (и, нужно добавить, несусветный беспорядок в кабинете), но когда Роберт с листом тисненой бумаги в руках и торжествующим криком «Что я вам говорил!» ворвался в детскую, остальные дети только зашикали на него, призывая к молчанию — Он тут же послушно замолчал, да и было отчего — птица снова заговорила.

— Кто из вас, — сказала она, — положил яйцо в огонь?

— Он! — одновременно прозвучали три голоса, и три указательных пальца обвиняюще нацелились на Роберта.

Птица поклонилась — во всяком случае, больше всего это было похоже на поклон.

— Я почитаю себя твоим неоплатным должником, — сказала она чрезвычайно торжественным тоном.

Дети прямо-таки сгорали от любопытства и нетерпения — все, кроме Роберта. У Роберта в руке был листок тисненой бумаги, и уж он-то знал, что почем. Он так и сказал. То есть, конечно, не совсем так. Он сказал вот что:

— Я-то знаю, кто ты такой.

Он развернул и показал остальным листок, на котором были напечатаны какие-то буквы, а над ними, на самом верху, красовалось изображение птицы, сидящей в сплетенном из языков пламени гнезде.

— Ты — Феникс! — сказал Роберт и, судя по тому, что птица всем своим видом выразила удовольствие, угадал.

— Значит, мое имя все-таки не было забыто за два тысячелетия, — сказала она. — Позволь мне взглянуть на мой портрет.

Роберт опустил на колени и развернул листок рисунком к птице. Поглядев на него минуту-другую, она сказала:

— Да... Нельзя сказать, что по такой картинке в меня можно влюбиться, да уж ладно! А что это там за значки? — спросила она, указывая на столбец печатного

шрифта (в котором гарантировалось возмещение убытков в случае пожара, если только владелец согласится поставить свою подпись под настоящим страховым полисом).

— А, это... Это не интересно — Тут про тебя не очень много написано, — сказал Сирил, инстинктивно почувствовав, что с *этой* птицей следует вести себя как можно более вежливо. — Вот зато в книжках тебе отводятся целые страницы.

— И все с портретами? — спросил Феникс.

— Вообще-то, нет, — сказал Сирил. — На самом деле, до сегодняшнего дня я не видел ни одного твоего портрета, но, если хочешь, я могу тебе много чего про тебя почитать.

Феникс согласно кивнул, Сирил вышел из комнаты и вскоре вернулся с огромным (кажется, десятым) томом старой «Британской Энциклопедии», на 246-й странице которой нашел следующее:

— «Феникс, в орнитологии, мифологическая птица, водившаяся в античные времена».

— Насчет античных времен все правильно, а вот что касается «мифологической» птицы, то тут я не согласен. Я что, похож на мифологическую птицу?

Дети отрицательно покрутили головами. Сирил продолжал читать:

— «Древние полагали, что в мире существовал всего лишь один Феникс — либо других никогда не было, либо этот являлся последней особью рода».

— В общем, правильно, — согласился Феникс.

— «По их описаниям, Феникс был величиной с орла...»

— Орлы бывают разной величины, — сказал Феникс. — Такое описание никуда не годится.

Все это время дети теснились на каминном коврике, стараясь быть как можно ближе к Фениксу.

— Этак у вас мозги вскипят, — сказал он. — Я уже почти остыл, так что нам можно сменить место — А ну-ка, поберегитесь!

Взмахнув золотыми крыльями, он мягко перепорхнул с решетки на край стола. Он и впрямь почти остыл — в воздухе лишь чуть-чуть запахло паленым, когда его когти коснулись скатерти.

— Немного почернела, но это отмоется при первой же стирке, — сказал по этому поводу немного смущенный Феникс. — Пожалуйста, продолжайте читать.

Дети немедленно сгрудились вокруг стола.

— «...Величиной с орла, — продолжал Сирил. — На голове у него имеется очень красивый хохолок, шея покрыта золотыми перьями, а все остальное тело, за исключением белого хвоста, фиолетовое. Глаза же его сверкают, как звезды. Говорят, что он живет около пятисот лет, скрываясь от людей в пустыне, а когда ему наступает пора умереть, он складывает себе погребальный костер из душистых пород дерева, окропляет его ароматическими смолами и поджигает, высекая искру взмахом крыльев. Из его пепла рождается червь, который со временем развивается во взрослого Феникса. Далее описатели Феникса приводят...»

— Что там они еще приводят, нам неинтересно, — сказал Феникс, золотые перья которого вздыбились от возмущения. — Их самих не мешало бы взять за ухо да

привести — к присяге, я имею в виду, — да только, боюсь, они и тогда не перестанут врать. Эту лживую книжонку надо немедленно уничтожить. Мое тело *никогда* не было фиолетовым, а что до белого хвоста, то судите сами — можно ли его назвать белым?!

С этими словами птица повернулась и со всей подобающей случаю серьезностью продемонстрировала детям свой огненно-золотой хвост.

— Нет, конечно, нет! — закричали дети в один голос.

— То-то же! — сказал Феникс. — Он никогда и не был белым. А уж насчет червя, так это просто гнусная клевета! У Фениксов, как у всяких уважающих себя птиц, имеются яйца. Когда приходит срок, Феникс сооружает себе костер — что правда, то правда! — и откладывает яйцо. Потом он сжигает себя и засыпает, а потом просыпается в яйце и выходит из него, и начинает жить сначала, и так без конца. Если бы вы знали, как я устал от всей этой кутерьмы! Ни минуты покоя!

— Но как твое яйцо попало *сюда*? — спросила Антея.

— А вот это — моя самая сокровенная тайна, — сказал Феникс, — и я не могу открыть ее тому, кто относится ко мне недостаточно хорошо. Видите ли, ко мне никто никогда не относился достаточно хорошо. Вы сами видели, что про меня написали в этой гадкой книжке. Будто бы я — и какой-то червь!.. Брр! Пожалуй, я могу открыть мою тайну *тебе*, — продолжил он, поглядывая на Роберта глазами, которые, действительно, сияли наподобие звезд. — Это ведь ты положил меня в огонь...

Роберт почувствовал себя ужасно неловко.

— Вообще-то, остальные тоже не сидели сложа руки, — сказал Сирил. — По крайней мере, душистые свечки и ароматические смолы мы жгли все вместе.

— Вообще-то, я положил тебя в огонь... э-э-э... по чистой случайности, — сознался Роберт, немного заикаясь, потому как боялся, что это известие расстроит обидчивого Феникса. Тот, однако, принял его самым неожиданным образом.

— Твое чистосердечное признание, — сказал он, — рассеяло последние мои сомнения. Я расскажу вам мою историю.

— А ты после этого не исчезнешь? Ну, там, растаешь, как сон, или что-нибудь в этом роде? — обеспокоенно спросила Антея.

— А что? — спросил Феникс, расправляя свои золотые перья. — Вы хотите, чтобы я остался с вами?

— О, непременно! — закричали дети самым искренним тоном, на который они только были способны.

— А почему? — снова спросил Феникс, скромно потупив взор-

— Да потому что... — начали все разом, но тут же смолкли, и только Джейн немного погодя добавила: — Потому что ты самая прекрасная птица, которую мы когда-либо видели.

— А ты — прекрасное дитя, — ответил тронутый до глубины души Феникс. — Нет, я не исчезну, и не растаю, как сон, и «что-нибудь в этом роде» тоже не сделаю. Я поведаю вам историю своей жизни. Так вот, как правильно говорится в вашей книге, многие тысячелетия я прожил в пустыне (а это, надо вам сказать, такое огромное и чрезвычайно скучное место, де, сколько не ищи, так и не найдешь ничего похожего на приличное общество) и стал изрядно уставать от монотонности своего существования.

К тому же я еще приобрел дурную привычку сжигать себя каждые пять сот лет — а вы-то знаете, как трудно бывает избавиться от дурных привычек.

— Это точно! — сказал Сирил. — Вот у Джейн, например, была привычка кусать ногти.

— Но я же избавилась от нее! — сказала слегка оскорбленная неуместным напоминанием Джейн. — И ты об этом прекрасно знаешь.

— Но сначала маме пришлось намазать тебе ногти горьким алоэ, — сказал Сирил.

— Я сильно сомневаюсь, — серьезным тоном продолжила птица, — что даже самое горькое алоэ (у него, кстати, тоже есть одна дурная привычка, от которой ему не мешало бы избавиться, прежде чем наставлять других на путь истинный — я имею в виду его идиотскую манеру цвести раз в столетие) могло помочь мне. Но, как это ни странно, мне помогли. Однажды утром я пробудился от беспокойного сна, в котором мне досаждали кошмары — дело в том, что недалеко уже было то время, когда мне снова полагалось сооружать надоевший до смерти костер и откладывать туда это треклятое яйцо, — и увидел рядом с собой совершенно мне незнакомых мужчину и женщину. Они мирно посиживали себе на ковре, и после того, как я вежливо поприветствовал их, рассказали мне свою историю, которую я сейчас и намереваюсь вам изложить, поскольку вы, судя по всему, ее еще не слышали. Они оказались принцем и принцессой и происходили от родителей, история жизни которых настолько замечательна, что я считаю своим долгом немедленно рассказать ее вам. Так вот, когда мать принцессы была еще совсем молодой, ей довелось услышать историю о некоем чародее. История эта настолько удивительна, что вам наверняка будет приятно ее услышать. Этот самый чародей...

— Ой, пожалуйста, не надо! — взмолилась Антея. — У меня уже и так голова закружилась от всех этих бесконечных (потому что ты рассказываешь только начало) историй, а ты увязаешь в них все дальше и дальше. Лучше расскажи нам свою собственную историю, да и дело с концом. Тем более, что это единственное, что мы по-настоящему хотим услышать.

— Что ж, — сказал явно польщенный Феникс, — если пропустить эти семьдесят, а то и все восемьдесят историй, которые мне пришлось выслушать от принца с принцессой в пустыне (хорошо еще, что в пустыне некуда особенно спешить), то остается сказать, что они настолько полюбили друг друга, что не хотели больше никого видеть, и чародей, о котором я уже говорил — не бойтесь, никаких историй не будет! — подарил им волшебный ковер (надеюсь, о волшебных коврах вы слышали?). Они уселись на него и приказали перенести их куда-нибудь подальше от людей — и он одним махом перенес их в пустыню. А так как они больше никуда не собирались лететь, то ковер им был не нужен — вот они и подарили его мне. Можно сказать, мне выпал единственный шанс в жизни!

— Не понимаю, зачем тебе был нужен ковер. — сказала Джейн. — Ведь у тебя такие замечательные крылья.

— Ты тоже заметила? — сказал Феникс, жеманно раскидывая крылья в стороны. — Однако, мы отвлеклись. Так вот, я попросил принца развернуть ковер, в который и отложил яйцо. Затем я сказал: «А теперь, мой дражайший ковер, покажи, на что ты

способен. Отнеси мое яйцо в такое место, где оно может спокойно пролежать две тысячи лет и где найдется человек, который спустя эти две тысячи лет разведет костер из душистой древесины, приправленной ароматическими смолами, и положит в него яйцо, чтобы я мог из него вылупиться». (И надо же, все получилось точь-в-точь, как я приказал!) Не успели эти слова покинуть мой клюв, как и ковер, и яйцо исчезли — растаяли, как сон, или что-то в этом роде. Высокородные любовники помогли мне устроить погребальный костер и, вообще, изрядно скрасили последние минуты моей прошлой жизни. Потом я сгорел дотла и пребывал в небытии до тех пор, пока... э-э-э, как это?., пока перед моими очами не забрезжил свет сего алтаря.

И Феникс торжественно указал когтем на камин.

— А как же ковер? — сказал Роберт. — Волшебный ковер, который переносит, куда не пожелаешь? Что стало с ним?

— А что с ним станется? — пожал плечами Феникс. — Насколько я понимаю, вон он — лежит себе на полу. Ну да, конечно, это он. Я очень хорошо запомнил его узоры.

И с этими словами он показал на ковер, который мама за день до того купила на Кентиш-Таун-Роуд за двадцать два шиллинга и девять пенсов.

Естественно, что в этот критический момент из холла донеслось щелканье папиного ключа в дверном замке.

— Ну вот! — прошептал Сирил. — Сейчас нам здорово влетит за то, что мы до сих пор еще не в постели.

— Пожелайте перенестись туда, — ответил ему Феникс скороговоркой, — а потом верните ковер на место.

Сказано — сделано. Конечно, от этого у детей немного закружилась голова и слегка перехватило дух, но когда все вокруг них перестало крутиться и вертеться, они и в самом деле оказались каждый в своей постели, и свет в спальне был погашен.

Феникс прошептал им из темноты:

— Я буду спать на гардине... И, пожалуйста, не говорите обо мне своим родным.

— Это бесполезно, — сказал Роберт. — Они нам ни за что не поверят. Эй, послушайте! — позвал он через полуоткрытую дверь, ведущую на половину девочек. — Насчет нашего разговора о приключениях и всяких удивительных вещах. Мы просто обязаны извлечь как можно больше того и другого из этого волшебного ковра... и Феникса тоже!

— Это уж точно, — отозвались девочки.

— Дети! — сказал папа, поднимаясь по лестнице. — А ну-ка немедленно спать! Что это вам взбрело в голову разговаривать по ночам?!

На этот вопрос не полагалось давать никакого ответа, но ответ все же прозвучал — правда, очень тихо и под одеялом.

— Взбрело? — пробормотал Сирил, — Кажется, нам пока еще ничего не взбрело. И непонятно, взбредет ли вообще...

— Но у нас же есть волшебный ковер — и Феникс, — сказал Роберт.

— Если сейчас войдет папа и увидит, что ты все еще болтаешь, ты получишь еще кое-что, — ответил Сирил. — Так что заткнись.

Роберт заткнулся. Но при этом он прекрасно понимал (как, впрочем, понимаете и

вы), что приключение с ковром и Фениксом еще только начиналось.

Папа с мамой не имели ни малейшего понятия о том, что случилось во время их отсутствия. Так часто бывает — даже в тех домах, где не водятся Фениксы и волшебные ковры.

На следующее утро... Однако вам придется набраться терпения и подождать до начала следующей главы, в которой подробно говорится о том, что случилось на следующее утро.

Глава II

КОВАРНАЯ БАШНЯ

Итак, дети видели собственными глазами, как из яйца, закатившегося им в камин, вылупился Феникс, а также слышали собственными ушами, как он сказал, что лежавший на полу детской ковер — на самом деле волшебный ковер, который может перенести вас, куда ни попросишь. Тут у детей как раз возникла необходимость срочно перенестись в кровати, что и было исполнено. Феникс же отправился отдыхать на гардину, что висела над окном спальни.

— Прощу прощения, — раздался мягкий голос Феникса, в то время как его же клюв деликатно раздвинул веки на правом глазу спящего Сирила, — но, судя по всему, рабы уже проснулись и сейчас готовят на кухне завтрак. Проснись! Мне нужно кое-что выяснить перед тем как... Эй! Нельзя ли поосторожнее?!

Последние слова он прокричал уже с карниза, куда перепорхнул, спасаясь от кулака Сирила, который — по привычке, свойственной всем детям, когда их внезапно будят, — принялся отмахиваться им от надоедливой птицы. Феникс мало общался с детьми и не знал их привычек, а потому его чувствам был нанесен немалый урон. Хорошо еще, что крылья не пострадали.

— Прости, я не хотел, — сказал Сирил, постепенно приходя в себя. — Вернись, пожалуйста! О чем это ты там говорил? Кажется, что-то насчет завтрака?

Феникс соскользнул с гардины и осторожно примостился на железной спинке кровати.

— Ну и дела! Так ты и впрямь настоящий! — сказал Сирил. — Вот это здорово! А ковер?

— Не более настоящий, чем обычно, — презрительно ответил Феникс. — Но, между нами говоря, ковер — это всего лишь ковер, а я — единственный и неповторимый Феникс.

— Да-да, конечно, — поспешно согласился Сирил, — именно это я и имел в виду. А ну-ка. Бобе, подымайся! Не забывай, засоня, что у нас теперь есть кое-что, ради чего можно встать пораньше. Кроме того, сегодня суббота.

— На протяжении всей этой долгой и бессонной ночи, — сказал Феникс, — я предавался размышлениям и в конце концов пришел к выводу, что мое вчерашнее появление не произвело на вас подобающего впечатления. Две тысячи лет назад люди были гораздо более впечатлительны. Кстати, вы, случайно, не знали, что из моего яйца может кто-нибудь вылупиться?

— Конечно, нет! — сказал Сирил.

— Даже если бы мы и знали, — сказала Антея, которая, заслышав серебристые трели Феникса, появилась на пороге спальни в ночной рубашке, — то никогда и ни за что не смогли бы предположить, что из него вылупится такое великолепное создание, как ты. Золотая птица улыбнулась. Вы никогда не видели, как улыбаются золотые птицы?

— Видишь ли, — продолжала Антея, кутаясь в робертово покрывало, так как утро

выдалось довольно холодное, — с нами и раньше случались всякие вещи. — И она рассказала Фениксу о песчаном эльфе Псаммиаде.

— Ага! — сказал Феникс, — Псаммиады встречались редко уже в мое время. Я припоминаю, что меня любили называть «псаммиадом пустыни». Меня, вообще, всегда очень любили — уж не знаю, за что.

— Так ты тоже исполняешь желания? — спросила Джейн, которая к тому времени успела проснуться и присоединиться к разговору.

— Слава Богу, нет, — презрительно произнес Феникс. — По крайней мере... Но чу! Я слышу чьи-то шаги и считаю за лучшее на время исчезнуть.

Что он тут же и сделал.

На эту субботу выпал день рождения кухарки, и мама позволила ей с Элизой отправиться на выставку в Хрустальный Дворец, где их с утра поджидали друзья. Как всегда бывало в таких случаях, Антее и Джейн пришлось помогать с уборкой, мытьем посуды и прочими домашними делами. Роберт и Сирил намеревались провести утро за разговором с Фениксом, но у того, как на грех, нашлось занятие поважнее.

— Я должен пару часиков соснуть, — сказал он. — Мне это просто необходимо. Мои бедные нервы нуждаются в небольшой передышке. Надеюсь, вы помните, что вот уже две тысячи лет, как я ни с кем не разговаривал. Я изрядно поотвык от этого занятия и боюсь, как бы со мной с непривычки чего не вышло. Мне очень часто говорили, чтобы я побольше заботился о себе.

С этими словами он забрался в коробку из-под фехтовального шлема (которую несколько дней тому назад, когда папе вдруг вздумалось принять участие в турнире, принесли из кладовой), засунул свою золотую голову под золотое крыло и заснул. Так что Роберту с Сирилом ничего не оставалось делать, как сдвинуть стол в сторону, усесться посреди ковра и пожелать перенестись в какое-нибудь экзотическое место. Но, не успели они решить, куда бы им хотелось отправиться, как Сирил вдруг сказал:

— Знаешь что? По-моему, если мы начнем один, без девчонок, это будет нечестно.

— Но они же провозятся целое утро! — нетерпеливо воскликнул Роберт. Но затем в нем вдруг заговорила такая штука, которую взрослые называют «голосом совести». Так вот, этот самый голос совести сказал: — Если только мы им не поможем...

Сирилов «голос совести» почти одновременно сказал то же самое, а потому мальчики поднялись с ковра и отправились мыть посуду и подметать гостиную. Постепенно Роберт вошел во вкус и предложил помыть крыльцо — он постоянно напрашивался мыть крыльцо, но ему все не давали. Не дали и сейчас, объяснив, что было бы по меньшей мере глупо повторять работу, которую уже успела сделать с утра кухарка.

Когда все дела по дому были переделаны, девочки обрядили весело отбивавшегося младенца в синий разбойничий кафтан, нахлобучили ему на голову треуголку и принялись развлекать его, пока мама переодевалась и собиралась в дорогу. Каждую субботу мама с Ягненком ездили к бабушке, причем обычно она брала с собой еще кого-нибудь из детей. Однако сегодня у прислуги был выходной, и всем четверым было поручено сторожить дом. От сознания важности порученного им дела у детей аж дух захватывало — особенно когда они вспоминали о том, что в доме, который они

собирались сторожить, имеется Феникс и — о чудо! — волшебный ковер.

Развлекать Ягненка — одно удовольствие, если вы, конечно, знаете, как играть в «зверо-песенки». На самом деле, это очень просто. Ягненок садится к вам на колени и говорит, каким зверем он хочет быть. После этого вам остается лишь прочесть стихотворение про этого зверя — и дело в шляпе! Конечно, есть такие звери — например, опоссум или марабу, — которых невозможно втиснуть ни в одно стихотворение, потому что с ними ничего не рифмуется, кроме всякой гадости. Но, будьте спокойны, Ягненок отлично знает, какие звери рифмуются, а какие нет.

— Я — маленький мишка! — сказал Ягненок, поудобнее устраиваясь на коленях у Антеи, которая тем временем начала читать:

Мой славный, круглый, мягкий мишка,
Тебя люблю я даже слишком!
Сама на знаю почему
Сейчас тебя я обниму!

И, конечно же, на слове «обниму» она изо всех сил прижала Ягненка к себе.

Затем ему захотелось быть маленьким лягушонком, и он, войдя в роль, принялся прыгать по комнате, пока Антея читала:

Мой лупоглазый лягушонок!
Ты очень малый и смысленый.
Ты — украшеньё местных луж,
Мой милый маленький лягуш!

Вы, наверное, не знаете, что лягушек, если они мальчики, зовут «лягушами». А вот Ягненок это прекрасно знает.

— А теперь маленький ежик! — сказал он, и Антея продолжала:

Мой ненаглядный серый ежик.
Ну до чего же ты хороший —
Меня колючками изжалил
И щекотать себя заставил!

И она принялась так энергично щекотать Ягненка, что вскоре весь дом огласился его радостными воплями.

Вообще-то, эта игра предназначена только для самых маленьких — как, впрочем, и стихи, которые наверняка покажутся полной чепухой тем ребятам, которые уже научились читать и знают толк в настоящей поэзии. А потому остальные Антеевы вирши я пропущу,

К тому времени, как Ягненок успел побывать маленьким львом, маленьким

кроликом, маленькой лаской и маленькой крыской, мама уже была совсем готова. Поцеловав и обняв (настолько крепко, насколько это позволяло выходное платье) всех по очереди, она взяла Ягненка на руки и в сопровождении мальчиков отправилась на трамвайную остановку. Когда последние вернулись, все четверо собрались в кружок и, заговорщицки потирая руки, одновременно, как некий пароль, произнесли:

— Пора!

Они заперли обе двери и опустили на окнах жалюзи. Они оттащили в сторону стол и убрали с ковра стулья. Мало того, Антея как следует вымела его.

— Мы должны показать ему, что мы его любим, — сказала она. — В следующий раз мы прометим его чайными листьями. Больше всего на свете ковры любят чайные листья.

Затем каждый оделся потеплее, потому что Сирил сказал, что еще неизвестно, куда они попадут, и что на них, еще чего доброго, станут пялиться, если они будут разгуливать на улице во всем домашнем. Вы не забыли, что дело было в ноябре?

А потом Роберт осторожно разбудил Феникса, который, в отличие от Сирила, не стал отбиваться, а неторопливо зевнул, потянулся и мирно позволил перенести себя на середину ковра. Правда, там он снова заснул, как и прежде, сунув свою увенчанную золотым хохолком голову под крыло. Между тем дети расселись кружком на ковре.

Прежде всего, конечно же, встал вопрос о том, куда им лететь, и вопрос этот вызвал целую бурю разногласий. Антея хотела лететь в Японию, Роберт с Сирилом — в Америку, а Джейн страстно настаивала на каком-нибудь морском курорте.

— Там такие красивые ослики! — сказала она.

— Только не в ноябре, глупышка, — ответил ей Сирил.

Спор становился все яростнее, и казалось, что ему не будет конца.

— Я предлагаю спросить у Феникса, — сказал наконец Роберт, и принялся пихать спящую птицу в бок, пока она не проснулась.

— Мы хотим попасть куда-нибудь за границу, — сказали Фениксу дети, — да вот только никак не можем сообразить, куда именно.

— Предоставьте соображать коври, если, конечно, у него есть чем, — ответил Феникс. — Просто пожелайте оказаться за границей.

Дети так и сделали — и в следующий момент мир вокруг них перевернулся вверх тормашками, а когда все снова стало на свои места и у детей перестала кружиться голова, они обнаружили, что больше не сидят на полу в детской.

Нет, конечно, они по-прежнему сидели на ковре. Правильнее было бы сказать, что ковер больше не лежал на полу в детской. Более того, он больше не лежал на земле — он плавно и стремительно скользил в пьяняще-свежем ноябрьском воздухе. Над головой у детей разлилась бледная голубизна неба, а под ними, далеко внизу, поблескивали своими бриллиантовыми верхушками морские волны. Ковер растянулся, затвердел и стал похож на большой квадратный плот. Он так легко и уверенно парил в воздушном океане, что никому из детей и в голову не пришло испугаться. Прямо по курсу замаячила земля.

— Побережье Франции, — сказал Феникс, просыпаясь и указывая вперед крылом. — Где бы вы хотели приземлиться? На этот раз думайте получше! Лично я всегда

оставляю одно желание *про запас* — на случай, если впутаясь в какую-нибудь передрагу, из которой потом не выпутаться.

Но его уже никто не слушал — у детей были проблемы поважнее.

— Знаете что? — сказал Сирил. — Пускай ковер себе летит и летит, а когда мы увидим что-нибудь по-настоящему потрясающее, то сразу же остановимся. Правда, здорово?

И они полетели дальше — над коричневой полоской берега, аккуратными черными квадратиками полей и прямыми, как стрела, лентами дорог, по обе стороны обсаженными тополями.

— Это все равно, что поезд, — сказала Антея. — Только в поезде взрослые никогда не позволяют открывать окон, а в окно никогда ничего не увидишь, потому что стекло быстро запотеваает и становится как матовое. Так и ложишься спать ни с чем.

— Нет, это скорее похоже на сани, — возразил Роберт. — Так же быстро и плавно, только не натыкаешься в конце концов на резиновый коврик, а летишь себе все дальше и дальше.

— Спасибо тебе, милый Феникс! — сказала Джейн. — Это все благодаря тебе. Ты только посмотри на эту церквушечку-игрушечку! На этих малюсеньких монашенок с белыми ушастыми на шляпничками на головах!

— Не стоит благодарности, — ответил Феникс, вежливо подавляя зевок.

— Ну и ну! — воскликнул Сирил, выражая охватившее всех настроение. — Глядите! Да разве может наша Кентиш-Таун-Роуд сравниться со всем этим?!

Все дружно поглядели и решили, что нет, А волшебный ковер все так же быстро, плавно и, можно сказать, царственно парил над землей, а внизу появлялись все новые и новые прекрасные диковины, от вида которых у них захватывало дух, так что детям не оставалось ничего более, как вздохнуть и издавать ахи и охи до тех пор, пока не перевалило далеко за полдень.

А когда перевалило далеко за полдень, Джейн сказала:

— Жалко, что мы не прихватили с собой баранины и пирога с вареньем. Вот было бы здорово устроить пикник прямо в воздухе!

Баранина и пирог с вареньем лежали в кладовой камдентаунского (есть такой район в Лондоне, если вы до сих пор не знаете) дома, который дети должны были что есть мочи охранять. В настоящий момент маленькая серая мама-мышка, проев в корке пирога дыру величиной с робертову голову, пробовала на вкус начинку из малинового варенья. Она никак не могла решить, подойдет ли это угощение маленькому серому папе-мышу, и на всякий случай съела ее всю сама. Так что, от пирога вряд ли кому-нибудь, кроме нее, был какой-нибудь толк,

— Давайте остановимся в каком-нибудь более-менее безопасном месте, — сказала Антея. — У меня завалился трехпенсовик, а у Роберта с Сирилом есть по четырехпенсовику, которые они сэкономили, не поехав позавчера в город. Так что мы вполне можем купить какой-нибудь еды. Мне почему-то кажется, что Феникс отлично говорит по-французски.

А ковер все летел и летел — над лесами и полями, над горами и реками, над городами и деревнями. Это напомнило детям о том времени, когда у них были крылья

и они целый день летали над землей, а потом опустились на крышу церковной колокольни и устроили там себе роскошный обед из цыпленка с го — вяжым языком, заеденным свежесдобленным хлебом и запитым газировкой. Под влиянием этих воспоминаний все снова почувствовали себя ужасно голодными и уже совсем было хотели повернуть обратно, как вдруг впереди, на высоком холме, показались развалины древнего монастыря, посреди которых гордо возвышалась нетронутая временем — такой новехонькой она казалась — квадратная каменная башня.

— Смотрите-ка! У этой башни макушка величиной как раз ' с наш ковер, — сказала

Джейн. — Я думаю, что нам нужно спуститься прямо на нее. Тогда всякие там аб... абба абба-' ригены, то есть, я хотела сказать по... подслушники не смогут украсть у нас ковер, как бы им ни хотелось. А кто-нибудь из нас сходит и раздобудет всяческой еды — я имею в виду, купит еды, а не стащит из чьей-нибудь кладовки.

— А я думаю, что нам лучше... — начала было Антея, как вдруг Джейн сердито сжала свои пухлые кулачки и закричала: — Ага! Раз я младше всех, так меня можно не слушать?! Ну уж, нет! Я хочу, чтобы ковер приземлился на крыше этой башни — вот!

Ковер как-то неодобрительно вздрогнул, но тут же выправился и через минуту уже завис над квадратной вершиной башни. Затем он начал медленно опускаться — совсем как лифт в магазине «Все для военных и моряков».

— Мне кажется, прежде чем загадывать желания, нужно советоваться с остальными, — обиженно произнес Роберт. — Эй! А это еще что такое?!

Внезапно по всем четырем сторонам ковра стало вырастать нечто серое и явно каменное, как будто кто-то с необычайной быстротой ряд за рядом выкладывал вокруг них стену. Вот она была в фут высотой — а вот уже в два, три, четыре, пять! С каждой секундой стена все больше загораживала солнечный свет.

Антея посмотрела на небо у них над головами, потом перевела взгляд на растущие каменные стены, а потом закричала что есть мочи:

— Мы проваливаемся в башню! У нее нет никакой крыши! Ковру ничего не остается, как приземлиться у нее на дне.

Роберт стремительно вскочил на ноги.

— Нам нужно сейчас же. Эге, да тут полно совиных гнезд! — С этими словами он оперся коленом о проезжавший мимо выступ стены и засунул руку глубоко в бойницу — широкую в основании, но сужавшуюся до щели по мере того, как она достигала наружной поверхности стены.

— Осторожней! — закричали в один голос оставшиеся на ковре дети, но Роберт не внял предупреждению. А потому, когда он вытащил руку из совиного гнезда — в котором, кстати, все равно яиц не оказалось, — его отделяло от ковра уже целых восемь футов свободного полета. ' — Прыгай же, дурачина! — закричал решивший проявить тревогу за брата Сирил.

Но Роберт не мог в одну секунду изготавиться для прыжка, а пока он влезал в бойницу и, извиваясь всем телом, устраивался поудобнее на широком выступе основания, ковер успел опуститься еще на тридцать футов, и Роберт остался в полном одиночестве, ибо в этот день даже сов не было дома — а ведь совы, как известно, до

ночи никуда не выходят. Стены башни были на редкость гладкими, и взобраться по ним наверх он не мог. Что же касается спуска, то, едва глянув на зияющую под ним бездну, Роберт закрыл лицо руками и принялся со всей возможной скоростью отползать все дальше и дальше назад — до тех пор, пока его спина не вдавилась в узкий вырез амбразуры.

Теперь он был в относительной безопасности. Перед ним, в рамке внутреннего проема бойницы, виднелась противоположная стена башни. В общем-то, вид был приятный: меж массивных квадратных камней пробивался мох с таинственно мерцающими на нем капельками росы, но этот вид отстоял от Роберта на всю немислимую ширину башни, в которой ничего, кроме вольного воздуха, не было. Положение было отчаянным. Внезапно в голове у Роберта пронеслась мысль о том, что, судя по всему, ковер может принести им столько же неприятностей, сколько в свое время они натерпелись от Псаммиада.

А теперь представьте себе, что пережили остальные, в то время как ковер медленно, но неуклонно опускал их к самому основанию башни, предоставив Роберту барахтаться на стене высоко у них над головами. Самому Роберту, кстати, не было дела до переживаний остальных, так как ему хватало своих собственных, но вы-то в данный момент не висите на стене и вполне можете проявить капельку сочувствия.

Как только ковер коснулся земляного пола в основании башни, он вдруг потерял всякое сходство с воздушным плотом: упругость, отличавшая его во время всего пути от Камден-тауна до башни, бесследно пропала, и он безвольно раскинулся по булыжникам и земляным выбоинам пола, как самый обыкновенный ковер. Более того, он начал стремительно сжиматься, и дети, почувствовав, как у них вырывают опору из-под ног, быстренько попе-рескакивали с него на землю. Ковер сжимался до тех пор, пока не принял свои обычные размеры, после чего между ним и стенами стало очень много свободного места.

Стоявшие по разные стороны ковра дети посмотрели друга на друга, а затем задрали головы и стали шарить глазами по стене, тщетно пытаясь различить повисшего на ней Роберта. Конечно, его там уже давно не было.

— Лучше бы мы остались дома, — сказала Джейн.

— Опять ты за свое! — отрывисто произнес Сирил. — Слушайте, мы не можем бросить Роберта там, наверху. Я хочу, чтобы ковер спустил его вниз!

Ковер вздрогнул, словно пробуждаясь ото сна, снова обрел упругость и легко взмыл между стенами башни. Рискую свернуть себе шею, дети задирали головы все выше и выше — а ковер все больше и больше удалялся от них по направлению к верхушке башни. Там он повисел, затмевая собою солнечный свет, несколько неприятных мгновений, а потом резко пошел вниз и в конце концов плюхнулся на земляной пол, вывалив туда же немного испуганного, но счастливого Роберта.

— Здорово! — сказал Роберт. — Вот это при-ключеньице! Знали бы вы, чего я только не натерпелся в этой проклятой бойнице. Послушайте, не знаю, как вы, а с меня на сегодня хватит. Давайте вернемся домой и как следует подналяжем на баранину со сладким пирогом. А за границу мы еще тысячу раз успеем выбраться.

— Верно! — поддержали его остальные.

Сегодняшнее приключение успело всем изрядно поднадоесть, а потому дети снова забрались на ковер и хором закричали:

— Хотим немедленно попасть домой!

И в следующую секунду... они не только не попали домой, а вообще не тронулись с места! Ковер даже не шелохнулся. Посреди его продолжал мирно посапывать во сне Феникс. Антея по возможности ласково разбудила его.

— Послушай! — сказала она.

— Слушаю, — ответил Феникс.

— Мы пожелали вернуться домой, — пожаловалась Джейн, — но почему-то застряли, как видишь.

— Пожалуй, — сказал Феникс, оглядываясь по сторонам, — ты права. Вы, как я и в самом деле вижу, застряли.

— Но мы же *пожелали* вернуться домой! — сказал Сирил.

— Не сомневаюсь, — вежливо ответила птица.

— А ковер и не вздумал пошевелиться, — сказал Роберт.

— Да, — согласился Феникс. — Точнее и не скажешь.

— Но ведь это, кажется, волшебный ковер?

— Абсолютно верно, — сказал Феникс.

— Тогда в чем же дело? — спросили дети одновременно.

— Я пытался предостеречь вас, — сказал Феникс, — но вы не удосужились выслушать меня. Вы привыкли внимать лишь музыке собственных голосов. Согласен, звуки этой музыки — услада для каждого из нас, но иногда...

— Постой-постой! О чем это ты хотел нас предостеречь? — прервал его самый нетерпеливый из детей.

— О том, что ковер может исполнять только три *желания* в день, а вы все три уже загадали.

На минуту в башне воцарилась гробовая тишина.

— Но как же нам теперь попасть домой? — сказал наконец Сирил.

— Понятия не имею, — сочувственно откликнулся Феникс. — Если хотите, я могу слетать за едой.

— А как же деньги? Ведь ты не сможешь нести их в клюве.

— Не имеет значения. Птицам разрешается бесплатно брать все, что они захотят. Это не считается воровством — если ты, конечно, не сорока.

Детям было приятно узнать, что они оказались правы, предположив то же самое в тот далекий день, когда у них были крылья и они решили воспользоваться ими для того, чтобы полакомиться спелыми сливами в чужом саду.

— Правильно, пусть Феникс прежде всего достанет нам чего-нибудь поесть, — произнес Роберт («Пожалуйста!» — яростно прошептала у него за спиной Антея), — э-э-э — пожалуйста, а пока он летает, мы чего-нибудь да придумаем.

После этого Феникс взмахнул крыльями и, запечатлевшись золотым росчерком на серых стенах, выпорхнул наружу через открытую верхушку башни. Подождав, пока он полностью скроется из виду, Джейн сказала дрожащим голосом:

— А что если он никогда не вернется? Это было не очень приятное

предположение, и хотя Антея тотчас же поспешила заявить, что Фениксы издревле считались птицами слова, это никому не прибавило бодрости. Башня была построена таким странным образом, что в ней не было ни одной двери, а ближайшее окно находилось так высоко, что до него не решился бы добраться даже самый опытный скалолаз. Кроме того, в ней было довольно холодно, и Антея то и дело зябко поеживалась.

— Все равно что оказаться на дне колодца, — заметил по этому поводу Сирил.

Детям ничего не оставалось, как сидеть и, ждать в угрюмом молчании, иногда прерываемом голодным урчанием в животе Джейн. В конце концов у всех изрядно заболели шеи от постоянного и длительного запрокидывания голов к видневшемуся наверху квадратному кусочку неба, где должен был появиться Феникс.

Наконец он появился. Он спускался очень медленно и осторожно и, вообще, выглядел чересчур грузным и каким-то раздутым. Когда он подлетел поближе, дети поняли, что впечатление раздутости объясняется тем, что в одной лапе Феникс держал большую корзину с жареными каштанами, а в другой — каравай хлеба. В довершение всего, из клюва у него свисала невероятных размеров груша. Эта груша оказалась очень сочной и вполне заменила детям питье. После того, как с обедом было покончено, дети дружно принялись обсуждать вопрос о возвращении домой. На этот раз между ними не возникло разногласий, но, если по-честному, то их и не могло возникнуть, ибо никто так и не смог предложить ничего путного. Они даже не могли придумать, как им выбраться из башни: единственным, кто мог летать, был Феникс — но даже Феникс, чьи когти и клюв оказались настолько сильными, чтобы принести целую гору еды, не смог бы подняться в воздух с четырьмя хорошо упитанными детьми.

— Нам придется остаться здесь, — сказал наконец Роберт, — и время от времени вопить посильнее — авось кто-нибудь да и услышит! Представляете, тогда они принесут веревки и лестницы и будут спасать нас, как рудокопов из шахты! А потом они решат, что мы убежали из дома и соберут нам денег на обратную дорогу.

— Допустим, — сказал Сирил. — Но так мы ни за что не сумеем попасть домой раньше мамы, и уж тогда-то папа обязательно выбросит наш ковер! Он скажет, что это очень опасная штука или что-нибудь в этом роде...

— А я говорю, что лучше бы мы остались дома, — сказала Джейн.

Все, кроме Антеи, велели ей немедленно заткнуться. Антея же, внезапно просветлев, разбудила Феникса и сказала:

— Послушай, я уверена, что только ты можешь нам помочь. О, милый Феникс, помоги нам, пожалуйста!

— Я сделаю для вас все, что только в моих силах, — немедленно отозвался Феникс. — Чего вы желаете в настоящий момент?

— Как чего? Мы хотим домой! — закричали все разом.

— О! — сказал Феникс. — Ага! Вот как! Домой, говорите? А что значит «домой»?

— Это значит: туда, где мы живем. Где мы все спали этой ночью. И где находится тот самый алтарь, свет которого забрезжил перед твоими очами после двух тысяч лет спячки.

— А, так это, значит, и есть домой? — сказал Феникс. — Что ж, постараюсь

помочь, чем могу.

Он перепорхнул на ковер и несколько минут Расхаживал по нему в глубокой задумчивости. Затем гордо расправил грудь и улыбнулся.

— Я, кажется, и в самом деле могу вам помочь, — сказал он. — Нет, я *почти* уверен в этом. Да что там уверен — у меня нет никаких сомнений! Не возражаете, если я оставлю вас на пару часиков?

И, не дожидаясь ответа, он взмыл сквозь серый сумрак башни к светлому кусочку неба у них над головами.

— Так, — сказал Сирил самым мужественным тоном, на который только был способен. — Он сказал, пару часиков. А вот я читал в книжках о пленниках и всяких там жаждущих избавления заключенных, что для них каждая секунда казалась вечностью. И чтобы хоть как-то скрасить исполненные отчаяния часы ожидания, они находили себе какое-нибудь увлекательное занятие. Полагаю, что для дрессировки пауков у нас слишком мало времени..

— Почти совсем никакого времени, — быстро вставила Джейн,

— ...так что мы можем пока выцарапать наши имена на камнях или заняться чем-нибудь другим.

— Кстати, насчет камней, — сказал Роберт. — Видите вон ту кучу булыжников в дальнем углу? Я уверен, что там раньше был проход через стену. Наверняка и дверь там имеется. Ага! Смотрите — камни навалены полукругом, как будто за ними арка. Э, да тут дыра! Какой-то проход! Правда, внутри ничего не видно — слишком темно.

Во время этого монолога он совершил три последовательных действия: а) влез на кучу, б) сбросил с нее лежавший на самом верху камень и в) заглянул в открывшуюся впадину.

В следующее мгновение остальные присоединились к нему и принялись помогать раскидывать кучу. Очень скоро детям пришлось сбросить свои куртки, ибо работа оказалась не из самых прохладных.

— Кажется, *и впрямь* дверь, — сказал Сирил, утирая лицо. — Что ж, совсем неплохо — на тот случай, если...

Он хотел сказать «если что-нибудь случится с Фениксом», но передумал, не желая пугать Джейн. Вообще-то, когда у него хватало на то времени, он умел вести себя на редкость тактична

Постепенно арочный проход в стене становился все больше и больше. Внутри него было так темно, что даже вечный полумрак башни казался в сравнении с ним ярким полднем. Дети продолжали выбирать из кучи камни и сваливать их неподалеку в другую кучу. Очевидно, эти камни пролежали здесь не одну сотню лет, потому что все они были густо покрыты мхом, а некоторые даже срослись между собой. Так что — как верно, но немного парадоксально подметил Роберт — на такой работе трудно было порости мхом.

Когда арка была наполовину освобождена от камней, Роберт с Сирилом осторожно проскользнули внутрь и принялись одну за другой зажигать спички. Б этот момент они возблагодарили судьбу за то, что она наделила их папой, у которого, в отличие от других пап, хватало соображения не запрещать своим детям носить при

себе спички. Единственное, на чем настаивал папа Роберта и Сирила, это чтобы они пользовались спичками, которые зажигаются только от коробка.

— — Тут нет никакой двери, зато есть туннель! — крикнул Роберт девочкам, после того как прогорела первая спичка. — А ну-ка, посторонитесь! Мы повыталкиваем изнутри еще несколько камней.

Что они и сделали посреди всеобщего возбуждения. Теперь от каменной кучи осталась пара-другая булыжников, и глазам девочек открылся темный проход, ведущий в неведомые дали. Все сомнения и тревоги по поводу возвращения домой были немедленно забыты. Это был поистине волнующий момент. Это было даже лучше, чем «Монте-Кристо», лучше, чем...

— Вот что! — вдруг сказала Антея. — Ну-ка, вылезайте оттуда немедленно! В закрытых туннелях всегда бывает дурной воздух. Сначала у вас гаснут фонари, а потом вы и сами умираете. Кажется, это называется «гремучий газ». Вылезайте, я вам говорю!

Настойчивость, с какой она обращалась к мальчикам, в конце концов принудила их выбраться наружу. Затем каждый взял свою куртку и принялся махать ею перед горловиной туннеля, чтобы тот «немного проветрился». Когда Антея наконец решила, что они напустили туда достаточно свежего воздуха, Сирил решительно устремился вперед. За ним последовали девочки, а Роберту пришлось замыкать шествие, так как Джейн наотрез отказалась идти последней, ибо всерьез полагала, что там, в темноте, притаилась какая-то неведомая «страшилка», которая только и ждет удобного случая, чтобы наброситься на нее сзади. Внутри туннеля Сирил продвигался более осторожно, беспрестанно чиркая спичками и пристально всматриваясь вперед.

— Смотрите, какие у него покатые своды, — сказал он. — И ведь все сделано из камня-. Слушай, Пантера, хватит дергать меня за куртку! С воздухом все в порядке — спички-то горят себе как ни в чем не бывало. А теперь осторожней — тут какие-то ступеньки! Ведут вниз...

— Ой, давайте дальше не пойдём! — сказала Джейн, на которую накатил новый приступ паники (очень, скажу вам, неприятная вещь). — Там наверняка окажутся змеи, ямы со львами и прочие гадости. Давайте пойдём назад и вернемся как-нибудь в другой раз, когда у нас будут свечи и меха для выветривания гремучего газа.

— Ну ладно, давайте выбираться отсюда, — сказал Роберт. Однако последовать его совету оказалось не так-то просто, поскольку никто не мог толком вспомнить, каким путем они добирались сюда. Вообще, вспоминать что-нибудь в темноте бесполезно. Другое дело, когда у вас есть спички. Тогда их даже и зажигать не надо — все вспоминается само собой.

Но, как вы уже знаете, у детей не было спичек, а потому всем им волей-неволей пришлось согласиться с Джейн в том, что лучше бы им было сегодня вообще не высовывать носа из дому. Они уже были готовы предаться самому настоящему черному отчаянию, как вдруг пол у них под ногами подпрыгнул, и чья-то невидимая рука закружила их в смерчевом вихре, увлекая неведомо куда. Все четверо зажмурились (хотя какая от этого польза в темноте, правда?) и крепко вцепились руками друг в друга. Когда смерч наконец ослабил свою хватку, Сирил сказал: «Землетрясение!» — и

дети открыли глаза.

Они стояли посреди своей полутемной детской — но как светло и красиво, как тепло и уютно, как, наконец, потрясюще здорово было очутиться здесь после крошечной тьмы подземного туннеля! На полу лежал ковер, и выглядел он так безобидно, словно ему ни разу в жизни не доводилось никого возить за границу. На каминной полке сидел Феникс и с чрезвычайно скромным видом ожидал изъявлений благодарности.

— Но как тебе удалось сделать *это*? — спросили его дети, исчерпав все известные им формулы вежливости.

— А, пустяки! Я просто слетал к вашему другу Псаммиаду и одолжил у него одно желание.

— Но *откуда* ты узнал, где его найти?

— Мне сказал ковер. Эти исполнители желаний всегда все знают друг о друге. У них, знаете ли, клановые интересы — совсем как у шотландцев.

— Но ведь ковер не умеет разговаривать!

— Не умеет.

— Тогда каким же образом...

— ...я раздобыл Псаммиадов адрес? Говорю же вам, мне подсказал ковер.

— Значит, он *все-таки* умеет разговаривать?

— Да нет же, — задумчиво произнес Феникс. — Разговаривать он не умеет, но я, знаете ли, понаблюдал за ним минутку-другую, и мне все стало ясно. Мне всегда говорили, что я очень наблюдательная птица.

Только как следует подкрепившись холодной бараниной и оставшимися от мыши корками сладкого пирога (за которыми последовали горячий чай и бутерброды), дети нашли в себе силы пожалеть о рассыпанном на полу подземного туннеля сокровище, о котором, правда, никто и не вспоминал с тех самых пор, как Сирил обжег пальцы в пламени последней спички.

— Ну и ослы же мы с вами! — сказал Роберт. — Всю жизнь гонялись за сокровищами, и вот...

— Да не переживай ты так! — сказала Антея, которая, как обычно, старалась примирить всех и вся. — Завтра мы вернемся туда и заберем твоё сокровище. Вот уж тогда накупим всем подарков!

Последующие четверть часа дети не без приятности провели в обсуждении того, ^{ком}какие следует купить подарки, а когда их филантропический пыл иссяк, потратили еще пятьдесят минут на то, чтобы придумать, что они купят себе.

Роберт уже заканчивал свое перегруженное техническими подробностями описание автомобиля, на котором он намеревался ездить в школу и обратно, как Сирил вдруг прервал его.

— Да ладно вам! — сказал он. — Хватит болтать! Все равно ничего у нас не выйдет. Мы никогда не сможем туда вернуться. Ведь мы даже не знаем, где находится эта треклятая башня.

— Может быть, ты знаешь? — с надеждой спросила Феникса Джейн.

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Феникс тоном, в котором слышалось искреннее сожаление.

— Тогда не будет нам никакого сокровища, — сказал Сирил.

И это была суцая правда.

— Но все равно, у нас есть ковер и Феникс! — сказала Антея.

— Прошу прощения! — сказал Феникс с видом оскорбленного достоинства. — Я ужасно не люблю вмешиваться в чужие разговоры, но ведь ты наверняка хотела сказать «Феникс и ковер»?

Глава III

АВГУСТЕЙШАЯ КУХАРКА

Итак, в субботу дети совершили первое из ряда своих славных путешествий на волшебном ковре. Для тех, кто еще ничего не понимает в днях недели, я хочу напомнить, что на следующий день было воскресенье.

Нужно сказать, что в доме номер 18 по Кентиш-Таун-Роуд Камдентаунского района воскресенье было самым настоящим праздником. Накануне папа всегда приносил домой цветы, так что воскресный стол выглядел на редкость замечательно. В ноябре он, конечно, чаще всего приносил медновато-желтые хризантемы, ибо других цветов в ноябре, как вы знаете, не бывает. Кроме того, в воскресенье на завтрак всегда подавали запеченные сосиски с гренками, а, согласитесь, после шести дней сплошных яиц, закупаемых на Кентиш-Таун-Роуд по шиллингу за дюжину, это было немалое удовольствие.

В воскресенье, о котором пойдет речь, на обед были запеченные в тесте цыплята, угощение, которое обычно припасали на случай дня рождения или какого-нибудь другого грандиозного события, а на десерт — воздушный пудинг с рисом, взбитыми сливками, апельсинами и глазурью, отведав которого, так, кажется, и воспаряешь к небесам.

После обеда папа почувствовал, что на него накатывает дремота, да и немудрено — ведь он целую неделю трудился в поте лица своего. Но он не поддавался увещаниям своего внутреннего голоса, который нашептывал ему: «Ложись и отдохни часок-другой!», и принялся возиться с Ягненком, у которого с утра открылся сильный кашель (кухарка говорила, что это «коклюшный кашель, чтоб мне сдохнуть!»), а потом сказал:

— Дети, за мной! У меня в библиотеке есть потрясающая книжка. Она называется «Золотой возраст», и я, пожалуй, сейчас ее вам читаю.

Через минуту все собрались в гостиной. Мама прилегла на кушетку, заявив, что ей гораздо удобнее слушать с закрытыми глазами. Ягненок пристроился на сгибе папиного локтя, который он называл «своим креслицем», а остальные дети устроили кучу-малу на каминном коврик. Сначала им пришлось изрядно потолкаться, пристраивая поудобнее свои ноги, руки, локти, коленки, плечи и головы, но мало-помалу суматоха улеглась, и дети, задвинув на время Феникса с ковром в самый дальний уголок своей памяти (откуда их, правда, можно было извлечь при первом же удобном случае), приготовились слушать, как вдруг в дверь гостиной громко — и довольно неприязненно — постучали. Затем дверь с сердитым скрипом приоткрылась, и из темноты коридора прозвучал голос кухарки:

— Извиняюсь, мэм, можно вас на пару слов? Мама жалобно посмотрела на папу, вынула из-под кушетки свои шикарные выходные туфли, надела их и, горестно вздохнув, встала.

— Вот тебе и синица в руках! — сказал, улыбаясь, папа. Только уже став совсем взрослыми, дети сумели понять, что он имел в виду.

Мама вышла в коридор, который среди домашних гордо именовался «холлом» и в

котором, помимо вешалки для зонтов и слегка заплесневелой от сырости картины «Повелитель Глена», из соображений контрастности упакованной в позолоченную раму, ее глазам предстала краснолицая и явно разгневанная кухарка, наспех перевязанная чистым передником поверх грязного — того, в котором она готовила доставивших всем столько удовольствия цыплят. Она столбом стояла посреди коридора, и с каждой минутой ее лицо все больше наливалось краской, а огромные заскорузлые пальцы все яростнее теребили край передника. В конце концов она отрывисто произнесла:

— Извиняюсь, мэм, но я хочу получить расчет.

Мама обессиленно прислонилась спиной к вешалке. Детям было видно в приоткрытую дверь, что она заметно побледнела — да и было отчего! Мама всегда была очень добра с кухаркой и не далее, как позавчера, позволила ей взять выходной. Понятно, что со стороны кухарки было большим свинством ни с того ни с сего взять и попросить расчет, да еще в воскресенье.

— Но в чем же, собственно, дело? — спросила мама.

— Это все ваши пострелята, — сказала кухарка, и дети, которые почему-то с самого начала знали, что речь пойдет именно о них, покорно приняли виноватый вид. На самом деле, они как будто не делали ничего из ряда вон выходящего — так, обычные мелкие шалости, — но вы же знаете, что кухарки сердятся по самому ничтожному поводу, а иногда и вовсе без него.

— Я говорю, ваши пострелята, — продолжала кухарка, — опять принялись за свое. Уляпа-ли грязью весь ковер! Новый ковер в детской, говорю вам. Уляпали с обеих сторон, да грязь-то такая желтая, жирная — бр-р! Где они только такую откопали, ума не приложу. Как хотите, а я не буду мараться в этой гадости, да еще в воскресенье. Ох, не по мне это место, ох, не по душе мне все это! Честно говорю вам, мэм, если бы не эти неслухи, то ваш дом всем бы был хорош. И уж как уходить-то мне неохота, да знать не судьба...

— Поверьте, мне очень жаль, — успокаивающим тоном сказала мама. — Я обязательно поговорю с детьми. А вы пока обдумайте все хорошенько, и уж если действительно захоти-те уйти, то скажите мне завтра.

На следующий день кухарка немного успокоилась и сказала, что, пожалуй, задержится еще на пару недель, а там видно будет.

Но перед тем мама и папа произвели тщательное расследование всей этой истории с ковром. Джейн по-честному пыталась объяснить, что грязь пристала к ковру, когда он лежал на дне заграничной башни, но ее слова были встречены так холодно, что остальные дети ограничились лишь многочисленными извинениями и заверениями, что больше никогда не будут так делать. Это им мало помогло: папа сказал (и мама поддержала его — не потому, что ей этого хотелось, а просто мамы всегда и во всем поддерживают пап), что детям, которые пачкают грязью ковры, а вместо объяснения рассказывают всякие байки — это он имел в виду чистосердечное признание Джейн, — вообще не полагается иметь таких дорогих вещей, и потому он забирает у них ковер на целую неделю.

После этого ковер был начисто выметен (в том числе и чайными листьями, что

немного утешило Антею), свернут и заперт в шкафу на чердаке. Ключ от шкафа папа положил себе в карман.

— До субботы! — напомнил он.

— Ну ничего! — сказала Антея, когда дети остались одни. — У нас еще остался Феникс.

Но, как выяснилось, она ошибалась. Феникс куда-то запропастился, и в одно мгновение сверкающий мир волшебных приключений померк и уступил место удручающей ноябрьской сырости и обыденности камдентаунской жизни. Посреди детской теперь неприглядно красовались обрамленные лохмотьями старого линолеума голые доски, и на их желтой поверхности по вечерам отчетливо выделялись тараканы, которые, как обычно, были исполнены намерения завязать знакомство с детьми. Но дети, как обычно, оставались при своем мнении.

Так что остаток воскресенья дети провели в унынии, которое не смог рассеять даже сладкий творог со взбитыми сливками, поданный на ужин в чаше из дрезденского фарфора. На следующий день Ягненку стало хуже, и родители, опасаясь, как бы его кашель и впрямь не оказался коклюшным, послали за доктором. В полдень его коляска остановилась у дверей дома.

Каждый из детей старался мужественно переносить жизненные невзгоды, обостренные сознанием того, что волшебный ковер заперт на чердаке, а Феникс вообще обретается неизвестно где. Правда, последнего не переставали искать по всему дому.

— Феникс — это птица слова, — повторяла Антея. — Он ни за что не бросит нас. Вы же знаете, что ему пришлось совершить ужасно изнурительный перелет от того места, где мы были за границей, до окрестностей Рочестера и обратно. Наверняка, бедняжка вымотался до последней степени и теперь отдыхает где-нибудь в укромном месте. Я уверена, что он нас не подведет.

Остальные пытались уверить себя в том же самом, но у них почему-то это плохо получалось.

Естественно, что никто из них теперь не испытывал добрых чувств по отношению к кухарке, поднявшей скандал из-за нескольких малюсеньких пятнышек заграничной грязи — скандал, закончившийся тем, что у них отобрали ковер.

— Ну почему она не сказала сначала нам? — жаловалась Джейн. — Мы с Пантерой в одну секунду промели бы ковер чайными листьями.

— Потому что она сварливая ведьма! — сказал Роберт.

— А я вообще не хочу говорить о ней, — надменно сказала Антея, — потому что тогда мне придется сказать, что она скандалистка, лгунья и доносчица!

— Не будет преувеличением сказать, что она самая настоящая клуша и противная сизоносая Боцуосиха впридачу, — сказал Сирил, недавно прочитавший книжку с названием «Огненные глаза» и намеревавшийся выразиться исключительно как Тони (правда, осуществлению этого намерения изрядно мешало то, что Роберт не читал «Огненных глаз» и не мог отвечать ему как Пол).

Остальные дети согласились с ним в том, что если кухарка и не совсем похожа на сизоносую Боцуосиху, то, все равно, лучше бы ей вовсе не рождаться на свет.

При всем при том я заверяю вас, что маленькие неприятности, которые случались на протяжении всей последующей недели и которые так досаждали кухарке, вовсе не были намеренно подстроены детьми, хотя, с другой стороны, они бы никогда не случились, не будь они на нее в обиде.

Вот вам одна из загадок нашей жизни. Разгадайте ее, если сумеете.

А вот список маленьких неприятностей, случившихся за последующую неделю:

Воскресенье. — Ковер в детской с обеих сторон испачкан грязью.

Понедельник. — Антея поставила на плиту кастрюльку с лакрицей и анисовыми семечками. Она полагала, что это поможет Ягненку от кашля, но заигралась с детьми, и в результате у кастрюльки выгорело дно. Это была очень красивая кастрюлька с белой полоской по краю. В ней кипятили детское молоко.

Вторник. — В кладовке обнаруженадохлаямышь. Во время рытья могилы до 'досадной случайности сломана десертная лопаточка. Оправдание: «Кухарка сама виновата — нечего было хранить в кладовке дохлых мышей».

Среда. — На кухонном столе на минутку оставлено рубленое сало. Роберт, решив, что это одно и то же, добавил туда рубленого мыла.

Четверг. — В результате игры в разбойников разбито кухонное окно. Оправдание: «Мы играли по всем правилам».

Пятница. — Слив кухонной раковины замазан мастикой, а сама раковина наполнена водой для запуска бумажных корабликов. После окончания игры кран не завернут. Кухонный коврик и кухаркины шлепанцы залиты водой.

В субботу ковер был возвращен на место. За неделю у детей было достаточно времени, чтобы решить, куда они отправятся в следующий раз.

Мама, как обычно, отправилась к бабушке, но на этот раз Ягненок остался дома по причине своего кашля, который кухарка упорно называла «коклюшным, чтоб мне сдохнуть».

— Ничего, мы возьмем с собой нашего милого утеночка, — сказала Антея. — Мы отправимся в такое место, где просто не может быть коклюшного кашля. Прекрати нести чепуху, Роберт! Ничего он никому не расскажет А если и расскажет, то ему все равно никто не поверит. Он постоянно болтает о всяких невероятных вещах.

Так что они принялись надевать на Ягненка самые теплые вещи, какие у него имелись, причем бедняжка все время то кашлял, то смеялся. Пока мальчишки убрали с ковра стол и стулья, Джейн нянчила Ягненка, а Антея в последний раз обежала дом в поисках Феникса.

— Я думаю, больше ждать не стоит, — сказала она, появляясь наконец в детской и с трудом переводя дух. — Но я уверена, что он нас все-таки не бросил. Феникс — это

птица слова.

— Абсолютно верно, — донесся из-под стола вкрадчивый голос Феникса.

Все тут же опустились на колени и, отогнув свисавшую со стола скатерть, устались на Феникса, который как ни в чем не бывало восседал на перекладине, которая когда-то, в незабвенные весенние деньки, служила опорой выдвижному ящику — и продолжала бы служить вечно, если бы Роберту не вздумалось сделать из ящика лодку и продавить ему дно своими патентованными «рэггетовскими» школьными ботинками в первой же попавшейся луже.

— Я все время был здесь, — сказал Феникс и зевнул, вежливо прикрывая клюв лапой. — Если вам уж так хотелось меня видеть, то нужно было прочитать заклинание вызова. Это очень красивое заклинание — в нем примерно семь тысяч строк, и написано оно на чеканном древнегреческом языке.

— А не мог бы ты сказать его нам по-английски? — спросила Антея.

— Какая разница? — вставила Джейн, подбрасывая на колене Ягненка. — Оно все равно немного длинноватое.

— А нельзя ли для этого заклинания придумать сокращенный английский вариант? Ну, вроде как в словаре «Тейта и Брейди»?

— О, выходи поскорей, — сказал Роберт, вытягивая вперед руку. — Что же ты мешкаешь, Феникс?

— *Наш замечательный* Феникс, — застенчиво поправила птица.

— Да-да, конечно, наш замечательный Феникс. Только выходи поскорей, — нетерпеливо повторил Роберт, потрясая протянутой рукой.

Взмахнув крыльями, Феникс выпорхнул из-под стола и опустился Роберту на руку.

— Этому добронравному юноше, — объяснил он остальным, — удалось чудесным образом переложить семь тысяч нуднейших строк греческого гексаметра в одну великолепную строку английского — слегка ломаного, правда, но все же...

— *О, выходи поскорей*, наш замечательный Феникс! Нам уже давно пора отправляться. —

— Слышите? Конечно, недостает тренировки, но для его возраста совсем и совсем неплохо...

— Ну хватит! В путь! — сказал Роберт и ступил на ковер, держа золотую птицу на запястье.

— Ты немного похож на королевского со-кольничьего, — сказала Джейн, усаживаясь рядом с ним и пристраивая на коленях Ягненка.

Чтобы еще больше походить на королевского сокольничьего, Роберт гордо выпятил грудь и надул щеки. А тем временем Сирил и Антея тоже устроились на ковре.

— Нам нужно обязательно вернуться до обеда, — сказал Сирил, — а то кухарка поднимет такой переполох!

— Вообще-то, она не ябедничала с самого воскресенья, — сказала Антея.

— Да она просто... — начал было Роберт, но тут дверь стремительно отворилась, и в комнату смерчеподобно ворвалась раскрасневшаяся, запыхавшаяся и донельзя разъяренная кухарка. В одной руке она сжимала разбитую миску, в другой — раскаленный добела воздух. Влетев по инерции на ковер, она грозно нависла над

детьми.

— Эй, вы! — завопила она. — Это была моя последняя миска! В чем мне теперь готовить бифштекс и пирог с почками, а? Что мне скажет ваша матушка, когда вернется к обеду? Да вы сущие дьяволы! Вот что я вам скажу: не заслужили вы никакого обеда! Ничего-то вы сегодня не получите!

— Мне очень-очень жаль, милая кухарка, — сказала Антея. — Это я виновата — хотела сказать вам, да забыла. Она разбилась, когда мы гадали в ней на расплавленном свинце. Честное слово, я сразу же собиралась вам все рассказать.

— Собиралась, смотрите-ка! — ответила кухарка, пуще прежнего покраснев от гнева, что, впрочем, не так уж и удивительно. — Она собиралась! Ладно, тогда я тоже собираюсь все рассказать вашим родителям. Всю неделю я Держала язык за зубами, и все потому, что Добрая миссис сказала мне: «Что поделаешь, молодо — зелено!», но уж теперь-то вы за все ответите. Вы подложили нам с Элизой мыло в пудинг, но мы даже и рта не раскрыли — хотя могли бы, да еще как! — а потом вы испортили детскую кастрюльку, а потом сломали лопаточку, а потом... Господи ты Боже мой! Чего это вам взбренило напялить на это бедное дитя теплую одежду? Оно-то в чем виновато?!

— Мы собирались взгреть... то есть, прогреть его как следует, — сказала, запинаясь, Антея, — а потому...

Она хотела сказать, что они не собираются выводить его на Кентиш-Таун-Роуд, а хотят устроить ему хорошую солнечную ванну. Но кухарка из ее бессвязного лепета услышала лишь слово «взгреть» — и восприняла его очень серьезно.

— Взгреть?! — воскликнула она. — Ну уж, нет! Покуда я жива, вы к нему и пальцем не притронетесь!

С этими словами она вырвала Ягненка у Джейн из рук. Антея с Робертом инстинктивно схватились за концы ее фартука, как будто это могло помочь.

— Послушайте! — сказал Сирил, от отчаяния набравшись смелости. — Может быть, вам лучше пойти на кухню и приготовить ваш дурацкий пудинг в салатнице или в ступке — или, на худой конец, в цветочном горшке?

— Как же! — отозвалась кухарка. — И оставить вам эту крохотулечку, чтобы вы уморили ее до смерти?

— Предупреждаю вас в последний раз, — медленно произнес Сирил, — уходите, а то будет поздно.

— Сам такое слово! Ах, ты маленький ползунчик-попрыгунчик! — слащаво заныла она, обращаясь к Ягненку. — Они не взгреют тебя, эти бандиты. Я им сейчас... Эй! А это еще что такое?! Где вы подобрали эту желтую курицу?!

И она показала на Феникса,

Тут даже вежливая Антея поняла, что, если немедленно не выбить у кухарки почву из-под ног, то им всем придется худо.

— Я хочу, — сказала она, — чтобы мы очутились на солнечном берегу какого-нибудь южного моря, где ни у кого не бывает коклюшных кашлей.

Ее голос едва пробивался сквозь плач испуганного Ягненка и громогласные нотации кухарки, но, тем не менее, в следующую секунду каждый из присутствующих

испытал знакомое ощущение стремительного полета во внезапно сорвавшемся с троса лифте. Кухарка слоноподобно осела на ковер и, изо всех сил прижимая к своему затылку в ситец огромному торсу беспрестанно вопящего Ягненка, принялась звать к Святой Бригитте. Она, видите ли, ко всему прочему была еще ирландкой.

Когда чувство падения вверх тормашками прекратилось, кухарка приоткрыла один глаз и тут же снова закрыла его. В промежутке между этими двумя действиями она пронзительно взвизгнула. Воспользовавшись моментом, Антея отняла у нее отчаянно завывавшего Ягненка.

Ну-ну, все в порядке, — сказала она. — воя Пантерочка больше тебя никому не отдаст. Посмотри-ка, какие здесь чудные деревья, и песок, и раковины — и даже самые настоящие гигантские черепахи. О Господи, какая тут жара!

Действительно, было немного жарковато. Дело в том, что верный ковер приземлился на «всамделишном», как выразился Роберт, тропическом берегу, большую часть дня залитом лучами солнца. Простиравшиеся перед ними склоны были настолько зелены, что в это было трудно поверить, и вели они не куда-нибудь, а к сверкавшим буйными красками юга рошицам, в которых в огромном изобилии произрастали пальмы, неведомые цветы и экзотические фрукты, о которых вы можете прочитать разве что в таких великих книжках, как «На запад!» и «Нечестная игра». Между бриллиантовой зеленью склонов и ослепительной синевой моря протянулась полоска песка, напоминавшая скорее покрытый искристой позолотой ковер, нежели наши сероватые северные пляжи — ибо здешний песок был не просто желт и светел, но переливался всеми цветами радуги. А самое главное — в тот момент, когда ковер закончил свой молниеподобный, головокружительный и немного неприятный для желудка полет, дети имели редкое удовольствие лицезреть трех огромных живых черепах, медленно ковылявших по направлению к лазурным волнам моря, где они вскоре и скрылись. И, конечно же, стояла такая жара, что, если только вы ни разу не бывали в парной, то, пожалуй, и представить себе не сможете.

А потому первым делом дети принялись яростно срывать с себя теплую одежду (которая, собственно, ни в чем не была виновата, так как для лондонских улиц в ноябре годилась в самый раз). Затем Антея сняла с Ягненка синий разбойничий кафтан, треуголку и теплый вязаный жакет. Последнему эта игра изрядно пришлась по душе, потому что в следующий момент он вдруг совершенно самостоятельно (чего с ним прежде никогда не случалось) выскользнул из своих тесных голубых бриджей и весело заплясал на песке.

— Могу поспорить, здесь гораздо теплее, чем у нас на побережье, — сказала Антея. — А ведь даже там мама позволяет нам ходить босиком.

И с этими словами она сняла с Ягненка его крошечные туфельки, чулочки — и гамаша, после чего тот немедленно зарыл свои крошечные розовые ступни в гладкий золотой песок.

— Я маленький беленький утенок, — сказал он. — А утеночки любят плавать.

В следующую секунду он уже всюду плавал в песочном бассейне.

— Ничего, — сказала Антея. — Это ему не повредит. Ох, ну и жара!

Внезапно кухарка открыла глаза и громко взвизгнула. Потом она закрыла глаза и

взвизгнула еще раз. Потом она снова открыла глаза и сказала:

— Пропади я пропадом! Что все это значит? ^У Да, это же сон. И, чтоб я сдохла, самый лучший сон из всех, что я видывала. Нужно будет завтра обязательно заглянуть в сонник. Гак, что тут у нас?.. Пляж, деревья, мягкий ковер... Вот бы ни за что не поверила, что бывают такие сны!

— Послушайте! — обратился к ней Сирил. — Это вовсе не сон. Всё это есть на самом деле.

— Знаем, знаем! — сказала кухарка. — Во сне так всегда и говорят.

— Говорю вам, это все ВЗАПРАВДУ, — сказал Роберт, нетерпеливо притопывая ногой. — Я не могу вам сказать, как это делается, потому что это наш *большой секрет*, — тут он многозначительно подмигнул остальным детям, — но вы же сами не захотели идти готовить пудинг, вот нам и пришлось взять вас с собой. Надеюсь, вам здесь хоть нравится?

— Врать не буду: нравится, да еще как! — неожиданно сказала кухарка. — Раз это все равно сон, то я буду говорить, что захочу. И уж если на то пошло, то я скажу, что из всех негодных маленьких шалопаев, каких я повидала на своем веку...

— Уйми свой пыл, добрая женщина! — сказал Феникс.

— Сам уймись! — по привычке парировала кухарка, но затем, увидав, кто произнес эти слова, продолжила уже совсем другим тоном; — Вот тебе и на! Говорящая желтая курица! Слыхала я о таком, но вот уж никогда не думала, что увижу собственными глазами.

— Ну, ладно! — нетерпеливо произнес Сирил. — Вы сидите здесь и глазейте по сторонам: уверяю вас, еще не таких чудес навидаетесь! А все остальные за мной — на совет!

И дети гурьбой отправились вдоль берега. Когда они отошли настолько далеко, что сидевшая на ковре и расплывшаяся в бессмысленной, но явно счастливой улыбке кухарка не могла их слышать, Сирил сказал:

— Послушайте-ка меня! Нам нужно скатать ковер и спрятать его в каком-нибудь надежном месте, откуда в случае чего мы сможем его быстро достать. У Ягненка есть целое утро для того, чтобы избавиться от своего коклюшного кашля, а мы пока можем произвести небольшую разведку. Если окажется, что местные туземцы — людоеды, то мы немедленно улетаем на ковре вместе с кухаркой, а если нет, *то мы ее оставляем здесь*.

— Но ведь наш пастор говорил, что нужно хорошо относиться к животным и слугам! — сказала Джейн.

— А как она к нам относится? — возразил Сирил.

— Не знаю, — задумчиво произнесла Антея. — Мне кажется, что безопаснее всего оставить ковер на месте. Пусть-ка она посидит на нем пару часиков! Может быть, это послужит ей уроком. Кроме того, она все равно думает, что это сон, а раз так, то пусть себе болтает дома, что захочет.

На том и порешили. Ненужная теплая одежда была свалена в кучу на ковре, Сирил усадил себе на плечи довольного и, судя по всему, ничуть не больного Ягненка, Феникс устроился на запястье у Роберта, и «отряд разведчиков приготовился вступить в

неизведанные земли».

Поросший травой склон они преодолели быстро, но под деревьями их поджидали какие-то на редкость запутанные и колючие вьюнки яркими, необычного вида цветами, и скорость передвижения заметно снизилась.

— Эх, надо было нам захватить с собой мачете! — сказал Роберт. — Обязательно попрошу папу подарить мне хотя бы парочку на Рождество.

Чем больше дети углублялись в лес, тем теснее сплетались между собой лианы. Вскоре они уже напоминали благоуханные пестрые занавеси, свисавшие между стволами деревьев. Над головой у детей то и дело проносились сверкавшие наподобие маленьких бриллиантовых капелек пестрые птицы.

— А теперь скажите мне откровенно, — вдруг произнес Феникс, — может ли среди этих птиц хотя бы одна сравниться со мной красотой? Не бойтесь обидеть меня — вы же знаете, что я самая скромная птица на свете.

— Ни одна из них, — торжественно заявил Роберт, — и когтя твоего не стоит!

— Я никогда не был тщеславен, — сказал Феникс, — но в данный момент я вынужден признать, что твои слова только подтверждают мои собственные подозрения. Я немножко летаю.

Минуту-другую он кружился высоко у них над головами, а затем, снова опустившись Роберту на запястье, сказал:

— Там, налево, есть тропинка. Действительно, там была тропинка. Теперь дети продвигались по лесу быстро и со всем возможным комфортом — девочки собирали цветы, а Ягненок вступил в разговор с «птич-ками-пестрыми косичками», пытаясь убедить их в том, что он является не кем иным, как самим «белым-дебелым лебедем-водопла-вателем».

И за все это время он ни разу не кашлянул ни коклюшным, ни каким иным кашлем.

Тропинка, виляя, бежала по лесу, и временами детям приходилась прорываться сквозь самые настоящие цветочные цепи. Миновав очередную чащобу, они внезапно очутились на поляне, сплошь заставленной хижинами с островерхими крышами. Естественно, они сразу же догадались, что в этих хижинах живут *дикари*.

Говорят, что самые храбрые люди испытывают самый большой страх. А что, если это и впрямь были людоеды? Бежать до ковра было неблизко.

— Давайте пойдём обратно, — сказала Джейн. — Прямо сейчас, — добавила она жалобным голосом. — А вдруг они нас съедят?

— Чепуха, малышка, — бодро возразил Сирил. — Видишь, вон там привязан козел? Это значит, что они не едят людей. Наверное.

— Давайте подойдем поближе и скажем, что мы миссионеры, — предложил Роберт.

— Как раз этого я вам не советую, — произнес Феникс очень серьезным тоном.

— Почему?

— Ну, хотя бы потому, что это неправда, — ответила золотая птица.

Пока они так стояли и решали, что им делать, из ближайшей хижины внезапно появился высокорослый туземец. Его бронзовое тело, едва прикрытое какой-то

разноцветной тряпочкой, радовало глаз приятным желтоватым отливом — точь-в-точь таким же, какой был у хризантем, что папа принес домой в прошлое воскресенье. В руке у него имелось копье. В общем и целом, он смотрелся как одно сплошное темное пятно, на котором выделялись белки глаз да крупные (*и явно острые*) зубы. Правда, в тех местах, где его лоснящейся кожи касались солнечные зайчики, он тоже был довольно светел. Если у вас как-нибудь возникнет желание приглядеться к проходящему мимо дикарю с лоснящейся кожей, то вы убедитесь в точности моего описания (только не забывайте, что день должен быть солнечным).

Дикарь посмотрел на детей. Прятаться было поздно, потому что в следующий момент он прокричал нечто, более всего на свете напоминавшее «Еамбарбия киркуду!», и из каждой хижины высыпало по дюжине его меднокожих братьев, которые тут же организовались в угрожающего вида толпу и стали неотвратно надвигаться на детей. Времени на то, чтобы решать, как поступить дальше, не было — да никто и не собирался ничего решать. Теперь уже было абсолютно неважно, являлись ли эти меднокожие туземцы людоедами или нет.

Не теряя ни секунды, дети повернулись и бросились бежать по лесной тропинке — лишь Антея немного задержалась, чтобы пропустить вперед Сирила, несшего на плечах визжавшего от восторга Ягненка. (С тех пор, как ковер приземлился на песчаном берегу острова, он не издал ни одного коклюшного кашля).

— Н-но, Синичка, пошел! — подбадривал он свою лошадку, но Сирил и без того старался изо всех сил. Тропинка оказалась более коротким путем, чем заросший лианами лес, и вскоре, почти прямо по курсу, между стволами деревьев засверкал переливчатым золотом песчаный пляж, за которым простиралась ослепительная голубизна моря.

— Держитесь в том направлении! — задыхаясь, прокричал Сирил.

Последовав его совету, дети нагнали скорости. У них за спиной раздавались легкие шлепки, какие обычно издают босые и — как детям было хорошо известно — отливающие медью ступни, ударяясь о хорошо накатанную лесную тропинку.

Как и прежде, песок был золотым и переливался всеми цветами радуги. Вот только на нем не доставало одной очень важной вещи. Засохшие венки морских водорослей, огромные тропические раковины, которых на Кен-тиш-Таун-Роуд не купишь иначе, чем по пятнадцать пенсов за штуку, гигантские черепахи, беззаботно гревшиеся на самой кромке воды, — все это было, а вот кухарка, одежда и ковер исчезли бесследно.

— О, Господи! — воскликнул Сирил. — Залезайте в воду! Дикари боятся воды. Недаром же их называют грязными.

Прежде чем он успел закончить, дети были уже по колена в воде. Море было на редкость спокойным, дно — ровным, а потому идти было очень легко. Нужно сказать, что бегать по тропическому лесу, спасая свою жизнь, — на редкость изнурительное занятие, и распаренные дети с большим удовольствием ощутили на себе прохладу морских волн. Когда вода стала доходить им до плеч (а Джейн — до подбородка), дети в нерешительности остановились.

— Смотрите-ка! — сказал вдруг Феникс. — На что это они так уставились?

Дети обернулись. Немного западнее того места, где они стояли, из воды торчала человеческая голова. Ее венчал сдвинутый набок белый чепец. Последнее обстоятельство не оставляло сомнений в том, что это была голова кухарки.

Напротив нее, у самой кромки воды, толпились отчего-то сразу же потерявшие всякий интерес к детям дикари. Они громко переговаривались возбужденными голосами и отчаянно жестикулировали. Каждый второй жест был направлен в сторону кухаркиной головы-

— С трудом преодолевая сопротивление воды, дети побрели к кухарке.

— С какой стати вам вздумалось забраться сюда? — прокричал ей Роберт. — И вообще, куда подевался ковер?

— Да никуда он не подевался, Господь с тобой! — ответила довольная сверх всякой меры кухарка. — Здесь он, подо мной. Просто я ужасно распарилась, сидючи на этом солнцепеке, и захотела освежиться. «Хорошо бы, говорю, принять холодную ванну!» И на тебе! Не успела я и глазом моргнуть, как очутилась здесь. Ну, да во сне еще и не то бывает!

Дети изрядно обрадовались тому, что у ковра хватило соображения опустить кухарку в ближайшую ванну, которая оказалась под рукой — то есть, в море. Представляете, как ужасно было бы, если бы вместо этого он вместе с нею перенесся в тесную железную ванну камден-таунского дома!

— Простите, — раздался мягкий голос Феникса посреди всеобщего вздоха облегчения, — но мне кажется, что этим коричневым туземцам позарез нужна ваша кухарка.

— Они... хотят... ее съесть?.. — отчасти прошептала, отчасти пробулькала Джейн, в лицо которой развеселившийся не на шутку Ягненко посылал целые фонтаны брызг.

Вряд ли, — ответила птица. — Кому при-Ает в голову есть кухарок? Кухарок не едят, а нанимают. Так вот, эти дикари хотят нанять вашу кухарку.

А ты что, понимаешь, о чем они говорят? — подозрительно спросил Сирил.

— Нет ничего проще, — ответила птица. — Я совершенно свободно говорю на всех существующих языках и наречиях, включая и диалект вашей кухарки, который, согласитесь, не столь труден, сколь неприятен на слух. Знать языки — это все равно что кататься на велосипеде. Стоит только один раз научиться, и дальше все само пойдет. А сейчас я настойчиво советую вам вытащить ковер на берег и разгрузить — я имею в виду, посадить с него кухарку. Можете поверить мне на слово — эти меднокожие не причинят вам никакого вреда.

Невозможно не верить на слово Фениксу — особенно, если он вам это настойчиво советует. А потому дети разом взялись за концы ковра, выдернули его из-под кухарки и медленно отбуксировали к берегу. Там они расстелили его на песке. Следовавшая за ними кухарка тут же снова уселась на него, а странным образом присмирившие дикари, которые как будто только и дожидались этого момента, тут же образовали большой круг и, упав на колени, зарылись лицами в отливающий всеми оттенками золота песок. Самый высокий из них принялся что-то говорить. Очевидно, это было страшно неудобно в таком неловком положении, потому что, как заметила Джейн, ему

потом еще долго пришлось отплевываться всяческой дрянью.

— Он говорит, — произнес спустя некоторое время Феникс, — что они хотят нанять вашу кухарку на постоянную работу.

— Что, без рекомендации? — удивилась Антея, которая слышала, как мама говорила, что прислугу нельзя брать без рекомендации.

— Они хотят нанять ее не в качестве кухарки, а как королеву. Как известно, королевам рекомендации не нужны. Последовала напряженная пауза.

— Ну и ну! — сказал Сирил. — Вот уж никогда бы не подумал! Но, впрочем, о вкусах не спорят.

И тут все разом засмеялись, представив себе кухарку, исполняющую обязанности королевы. Это и впрямь было очень смешно.

— Я бы не советовал вам смеяться в данной ситуации, — предупредил Феникс, расправляя свои мокрые от жары золотые перья. — И, кроме того, их вкусы здесь не причем. У местного племени меднокожих бытует древнее пророчество, согласно которому однажды из морских волн к ним придет великая королева в белой короне на голове и... и... Кстати, а вот вам и корона!

И он указал когтем на кухаркин чепец, который и в самом деле немного напоминал корону, но только не белую, а серо-буро-малиновую, потому что был конец недели и как раз сегодня вечером чепец должны были постирать.

— Вот вам белая корона, — повторил Феникс. — По крайней мере, почти белая. Можно сказать, довольно белая — по сравнению с цветом кожи этих добрых туземцев. Да что там! Изначально чепцу полагалось быть белым, и того довольно!

Сирил повернулся к кухарке.

Послушайте! — сказал он, — Вот эти темнокожие люди хотят, чтобы вы стали их королевой. Они всего лишь дикари, и им не из чего выбирать. Теперь, пожалуйста, ответьте мне, хотите ли вы остаться с ними — или, может быть, вам больше по душе вернуться обратно в Камдентаун? Мы можем вас взять с собой, если только вы пообещаете не быть больше такой занудой и никому ни говорить ни слова о том, что видели сегодня.

— Ну уж нет! — ответила кухарка твердым голосом, в котором не было слышно и тени сомнения. — Я всегда хотела быть Королевой, храни ее Господь! И я всегда была уверена, что у меня это на диво хорошо получится. Вот сейчас и посмотрим! А что до вашей дурацкой полуподвальной кухни, где на меня все только кричат да бранятся, так я туда не вернусь — разве что этот замечательный сон вдруг кончится и кому-нибудь опять взбредет в голову звать меня этим треклятым звонком. Вот вам мое последнее слово!

— А ты уверен, — обеспокоенно спросила Антея Феникса, — что ей здесь и в самом деле будет хорошо?

— Ее королевское гнездышко покажется ей раем земным, — торжественно заверила Антею птица.

— Что ж, — сказал Сирил, — эти люди обещают вам рай земной, так что уж будьте для них доброй королевой. Вообще-то, вы не очень-то этого заслужили, но все равно, да будет ваше царствование долгим!

К тому времени несколько кухаркиных меднокожих подданных успели сбегать в лес и вернуться с длинными гирляндами прекрасных белых цветов, испускавших необычайно сладкий аромат. Согнувшись в поклоне, они почтительно повесили их на шею своей повелительнице.

— Вот это да! Это вес для меня? — воскликнула восхищенная кухарка. — Такое даже и во сне не всегда увидишь, чтоб мне сдохнуть!

Она по-прежнему восседала на ковре, а мед-нокожие туземцы, также украсив себя гирляндами белых цветов и воткнув в волосы по паре попугаечьих перьев, принялись дико скакать на песке. Вряд ли когда-нибудь вам доводилось видеть что-либо похожее на этот танец — на секунду дети даже уверились в том, что им и впрямь, как говорила кухарка, снится удивительный сон. Под неумолчный грохот небольших, но на удивление причудливого вида барабанов дикари затянули какую-то явно воинственную песню и принялись выделывать ногами самые немыслимые па. С каждой секундой танец становился все быстрее и быстрее, все неистовее и неистовее — пока, наконец, обессиленные танцоры не повалились всем сколом на песок.

Новоиспеченная королева, чей грязно-белый монарший чепец окончательно сполз набок, принялась бешено аплодировать.

— Bravo! — кричала она. — Бравушки! (Она имела в виду «брависсимо»). Это гораздо лучше, чем в этом... как его?.. Альберт-Эдвард-Мюзикхолле на Кентиш-Таун-Роуд. Давай еще!

Благоразумный Феникс не стал переводить ее последние слова на язык меднокожих. Когда дикари немножко отдышались, они поднялись на ноги и стали умолять свою королеву проститься со своими белыми сопровождающими и отправиться в деревню, где она сможет занять подобающее ей место.

— Лучшая хижина будет твоей, о Королева! — пообещали они.

— Ну что ж, пока! — сказала кухарка, когда Феникс перевел ей просьбу дикарей, и тяжело поднялась на ноги. — Хватит с меня ваших кухонь да кладовок. Меня ждет мой королевский дворец, говорю вам, и дай Бог, чтобы этот сон не кончался, пока я живу, чтоб я сдохла на этом самом месте!

Она подхватила концы гирлянд, что, свисая у нее с шеи, волочились по песку, и пошла по направлению к лесу. Вскоре ее полосатые чулки и стоптанные штилеты с резинками в последний раз мелькнули на опушке, и она скрылась под темными сводами деревьев в окружении своих смуглых, беспрестанно горланящих благодарственные песни вассалов.

— Так! — сказал Сирил. — Думаю, с ней все будет в полном порядке. Странно, однако, что эти дикари почти не обращали на нас внимания.

— Ах, это! — сказал Феникс. — Они просто думали, что вы им снились. В пророчестве ясно говорится, что королева появится из волн морских в белой короне и в сопровождении детей, которые не всамделишные, а только сняты. Так что, ничего странного, что они не принимали вас всерьез.

— Послушайте, а что там у нас с обедом? — вдруг спросил Роберт.

— Какой может быть обед, если у нас нет ни кухарки, ни миски для пуддинга? — напомнила ему Антея. — Но зато мы можем наделать полным-полно бутербродов.

— Поехали домой! — сказал Сирил.

Когда на Ягненка стали натягивать теплые вещи, он пришел в ужасное расположение духа и принялся изо все сил отбиваться, но Антее с Джейн все же удалось — где увещеваниями, э где и силой — справиться с ним, причем он так ни разу и не кашлянул.

Затем дети быстро оделись сами, и каждый с максимальным удобством устроился на ковре.

Звуки диковатого пения все еще неслись из-за деревьев — там меднокожие дикари вовсю поклонялись своей королеве в белой короне, ублажая ее слух хвалебными гимнами.

— Домой! — приказала Антея ковру, как какая-нибудь герцогиня своему кучеру, и умный ковер в одно головокружительное мгновение перенесся на свое обычное место на полу детской. Не успели дети подняться на ноги, как дверь отворилась и в комнату вбежала запыхавшаяся Элиза.

— Кухарка пропала! — сказала она. — Как сквозь землю провалилась, а обед-то не готов! Сундук ее на месте, верхняя одежда — тоже. Наверное, выскочила на улицу узнать время — и не мудрено, скажу я вам, часы-то на кухне никогда еще его верно не показывали. Ой, не Дай Бог, угодила под экипаж! А то припадок какой случился — в наше время все может быть. Ну, да ладно. Когда снимаете все эти теплые вещи, которые, уж не знаю зачем, вы на себя напялили, можете пообедать — там еще осталось немного ветчины. А я пока сбегая в полицию: может быть, там что-нибудь про нее знают.

Однако, как выяснилось, не только полицейские, но и все остальные не имели ни малейшего понятия о том, куда подевалась кухарка. Все, кроме детей, конечно, да еще одного человека, но это случилось гораздо позднее.

Мама была очень расстроена исчезновением кухарки. Она так переживала за нее, что Антею вконец замучили угрызения совести. Она ощущала себя настоящей преступницей — вроде тех, которых бросают в каменные казематы и лишают на весь день сладкого. Он я даже несколько раз просыпалась следующей ночью и в конце концов решила выяснить у Феникса, можно ли рассказать маме всю правду. Но весь следующий день поговорить с Фениксом не было никакой возможности, потому что, попросив детей в качестве особого одолжения не беспокоить его в течение ближайших двадцати четырех часов, Феникс по своему обыкновению уединился в каком-то труднодоступном месте.

В воскресенье Ягненок ни разу не кашлянул, и папа с мамой принялись нахваливать лекарство, которое накануне прописал приезжавший в коляске доктор. Но дети-то знали, что его исцелил вовсе не доктор, а раскаленный от солнца пляж на берегу южного моря, где ни у кого никогда не бывает коклюшного кашля и прочих простуд. Ягненок, кстати, постоянно лепетал что-то о разноцветном песке и голубой воде, но на него никто не обращал внимания. Он постоянно болтал о всяких невероятных вещах.

Ранним-рашм утром в понедельник Антея внезапно проснулась и приняла

решение. В одной ночной рубашке она прокралась на первый этаж (где было очень и очень прохладно), уселась на ковер и с замирающим сердцем пожелала перенестись на залитый солнцем пляж, где ни у кого и никогда не бывает коклюшного кашля. В следующий момент она уже была там.

По сравнению с ледяным полом детской, песок был обжигающе горячим — Антея почувствовала это даже сквозь толстый ворс ковра. Не теряя времени даром, она поднялась на ноги и обернула ковер вокруг себя наподобие шали, потому что твердо решила ни на минуту не расставаться с ним, пусть даже для этого ей и придется полчаса как следует попариться.

Затем, немного вихляя на ходу и подбадривая себя словами «Я должна это сделать! Это мой долг!», она подошла к кромке леса и ступила на узкую тропинку, ведущую к деревне туземцев.

— А, это опять ты! — едва завидев Антею, сказала кухарка. — Как видишь, мой сон и не думает кончаться.

Она была одета в нечто вроде накидки из легкой белой ткани. Ни штиблет, ни чулков, ни чепца на ней не было. Она сидела под навесом из пальмовых листьев, потому что на острове уже наступил полдень, а полдень в этих краях — самое жаркое время. В волосах у нее имелся роскошный венок из белых цветов, а по бокам стояли два меднокожих мальчика. Последние усердно обмахивали ее опахалами из павлиньих перьев.

— Они забрали у меня чепец, — сказала кухарка. — Поди, считают его чем-то очень священным. Сразу видно, дикий народ — чепцов никогда не видали!

— Вам здесь хорошо? — спросила Антея, переводя дыхание, ибо от вида восседавшей на троне кухарки у нее слегка захватило дух.

— Никогда не было лучше, дорогуша, — сказала кухарка несвойственным ей сердечным тоном. — Представляешь, тут можно вообще ничего не делать, если, конечно, пожелаешь. Вот сегодня еще отдохну, а завтра начну убираться у себя в королевской хижине. А если сон и дальше будет продолжаться, то научу этих неумех готовить, а то они тут как ни возьмутся жарить мясо, так вечно сожгут до угольев. Правда, это бывает редко. Чаще всего они едят его сырым.

— Но как же вы с ними разговариваете?

— Да очень просто! — ответила, улыбаясь во весь рот, августейшая кухарка. — Я всю жизнь подозревала, что прямо-таки создана для иностранных языков. Я уже научила местную деревенщину понимать такие вещи, как «обед», «хочу пить» и «оставьте меня в покое!»

— Так, значит, вам ничего не нужно? — спросила Антея, ужасно волнуясь в глубине души.

— Есть у меня одно желание, мисс. Это чтобы вы поскорее убирались восвояси, а то боюсь, что пока я тут с вами лясы точу, кому-нибудь вздумается позвонить в этот треклятый звонок, и мне опять придется бежать на кухню. Нет уж, пока продолжается этот чудс-с-ный сон, нет на свете никого счастливее меня!

— Что ж, тогда прощайте! — произнесла, улыбаясь, Антея, у которой в один миг стало легко и радостно на сердце.

С этими словами она поспешила скрыться в лесу. Там она бросилась на траву, сказала коврику: «Домой!» и тут же очутилась в детской на Кентиш-Таун-Роуд.

— Кажется, ей там и в самом деле нравится, — подумала она, забираясь обратно в постель. — Я рада, что хоть кому-нибудь из нас иногда везет в жизни. Но мама бы ни за что не поверила, если бы я рассказала ей всю эту историю.

Действительно, это не та история, в которую можно вот так взять да и поверить. Но я все таки советую вам попытаться сделать это.

Глава IV

ДВА БАЗАРА

Мамочка — это самая настоящая дорогуша. Она самая красивая и самая любимая. Она такая ужасно заботливая, когда вам случится заболеть. Она всегда добрая. И почти всегда справедливая. То есть, она бывает справедливой, когда понимает вас, а это, к сожалению, бывает не всегда. Люди вообще не всегда понимают друг друга. Да и что там говорить, мамы — это вам не ангелы, хотя, следует признать, что они стоят всего ближе к ним. Вот и наши маленькие приятели прекрасно понимали, что их мама всегда поступает им во благо (жаль только, что у нее не всегда хватало ума распознать, в чем это самое благо заключается в тот или иной момент). А потому все четверо, и более всего Антея, ощущали ужасную неловкость оттого, что им приходилось скрывать от мамы великую тайну волшебного ковра и Феникса. В конце концов Антея, которая имела обыкновение ощущать неловкость в гораздо большей степени, чем все остальные, решила сказать маме правду, независимо от того, поверит она в нее или нет.

— По крайней мере, это будет честный поступок, — сказала она Фениксу. — А если она мне не поверит, то тут уж я не виновата. Так ведь?

— Именно так, — ответила золотая птица. — А уж она точно не поверит, так что можешь не волноваться.

Для своего честного поступка Антея выбрала время выполнения домашних заданий (которыми в этот день оказались алгебра, латынь, немецкий, английский и евклидова геометрия) и попросила у мамы позволения заняться ими в кабинете, мотивируя свою просьбу тем, что «только там ей по-настоящему думается». Про себя же она добавила: «Господи, ведь это же не настоящая причина! Надеюсь, что из меня не получится обманщица».

Мама сказала: «Конечно, дорогая», и Антея немедленно погрузилась в море «иксов», «игреков» и «зетов». Мама же уселась за бюро из красного дерева и принялась писать письма.

— Дорогая мамочка! — позвала Антея.

— Что, утеночек? — сказала мама.

— Я насчет кухарки, — сказала Антея. — Дело в том, что я знаю, где она.

— Неужели, дорогая? — удивилась мама. — Но, впрочем, я все равно не возьму ее назад после того, что она вытворила.

— Она не виновата! — сказала Антея. — Хочешь, я расскажу тебе, как все было на самом деле?

Мама отложила ручку в сторону, и ее лицо приняло обреченное выражение. Вы, наверное, знаете, что когда вас слушают с обреченным выражением на лице, у вас тут же пропадает всякое желание что-либо кому-либо рассказывать.

— Дело было так, — поспешно начала Антея. — Ты помнишь то яйцо, что мы нашли в ковре? Так вот, мы засунули его в камин, и оттуда вылупился Феникс, и сказал, что ковер не обыкновенный, а волшебный, и что...

— Здорово придумано, дорогая, — сказала мама, беря ручку со стола, — но

теперь, пожалуйста, оставь меня в покос. Мне нужно написать целую кипу писем. Завтра утром мы с Ягненком отправляемся в Борнмут, а тут еще этот базар!..

Антея неохотно вернулась к своим игракам, а мама усердно заскрипела пером по бумаге.

— Но, мамочка! — сказала Антея, улучив момент, когда мама отложила перо и принялась клеивать конверт. — Ковер и вправду может перенести нас куда угодно, и...

— Хорошо бы, он перенес вас в такое место, где водятся всякие восточные безделушки для нашего базара, — вставила мама. — Я пообещала, что принесу несколько штук, да, боюсь, у меня совсем не осталось времени сходить в «Либертиз».

— Конечно, перенесет, если попросить, — сказала Антея. — Но, мама!..

— Ну что еще, дорогая? — на этот раз с явным нетерпением спросила мама, успевшая уже снова взять в руки перо.

— Ковер перенес нас в такое чудесное место, где ни у кого не бывает коклюшного кашля, и с тех пор Ягненок ни разу не кашлянул, так ведь? А кухарку мы взяли с собой, потому что она надоела всем, кроме дикарей, которые сделали ее своей королевой. Они при няли ее чепец за корону, и...

— Моя милая дорогуша! — прервала ее мама. — Ты знаешь, как я люблю слушать твои выдумки, но, видишь ли, как раз сейчас я ужасно занята.

— Но ведь это правда! — в отчаянии сказала Антея.

— А вот этого не следует говорить, дорогая! — мягко осадил ее мама.

И Антея поняла, что продолжать в таком же духе бессмысленно.

— Ты надолго уезжаешь? — спросила она.

— Не знаю, — ответила мама. — У меня что-то разыгрался насморк, и папа хочет, чтобы я как следует подлечилась. Да и Ягненок еще не совсем выздоровел.

— Да ведь он с прошлой субботы ни разу не кашлянул! — перебила ее Антея.

— Твои бы слова да Богу в уши! — вздохнула мама. — Так или иначе, папа уезжает по делам в Шотландию, и вы остаетесь одни. Надеюсь, хоть на этот раз будете хорошо себя вести.

— Конечно, будем! — незамедлительно выпалила Антея. — А когда состоится базар?

— В субботу в школе, — сказала мама. — А теперь, будь умницей, не приставай больше ко мне! У меня уже голова пошла кругом. Ну вот, я забыла как пишется «коклюш»!

На следующее утро мама с Ягненком уехали, а чуть погода уехал и папа, и дети остались наедине с кухаркой, которая с виду так сильно напоминала испуганного кролика, что у них просто рука не поднималась подстроить ей какую-нибудь пакость и напугать ее еще больше.

Феникс решил устроить себе маленький отпуск. Он сказал, что сильно переволновался за последнее время и нуждается в недельном отдыхе, во время которого его ни под каким видом нельзя беспокоить. Затем он исчез, и его уже никто не мог найти.

А потому, когда в среду у детей выдался свободный день и они решили оправиться куда-нибудь на ковре, им пришлось обойтись без Феникса. Вечерние полеты исключались ввиду опрометчивого обещания не выходить из дому после шести часов вечера, сделанного маме в трогательные минуты прощания. Правда, в субботу им было разрешено нарушить его и отправиться на базар — но только после того, как каждый до блеска отмоется, наденет свой лучший костюм и основательно почистит ногти заостренными концами деревянных спичек, которые, в отличие от кровопускательных ножниц, не имеют обыкновения залезать под ногти до самого локтя.

— Надо бы повидать Ягненка, — сказала Джейн.

Однако остальные тут же высказали вполне справедливое убеждение в том, что если они ни с того ни с сего появятся в Борнмуте, то с мамой наверняка сделается нервное расстройство, а то и, не дай Бог, какой-нибудь припадок. После этого они уселись на ковер и принялись ломать себе голову до тех пор, пока она у них и впрямь не сломалась.

— Послушайте! — сказал Сирил. — Я кажется, придумал. Уважаемый ковер, перенеси нас, пожалуйста, туда, где мы сможем увидеть маму с Ягненком, но никто не сможет увидеть нас.

— Кроме Ягненка! — успела добавить Джейн. В следующее мгновение дети изо всех сил старались побороть дурноту, вызванную ощущением падения вверх тормашками. Они сидели на ковре, разложенном поверх другого ковра — ковра из коричневых сосновых иголок. Над головами у них высились кроны собственно сосен, а рядом с ними весело проистекал зажатый меж двумя высокими берегами ручей. Немного поодаль, на том же сосновоигольчатом ковре, сидела и, сняв шляпу, нежилась в лучах не по-ноябрьски яркого солнца мама. И еще там был Ягненок — блеющий от счастья и совсем не собирающийся кашлять Ягненок.

— Ковер обманул нас, — мрачно произнес Роберт. — Мама увидит нас, как только повернет голову.

Но верный ковер не подвел детей и на этот раз.

Не успел Роберт закончить своего мрачного пророчества, как мама повернула голову, посмотрела на них в упор и *ничего не увидела!*

— Мы стали невидимками! — прошептал Сирил. — Вот это приключеньце!

Однако девочкам это приключеньце вовсе не понравилось. Им было не по себе от того, что мама смотрела прямо на них и при этом хранила столь безразличное выражение лица, словно их вовсе и не было на свете.

Мне это не нравится, — сказала Джейн. — Мама раньше никогда на нас так не смотрела, * нее такой вид, как будто она нас вовсе не любит... как будто мы не ее милые детки, а чьи-то чужие... как будто ей все равно, есть мы тут или нет!

— Это просто невыносимо! — добавила Антея со слезами в голосе.

Но в этот момент их увидел Ягненок. Он вскочил на ноги и бросился к ковра, вопя что есть мочи:

— Пантерочка, милая Пантерочка! Ой, и Кошечка, и Синичка, и Бобс! Ой, ой!

Антея поймала его на руки и принялась целовать. К ней тут же присоединилась Джейн. Как девочки ни старались, они не могли удержаться от этого — слишком уж

обворожительным маленьким утеночком он был! Как в старые добрые времена, его голубая треуголка съехала на одно ухо, а личико было до бровей перепачкано грязью.

— Я люблю мою Пантерочку! — лепетал он. — И тебя, и тебя, и тебя!

Это был поистине замечательный момент. Даже мальчики позволили себе покровительственно похлопать своего маленького братца по спине.

Затем Антея оглянулась на маму и замерла в ужасе. Да и было отчего — за то время, пока дети развлекались с Ягненком, мамино лицо приобрело устойчивый изумрудный оттенок, а в ее глазах появилось настолько странное выражение, что можно было подумать, что она подумала, что Ягненок сошел с ума. На самом деле, именно так она и подумала.

— Ягненок, дорогой мой! Иди к своей маме! — закричала она и, вскочив на ноги, бросилась к ребенку.

Ее родительский порыв был настолько быстрым и неожиданным, что, не сообразив невидимые дети вовремя отскочить в сторону, она непременно налетела бы на них, а, нужно вам сказать, наткаться на то, чего не видишь, является наихудшим опытом общения с привидениями. Так или иначе, но мама схватила Ягненка в охапку и со всей доступной ей скоростью бросилась прочь от соснового бора.

— Давайте-ка полетим домой, — сказала Джейн после минуты удрученного молчания. — Еще немного, и я подумаю, что мама и впрямь не любит нас.

Но сначала они проследили за тем, как мама встретила по дороге одну знакомую леди и, таким образом, оказалась в относительной безопасности. В самом деле, нельзя просто так бросать своих зеленолицых мам посреди соснового бора, где даже медведь не может прийти им на помощь, и отправляться домой, как будто ничего не случилось.

Так вот, когда мама очутилась в относительной безопасности, дети забрались на ковер, сказали: «Домой!» и — фьюить! — оказались в своей детской.

— Откровенно говоря, быть невидимкой не так уж и здорово, — сказал Сирил. — По край ней мере, в кругу семьи. Другое дело, если бы ты был принцем, или бандитом, или взлом щиком!

Затем все четверо с нежной грустью вспомнили дорогое зеленоватое лицо мамы.

— Лучше бы она никуда не уезжала, — вздохнула Джейн. — Без нее дом становится какой-то сам не свой.

— Я думаю, нам нужно исполнить то, чего она хотела, — вмешалась Антея. — Недавно я читала в одной книжке, что «желания ушедших от нас священны».

— Это если они ушли от нас куда-нибудь очень далеко, — возразил Сирил. — Скажем, к коралловым берегам Индии или ледяным пустыням Гренландии, но уж никак не в Борнмут. Кроме того, мы не знаем, чего мама хотела.

— А вот и неправда! — сказала Антея, с трудом подавляя желание удариться в слезы. — Она сказала: «Нужно достать индийских побрякушек для базара». Только она думала, что нам их никогда не достать, и сказала это в шутку

— Тогда давайте отправимся в Индию и наберем их там побольше! — сказал Роберт. — Вот в субботу и полетим!

Наступила суббота, и они полетели.

Феникс был по-прежнему неуловим, так что они просто уселись на свой

прекрасный волшебный ковер и пожелали:

— Нам нужно набрать индийских побрякушек для маминого базара. Не мог ли бы ты перенести пас в такое место, где нам их навалят целые кучи?

Безотказный ковер пару раз кувыркнул детей в воздухе и приземлился на окраине изнывающего от зноя индийского города. Дети сразу же догадались, что город был индийский — достаточно было взглянуть на странной формы купола храмов и крыши домов. Кроме того, мимо них сновали толпы самого невероятного люда, среди которого выделялись человек верхом на слоне и два английских солдата, постоянно цитировавших в своем разговоре фразы, а то и целые пассажи, из книг мистера Киплинга. Одним словом, никаких сомнений относительно места их пребывания у детей не возникло. Они свернули ковер, возложили его на мужественные плечи Роберта и смело вступили в черту города. Было очень жарко, а потому им опять пришлось поснимать свои лондонско-ноябрьские пальтишки и нести их в руках.

Улицы города оказались узкими и до нелепого извилистыми. Они были до отказа забиты людьми в нелепых одеяниях, говорящих на самом нелепом языке, который детям только доводилось слышать в своей нелепой жизни.

— Ни слова не разобрать! — сказал Сирил. — Как теперь, скажите на милость, нам просить всякие штучки для маминого базара?

— Да к тому же они все бедняки, — добавила Джейн. — Это у них на лицах написано. Нам нужно найти раджу или кого-нибудь в этом роде.

Роберт принялся было разворачивать ковер, но остальные уговорили его не тратить желание зря.

— Мы же ясно сказали ковр, что нам нужно в такое место, где нам дадут индийских побрякушек для базара, — сказала Антея. — Будьте уверены, он нас не подведет.

Ее вера была тотчас вознаграждена.

Не успели последние слова слететь с ее уст, как к детям подошел некий темно-коричневый джентльмен в тюрбане и склонился в глубоком поклоне. Затем, к немалому удивлению детей, он заговорил на весьма убедительном подобии английского языка:

— Моя милостивая рани (что, как догадались дети, означало «жена раджи») думать вы очень хороший дети. Она спрашивает вы не заблудиться? Она спрашивает вы хотите продать ковер? Она увидет вас из своего паланкина. Вы пойти к ней, да, нет?

Они отправились вслед за незнакомцем, который, улыбаясь во все свои пятьдесят два, а то и пятьдесят четыре зуба, провел их по лабиринту извилистых улиц к дворцу рани. Я не собираюсь описывать вам дворец рани, потому что на самом деле я его в жизни нг видала. Вот мистер Киплинг видел, так что, если хотите, описание дворца рани можете прочитать в его книжках. А я вам только расскажу о том, что там в точности произошло.

Старая рани восседала на горе подушек, а вокруг нее толпилось изрядное количество других важных леди. Все они были в таких просторных штанишках и вуалях, и все они с ног до головы были увешаны блестками, золотом и бриллиантами. А темно-коричневый джентльмен в тюрбане стоял за резной ширмой и переводил все,

что бы ни сказали дети и королева. Вот, например, когда королева попросила детей продать ковер, а они дружно ответили «Нет!», он все так и перевел.

— Но почему? — спросила рани.

Джейн кратко объяснила почему, и переводчик также кратко перевел. Тогда королева заговорила вновь, и переводчик сказал:

— Моя госпожа говорит это очень волшебный история. Моя госпожа просит рассказать все подробно и не думать о времени.

Что ж, пришлось рассказать все подробно-

Пол училась очень длинная история, особенно если учесть, что ее пришлось рассказывать дважды — один раз Сирилу, а другой раз переводчику. Да и Сирил на этот раз превзошел самого себя. Кажется, воспоминания о пережитых приключениях не на шутку захватили его самого, и по мере того, как он излагал историю Феникса и ковра, коварной башни и августейшей кухарки, его речь все более напоминала язык «Тысячи и одной ночи». Всякий раз, когда джентльмен в тюрбане заканчивал переводить очередной кусок, рани и ее придворные леди принимались кататься по подушкам от хохота.

Когда история закончилась, рани заговорила, и переводчик объяснил, что она сказала буквально следующее:

— Мой милый, ты есть прирожденный сказитель сказок.

Затем рани сорвала с шеи бирюзовое ожерелье и швырнула его к ногам Сирила.

— О, Боже мой, какая красота! — в один голос воскликнули Джейн и Антея.

Сирил откланялся во все стороны, несколько раз кашлянул, а затем произнес:

— Передайте ей мое огромное спасибо, но я бы предпочел, чтобы она дала мне каких-нибудь дешевых безделушек для базара. Скажите ей, что я хочу продать их, а на вырученные деньги закупить одежды для бедняков, у которых таковой не имеется.

— Скажи ему, что я разрешаю продать мое ожерелье и на вырученные деньги одеть нагих и убогих, — сказала королева, выслушав переводчика.

Но Сирил был непоколебим.

— Нет уж, спасибо, — сказал он. — Все эти вещи должны быть проданы сегодня на английском базаре, а я боюсь, что на английском базаре никто не купит настоящее бирюзовое ожерелье. Все подумают, что оно поддельное, а если не подумают, то заставят нас объяснить, откуда мы его взяли.

Тогда королева приказала принести всяческих маленьких красивых безделушек, и вскоре слуги почти полностью завалили ими ковер.

— Мне придется дать вам слона, чтобы унести все это, — сказала, смеясь, королева.

— Если королева будет так любезна выдать нам по расческе и к тому же позволит нам умыться, — возразила Антея, — мы покажем ей настоящее волшебство. Мы вместе с ковром и всеми этими замечательными медными подносами, кувшинчиками, резными шкатулочками, порошками и прочими милыми вещичками исчезнем, как дым, прямо у нее на глазах.

От такого предложения рани радостно захлопала в ладоши и тут же ссудила детям четыре сандаловых расчески, на ручках которых были выложены из слоновой кости

четыре цветка лотоса. Расчесавшись, дети вымыли лицо и руки в серебряной чаше.

Затем Сирил произнес очень вежливую прощальную речь, которая немного неожиданно заканчивалась следующими словами:

— А потому я хочу, чтобы мы сейчас же оказались на базаре в нашей школе!

Что с ними, конечно же, и случилось. А королева с ее придворными дамами остались сидеть на подушках, открыв от изумления рты и тупо уставившись на узорчатый мраморный пол, где только что были ковер и дети.

— Истинно говорю вам, это было самое что ни есть волшебство! — сказала наконец королева, весьма довольная всем происшедшим. Нужно сказать, что об этом случае еще долго судачили при дворе в периоды дождей и в конце концов он попал в знаменитую книгу «Чудеса Индии», написанную одним английским этнографом.

Как уже говорилось, история Сирила заняла изрядное количество времени. То же самое можно сказать и об экзотических сладостях, которыми королева потчевала детей, пока слуги собирали по всему дворцу изящные безделушки, так что когда дети очутились в школе, там уже повсюду горел свет, а снаружи, над крышами камдентаунских домов, сгущались вечерние сумерки.

— Хорошо еще, что мы догадались умыться в Индии, — сказал Сирил. — Мы бы наверняка опоздали, если бы сейчас потащились домой.

— Кроме того, — добавил Роберт, — в Индии умываться гораздо теплее. Пожалуй, я бы согласился там жить всегда.

Благоразумный ковер незаметно приземлил детей в темном закутке на стыке двух ярмарочных ларьков. Кругом валялись обрывки бечевки и оберточной бумаги, а вдоль стен громоздились ряды пустых ящичков и корзин.

Нужно было выбираться наружу. Дети нырнули под витрину ларька, увешанную всякого рода скатертями, ковриками и прочими салфетками, которые богатые леди, которым чаще всего бывает нечего делать, имеют обыкновение разукрашивать изысканной вышивкой, и поползли к свету. Достигнув внешнего края витрины, они слегка отогнули конец свисавшей с нее скатерти, которую чья-то прихотливая рука обметала затейливым узором из голубой герании, и принялись поочередно возникать в толпе зевак. Девочкам и Сирилу удалось выбраться более или менее незамеченными, а вот Роберт, употребивший все усилия, чтобы выбраться абсолютно незамеченным, слегка перестарался и, подобно тому, как пешеходы попадают под экипажи и омнибусы, попал под миссис Биддл, владелицу укрывшего детей ларька. Ее солидных размеров нога безжалостно опустилась на маленькую нежную ручку Роберта — и разве можно после этого винить его за то, что он совсем немножко повопил?

Тут же вокруг детей собралась толпа. На благотворительных базарах редко можно услышать дикие вопли, и потому всем было крайне интересно узнать, что случилось — Прошло несколько очень долгих секунд, прежде чем детям удалось втолковать миссис Биддл, что она наступила не на выступающую паркетину школьного пола или же упавшую с витрины подушечку для булавок, а на руку живому и нестерпимо страдающему ребенку. Когда до миссис Биддл наконец дошло истинное положение вещей, она не на шутку рассердилась. Вы замечали, что когда один человек случайно причиняет боль другому, он сердится гораздо больше, чем пострадавший. Интересно,

почему бы это?

— Я, конечно, очень извиняюсь, — заявила миссис Биддл тоном, в котором гнев звучал гораздо явственнее, чем сожаление, — но с какой это стати ты залез под мой ларек, как самая распоследняя ухвертка?! А ну-ка, вылезай оттуда!

— Мы только хотели посмотреть на товары, что сложены там, в углу.

— Подглядывать да высматривать — это очень плохая привычка! — сказала миссис Биддл. — Вот увидите, она не доведет вас до добра. И вообще, там ничего нет, кроме пустых ящичков да пыли.

— Как же! — сказала Джейн. — Это вы так думаете!

— Ах, ты грубая маленькая девчонка!.. — воскликнула побагровевшая от гнева миссис Биддл.

— И вовсе она не грубая, а только там и взаправду есть много всяческих расчудесных вещей, — сказал Сирил. И вдруг осознал, насколько безнадежно доказывать собравшимся вокруг людям, что все эти сложенные на ковре сокровища были ничем иным, как маминым вкладом в благотворительный базар. Никто и ни за что не поверит в это, а если и поверит, то, естественно, напишет маме благодарственное письмо, и уж тогда мама подумает такое!.. Словом, один Бог знает, что она тогда подумает. Остальные дети осознали примерно то же самое.

— Я бы хотела взглянуть на эти вещицы, — сказала очень красивая леди, торговавшая за соседним ларьком. Ее друзья обещали собрать кучу всякой всячины для базара, но самым бессовестным образом не сдержали слова. В результате ее ларек оказался самым бедным на всем базаре, и она очень надеялась, что внезапно обнаружившиеся вещи являются запоздалым взносом в ее торговлю.

Она вопросительно посмотрела на Роберта, и тот, пробормотав нечто вроде «Конечно, с большим удовольствием!», мгновенно исчез под прилавком миссис Биддл.

— Меня удивляет то, что вы поощряете этих маленьких негодяев, — сказала миссис Биддл. — Понимаете, мисс Писмарш, я всегда все говорю напрямик... Так вот, я должна сказать, что меня удивляет ваше поведение. — Затем она повернулась к собравшимся и, окинув их строгим взглядом, продолжала: — И вообще, здесь вам не цирк! Просто один очень гадкий мальчишка дозорничался и случайно поранился — да и то совсем чуть-чуть. Так что вам лучше поскорее разойтись. Если он почувствует себя центром внимания, то только еще пуще расхулиганится.

Мало-помалу толпа рассеялась. Не находившая слов от ярости Антея услышала, как стоявший рядом с ней викарий негромко произнес «Несчастный мальчик!» — и возлюбила его отныне и навсегда.

В этот момент из-под прилавка вынырнул Роберт, нагруженный бенарской медью и инкрустированными слоновой костью сандаловыми шкатулками.

— Господи! — воскликнула мисс Писмарш. — • Значит, Чарльз все-таки не забыл!

— Извините! — Миссис Биддл олицетворяла собой вежливость, замороженную в сердце айсберга. — Все эти вещи лежали за моим прилавком. Неизвестный даритель, который тайком подложил их туда, наверняка краснеет при мысли о том, что кто-то другой может заявить на них свои права. Разумеется, все это исключительно для меня.

Дети почли за лучшее покинуть место сего неравного поединка и смешаться с

толпой. Они просто не находили слов от возмущения — до тех пор, пока находчивый Роберт не выразился следующим образом:

— Ах, эта *расфуфыренная фурия!*

— И это после всего того, что нам довелось пережить! — сказал Сирил. — У меня до сих пор в горле першит после переговоров с той индийской леди в брюках.

— Эта фурия — просто дурия! — заключила Джейн.

Торопливый шепот Антеи прервал поток замысловатых и просто откровенных ругательств:

— Согласна, она отнюдь не подарок, зато мисс Писмарш — настоящее чудо и вдобавок красавица. У кого-нибудь есть карандаш?

Ползти под тремя составленными вместе прилавками было тяжело и неловко, но Антея прекрасно справилась с этим. Отыскав среди мусора большой обрывок голубой бумаги, она сложила его пополам и, через каждое слово облизывая карандаш, чтобы было заметнее, написала: «Все эти индийские сокровища предназначены чудесной красавице мисс Писмарш». Некоторое время она раздумывала над тем, чтобы приписать для пущей ясности «И ни в коем случае не миссис Биддл», но потом решила, что это может навести на подозрения, и ограничилась лишь тем, что подписалась: «Неизвестный даритель». Затем она поползла обратно и через минуту присоединилась к остальным.

Так что когда миссис Биддл обратилась за справедливостью в устроительный комитет базара и конкурирующие ларьки были сдвинуты в сторону, чтобы два тучных священника и несколько не менее тучных леди смогли посмотреть на товар, не лазая под прилавки, обрывок голубой бумаги был благополучно обнаружен, и вся груда изящных индийских побрякушек перешла на прилавок мисс Писмарш, которая и продала их все до одной, выручив тридцать пять фунтов стерлингов.

— Что-то я никак не возьму в толк насчет этой голубой бумажки... — сказала миссис Биддл. — По мне, так это мог написать только сумасшедший. Да еще назвать ее «чудесной красавицей»! Нет, разумный человек не мог этого написать.

Антея и Джейн попросили у мисс Писмарш позволения помочь ей с распродажей, мотивируя это тем, что именно их братец Роберт обнаружил неожиданный товар. Мисс Писмарш с радостью согласилась, ибо ее до того всеми заброшенный ларек теперь был окружен плотной толпой покупателей, желающих приобрести экзотические сувениры, и ей просто была необходима помощь. Оглядываясь время от времени на миссис Биддл, дети замечали, что для ее торговли не только помощники, но и она сама была не очень-то нужна. Надеюсь, они не испытывали радости по этому поводу — знаете, вы должны прощать своих врагов, даже если те и наступают вам на руки, а потом говорят, что вы сами виноваты в этом. Однако боюсь, что они все же в недостаточной мере чувствовали свою вину.

Им пришлось изрядно повозиться, расставляя свой товар на прилавке. Но сначала они расстелили ковер, так что серебряные, медные и сандаловые штучки очень выгодно смотрелись на его темном фоне. Весь вечер вокруг их прилавка не стихала веселая суэта, и в конце концов мисс Писмарш с девочками удалось продать даже некомплектный серебряный гвоздь, по непонятной причине завалившийся среди

маленьких сияющих солнц, привезенных детьми с далекого индийского базара. Покончив с этим делом, дети всей гурьбой отправились вытаскивать счастливые номера в лотерее, нашаривать в рождественской кадке специально для такого случая приготовленные подарки, веселиться над деревенскими простофилями из картонного оркестрика, наярывающими под ветхозаветный фонограф, и с замиранием сердца внимать сладкозвучному пению птиц, производимому за ширмой при помощи стеклянных трубок и стаканов с водой. Неожиданной радостью для всех четверых явилось чаепитие, устроенное добрым викарием, и, не успели они еще съесть по три пирожка каждый, как к ним присоединилась мисс Писмарш. Вечеринка удалась на славу, а викарий так просто превзошел самого себя, наперебой расточая любезности всем присутствовавшим {"и даже мисс Писмарш", как заметила позднее Джейн).

— Нам пора возвращаться к ларьку, — сказала Антея, когда все почувствовали, что готовы скорее умереть, чем съесть еще кусочек. (Викарий, между тем, вообще забыл о еде и вместо этого принялся нашептывать на ухо мисс Писмарш о каком-то событии, намеревающемся произойти «после Пасхи»).

— Нам незачем туда возвращаться — весело прощепетала мисс Писмарш. — Благодаря вам, мои милые, мы продали все до последнего.

Н-но — там же ковер, — сказал Сирил.

О! — лучезарно улыбнулась мисс Писмарш — — Насчет ковра не беспокойтесь. Я ухитрилась даже его продать. Миссис Биддл дала мне за него целых десять шиллингов. Она сказала, что давно хотела приобрести что-нибудь подобное для спальни прислуги.

— Как же! — сказала Джейн. — У ее при слуги ковров не бывает. Мы взяли к себе ее кухарку, так она нам много чего про эту самую миссис порассказала,

— Прошу вас, давайте оставим в покое тайны мадридского двора, — то ли в шутку, то ли всерьез сказал викарий, и мисс Писмарш снова засмеялась, глядя на него так, как если бы ей в жизни не доводилось встречать более приятного и веселого человека. Но остальные четверо чуть ли не в буквальном смысле проглотили языки от ужаса. И действительно, посудите сами, что им было делать? Не могли же они сказать: «Это ведь, черт возьми, наш ковер!», ибо ковры вообще никто и никогда не приносит на благотворительные базары, и уж тем более дети.

Дети пребывали в самом настоящем отчаянии. К их чести должна сказать, что отчаяние непобудило их забыть о хороших манерах, как это иногда бывает даже со взрослыми, которым не мешает поучиться на примере наших приятелей.

Наши приятели сказали: «Благодарим за по-трясающее чаепитие», "Спасибо за то, что вы *т* акие потрясающие" и «Спасибо за потрясающий вечер». Последнее «спасибо» они адресовали викарию, потому что именно он устроил все эти ящики с лотереей, кадки с подарками, фонографы и птичьи хоры. И нужно сказать, ему это потрясающе удалось. На прощанье девочки обнялись с мисс Писмарш, а когда все четверо отошли в сторонку, до их слуха донеслось следующее:

— Какие славные ребята! Однако, насчет наших планов... Ты согласна, если это будет после Пасхи? Ну же, скажи, что ты согласна...

Джейн рванулась назад и, прежде чем Антея успела оттащить ее в сторону, спросила;

— А что это такое будет после Пасхи? Мисс Писмарш зарделась и от этого стала еще прекраснее. Викарий же сказал:

— Надеюсь, что после Пасхи я отправлюсь на Острова Мечты.

— Хотите, мы доставим вас туда на волшебном ковре? — спросила Джейн.

— Большое спасибо, — ответил викарий, — но я боюсь, что не смогу ждать так долго. Я хочу отправиться на Острова Мечты до того как меня сделают епископом, потому что когда меня сделают епископом, у меня уже не будет для этого времени.

— Я всегда полагала, что мне следует выйти замуж за епископа, — сказала Джейн. — У них такие красивые фартучки, да и в хозяйстве пригодятся! А вам бы не хотелось выйти замуж за епископа, мисс Писмарш?

Тут детям наконец удалось оттащить ее в сторону

На общем совете было решено, что Роберту не стоит больше иметь дело с миссис Биддл, так как именно его рука послужила причиной до садного инцидента, а, стало быть, его появление только снова рассердит ее. Антея с Джейн также не имели никаких шансов на симпатию со стороны старой леди, ибо помогали сбывать товар в конкурирующем ларьке.

В конце концов все четверо единодушно решили, что Сирил был единственным, кого старая леди могла не прибить на месте, и пока Роберт, Антея и Джейн старательно растворялись в толпе, их старший брат не без опаски приблизился к миссис Биддл и произнес:

— Миссис Биддл, знаете ли, нам просто позарез нужен вот этот ковер. Вы не продадите нам его? Мы могли бы заплатить вам целых...

— Конечно, нет! — отрезала миссис Биддл. — Убирайся отсюда, дрянной мальчишка!

В ее тоне сквозило явное нежелание поддаваться на любые уговоры, так что Сирилу не оставалось ничего другого, как присоединиться к остальным.

— Бесполезно, — сказал он. — Она сейчас вроде как львица, у которой пытаются похитить детей. Мы должны проследить, где она живет, и... Ни слова, Антея! Это же наш ковер, значит, никакой кражи не будет. Будет нечто вроде экспедиции по спасению утраченных надежд. Это будет героический, отважный (и, если удастся, стремительный) подвиг, а никакой там не грабеж.

Дети потерянно бродили среди толпы веселящейся всюю публики. Базар с его многочисленными приманками давно уже потерял для них всякую привлекательность. Хор певчих птиц был теперь просто бульканьем воздуха, пропускаемого через воду, а фонограф — машиной для производства ужасающего шипа и треска, за которым не было слышно собственных голосов. Посетители казались им обыкновенными бездельниками, покупавшими вещи, которые им были явно не нужны. Одним словом, все это выглядело довольно глупо. А глупее всего было то, что миссис Биддл купила волшебный ковер за десять шиллингов. Будущее представлялось детям в самом мрачном свете, а в настоящем не было ничего, кроме грязи, серости, тоски, запаха осветительного газа и потных людских тел. Кроме того, дети были с кого до головы усыпаны крошками от пирожного и порядком устали.

В конце концов они нашли укромный уголок, откуда могли незаметно наблюдать

за ковром, и принялись уныло ждать окончания базара. Нужно сказать, что время, когда им следовало ложиться спать, уже давно миновало. В десять часов вечера покупатели разошлись по домам, а продавцы остались подсчитывать вырученные деньги.

— Откровенно говоря, — сказал Роберт, — я больше в жизни не пойду ни на какой базар. У меня рука распухла наподобие ананаса. Гвозди в ботинках этой чертовой миссис наверняка были отравленные.

В этот момент некто, облеченный властью делать заявления, заявил:

— Базар закрывается! Расходитесь по домам! Детям ничего не оставалось делать, как выйти на улицу и ждать у входа, смешавшись с толпой своих изрядно оборванных ровесников, которые стояли здесь целый вечер, ловя доносившиеся из окон звуки музыки и мяся ногами жидкую грязь. Наконец из дверей появилась миссис Биддл и, загрузившись в кэб вместе с накупленным на ярмарке добром (среди которого наличествовал и ковер), отправилась восвояси. Остальные ларечники оставили свои товары в школе до понедельника, но миссис Биддл, опасавшаяся, что какая-нибудь мелочь может до того времени испариться, предпочла взять все с собой.

Дети, которым в настоящем расположении духа было наплевать на грязь и непогоду, мрачно влачили за кэбом, пока наконец вся компания не прибыла к дому миссис Биддл. Когда сия зловредная особа, не забыв прихватить ковер, исчезла за входной дверью, Антея сказала:

— Давайте не будем грабить... то есть, я хотела сказать, совершать героический и стремительный подвиг. Давайте сначала позвоним в дверь и договоримся с ней добром.

Остальным эта идея очень не понравилась, но в конце концов они согласились — при условии, что если дело все-таки дойдет до грабежа, Антея не будет путаться у них под ногами со своими нравами.

Им пришлось долго стучать, звонить и даже слегка поколачивать в дверь ногами, пока весьма запуганного вида горничная не осмелилась высунуть в щелку краешек носа. Осведомившись о миссис Биддл, они вошли в холл и тут же увидели требуемую им леди. Она была занята тем, что сдвигала к стенам гостиной столы и стулья, явно намереваясь полюбоваться свежерасстеленным на полу ковром.

— Я так и знала, что она купила ковер не для служанкиной спальни! — пробормотала Джейн.

Антея миновала замешкавшуюся горничную и направилась в гостиную. Остальные последовали за ней. Когда они вошли, миссис Биддл стояла спиной к ним на ковре и разглаживала густой ворс той же самой одетой в тяжелый ботинок ногой, что раньше едва не размозжила кисть Роберту. Хладнокровный Сирил, дождавшись, пока все четверо проскользнули в комнату, закрыл дверь, прежде чем миссис Биддл успела оглянуться.

— Ну кто еще там, Джейн? — кисло осведомилась недостойная леди — Затем, резко обернувшись, она получила ответ на свой вопрос. Уже в который раз за сегодняшний вечер ее лицо приобрело глубокий — даже чересчур глубокий — фиолетовый оттенок.

— Ах, вы маленькие грязные негодники! — закричала она — — Как вы смели явиться сюда? Да еще в такое время! Уже почти ночь! А ну-ка, убирайтесь, пока я не

вызвала полицию!

— Не сердитесь, — мягко произнесла Антея. — Мы всего лишь хотели попросить вас продать нам ковер. У нас с собой есть двенадцать шиллингов, и...

— Да как вы смеете?! — завопила миссис Биддл срывающимся от гнева голосом.

— Боже, как вы отвратительно выглядите! — внезапно сказала Джейн.

Миссис Биддл принялась отбивать чечетку своими подбитыми отравленными гвоздями башмаками.

— Ах, ты маленькая сопливая замарашка! — только и сумела выдавить она, на этот раз побагровев лицом.

Антея принялась трясти Джейн за плечи, но та вырвалась и подалась вперед.

— Но ведь это ковер из нашей спальни! — сказала она. — Можете спросить у кого угодно/

— Давайте попросим ковер перенести нас домой, — прошептал Сирил.

— Не выйдет, — прошептал в ответ Роберт. — Она заявится к нам и устроит такой скандал, что никому не поздоровится. Вот мерзопакостная старуха!

— Я хочу, чтобы у миссис Биддл стало ангельское настроение! — внезапно вскричала Антея. («Попытка не пытка», добавила она про себя).

Багровое лицо миссис Биддл снова стало фиолетовым, потом вдруг красным, а еще потом уж совсем неожиданно приобрело безмятежный розовый окрас. Когда она улыбнулась детям, она и впрямь была немного похожа на престарелую ангелицу.

— Но у меня и без того прекрасное настроение, — удивилась она. — Лучшего, вроде бы, и не бывает. И с чего бы это, мои дорогие, мне пребывать в дурном расположении духа?

Как всегда, ковер оказался на высоте. Причем не только миссис Биддл, но и дети вдруг почувствовали, как прекрасно и легко стало жить на свете.

— На самом-то деле вы очень достойная леди, — сказал Сирил. — Понятия не имею, как я этого сразу не разглядел. Извините за то, что мы доставили вам столько неприятностей на базаре.

— Ни слова больше! — воскликнула обнов-ленная миссис Биддл. — Конечно, если вам так нужен этот ковер, то вы можете его забрать. Нет, нет, я не возьму ни пенни сверх тех десяти шиллингов, что заплатила за него.

— Понимаете, нам очень неприятно просить у вас ковер после того, как вы приобрели его на базаре, — сказала Антея. — Но, видите ли, это и *вправду* ковер из нашей детской. Его по ошибке принесли на базар с другими вещами.

— Да вы что?! Какая досада, — сказала добреющая с каждой минутой миссис Биддл. — Знаете что, мои дорогие? Вот вам ваш ковер и еще десять шиллингов впридачу, и давайте забудем обо всем этом. Возьмите-ка по кусочку пирога на дорогу. О, мой милый мальчик, мне так жаль, что я сегодня наступила тебе на руку! Надеюсь, с ней все в порядке?

— О да, благодарю вас, — сказал Роберт. — Знаете что? По-моему, вы просто кладезь доброты!

— Вовсе нет. — задушевно произнесла миссис Биддл. — Просто мне доставляет огромное удовольствие немного баловать таких милых сорванцов, как вы.

С этими словами она помогла детям свернуть ковер, и Сирил с Робертом взвалили его себе на плечи.

— Вы самая настоящая дорогуша! — сказала Джейн и весьма сердечно поцеловала миссис Ниддл на прощанье.

— Вот тебе и на! — подытожил Сирил, когда они пробирались домой по темным улицами Камдентауна.

— Вот именно, — подтвердил Роберт. — И что самое странное, у меня сложилось впечатление, что новая миссис Биддл и есть настоящая миссис Биддл. То есть я хочу сказать, что не только ковер виноват в том, что она вдруг стала такой доброй.

Возможно, ты и прав, — сказала Антея. Наверное, на прежней миссис Биддл за долгие годы повисло много черствости, усталости от жизни и всего прочего, а ковер взял да и сдернул с нее все это.

— Надеюсь, он не позволит ей снова пооб-расти всякой дрянью, — сказала Джейн. — Она такая красивая, когда улыбается!

В этот памятный день ковер понаделал немало чудес, но мне кажется, что чудо с миссис Биддл было самым расчудесным. Ибо с тех пор она уже никогда не была такой злокой, как прежде, и даже послала мисс Писмарш, которая все же вышла замуж за доброго викария, премиленький серебряный заварничек. Это достославное событие произошло сразу же после Пасхи, а потом молодожены отправились на медовый месяц в Италию.

Глава V

ХРАМ

— Какая жалость, что Феникс куда-то за-пропастился, — сказала Джейн. — С ним гораздо интереснее, чем с ковром.

— Эти маленькие девчонки такие неблагодарные! — сказал Сирил.

— Да нет же, на самом деле я очень благодарная, да только ковер всегда молчит, как в рот воды набрал. И еще он очень беспомощный. Совершенно не может за себя постоять. То в море угодит, то на распродажу, а то еще куда похуже. Вот попробовали бы вы продать Феникса!..

Со времени достопамятного базара прошло два дня. Все четверо были не в духе. Такие вещи, знаете ли, случаются, особенно по понедельникам. А это, как назло, был понедельник.

— Не удивлюсь, если этот ваш драгоценнейший Феникс взял, да и улетел навсегда, — сказал Сирил. — Я бы тоже куда-нибудь улетел от такой погоды. Вы только посмотрите, что творится на улице!

— Даже и смотреть не хочу, — сказал Роберт. Действительно, на улице творилось мало чего приятного.

— Да не мог Феникс улететь — уж в этом-то я уверена! — сказала Антея. — Пойду, поищу его еще раз.

Антея искала под столами и стульями, в коробках и корзинках, среди маминого рукоделия и папиных бумаг, но не смогла найти даже отблеска золотых Фениксовых перьев.

Тут Роберт вдруг вспомнил, с каким блеском ему удалось воплотить семь тысяч строк нуднейшего древнегреческого заклинания в одну строку английского гекзаметра, и, встав на ковер, запел:

— *О, выходи, поскорей, наш замечательный Феникс!*

Почти в ту же секунду со стороны кухонной лестницы донесся шелест крыльев, и в комнату, роняя ослепительные золотые блики, величаво вплыл Феникс.

— Интересно, где же это ты скрывался все это время? — спросила Антея. — Я тебя *по всему* дому искала!

— А вот и не *по всему*, — ответила птица. — Потому что, в противном случае, ты бы непременно нашла меня. Сознайся, что ты поленилась заглянуть в то священное место, что послужило мне временным пристанищем.

— Какое еще такое «священное место»? — спросил Сирил, несколько раздраженный тем обстоятельством, что драгоценные минуты стремительно убегали прочь, а ковер все еще без толку лежал на полу.

— Да будет вам известно, — сказал Феникс, — что место, которое я соблаговолил освятить своим драгоценным присутствием, называется «Лутрон».

— Как?!

— «Лутрон». Это там, в ванной — если не ошибаюсь, вы так величаете комнату для умывания-

— Готова поклясться, тебя там не было, — сказала Джейн. — Я заглядывала в ванную три раза и все там хорошенько перевернула.

— Я же, между тем, покоился на вершине сверкающей железной колонны, — продолжал Феникс. — Волшебной, насколько я могу судить. Во всяком случае, моим милым золотым лапкам было так же тепло, как и в те далекие времена, когда они ступали по раскаленному на солнце песку пустыни.

— А, так ты говоришь об отопительной колонке, — сказал Сирил. — На ней-то и я бы не отказался посидеть в такую дрянную погоду. Ну ладно, куда полетим?

Как обычно, этот простецкий вопрос вызвал целую бурю споров и раздоров относительно того, куда лететь и чем заняться. И, конечно же, каждому хотелось того, на что другим было в высшей степени наплевать.

— Я среди вас самый старший, — заявил Сирил, — и потому мы полетим на Северный Полюс.

— Ага! Мало нам дождя, так тебе еще и снег подавай! — ответил Роберт. — Давайте лучше сгоняем на экватор.

— Мне кажется, лучше алмазных копей Голконды и не придумать, — сказала Антея. — Правда ведь, Джейн?

— Не правда! — выпалила Джейн. — Это чушь! Все вы несете сплошную чушь!

Тут Феникс предупреждающе поднял коготь и прекратил эту бестолковую дискуссию.

— Если вам не удастся прийти к согласию, то, боюсь, я буду вынужден покинуть вас. — сказал он.

— Тогда ты и решай, куда нам лететь! — в один голос закричали все.

— На вашем месте, — задумчиво проговорила птица, — я бы дал ковру немного отдохнуть. Кроме того, если вы не перестанете по каждому малейшему поводу (а то и вовсе без повода) пользоваться ковром, то скоро совсем разучитесь ходить. Не могли бы вы вместо этого устроить мне небольшую экскурсию по вашему отвратительному городу?

— Мы бы с удовольствием, да вот погода... — сказал Роберт лишенным всякого энтузиазма голосом. — Ты только посмотри, какой на улице дождь! И, кстати, почему это мы должны давать ковру всякие там передышки?

— Ты хочешь сказать, что ты злой, жадный, бессердечный и самовлюбленный мальчишка? — строго спросила птица.

— *Нет!* — в негодовании вскричал Роберт

— То-то же! — сказал Феникс. — Что же касается дождя, то я тоже от него не в восторге. О, если бы только солнце знало, что я здесь! Ему нравится светить на меня, потому что я очень яркий и золотистый Оно не раз говорило мне: «Ах, милый Феникс, все же как приятно иметь здесь, на земле, свое подобие!» Впрочем, хватит об этом. Вы знаете какое-нибудь заклинание против плохой погоды?

— Я знаю только «Дождик, дождик, прекрати», — сказала Антея, — но оно еще *никогда* не срабатывало.

— Возможно, вы неправильно его проговариваете, — усомнилась птица.

Антея с готовностью начала декламировать:

Дождик, дождик, прекрати,
Поскорее уходи!
Мы хотим идти гулять
И под солнышком плясать.

— Совершенно неправильно! — воскликнул Феникс. — Если вы всегда обращаетесь к нему так, то вполне понятно, почему оно не обращает на вас ни малейшего внимания. На самом деле нужно открыть окно и что есть мочи прокричать:

Дождик, милый, прекрати,
Попозднее приходи!
Дверь па солнышко открой
И ступай себе домой!

Следует быть предельно вежливыми с людьми, от которых вы чего-нибудь добиваетесь, и уж особенно с теми, от которых вы хотите на время избавиться. Да, вот еще что! Сегодня вам не повредит добавить еще четыре строки:

Здесь чудесный феникс, он
Солнцу шлет большой локлон.
Воссияй же вместе с ним
Ярким светом золотым!

— Провалиться мне на этом месте, если это не настоящая поэзия! — убежденно заявил Сирил.

— Очень даже похоже, — сказал более осторожный Роберт.

— Я вынужден был вставить слово «чудесный», чтобы сохранить длину строки, — скромно заметил Феникс.

— Есть много других слов такой же длины.. — начала было Джейн, но остальные тут же пресекли ход ее мысли негодующим «Тс-с!»

Итак, дети открыли окно и изо всех сил проорали требуемое восьмистишье, причем Феникс орал чуть ли не громче всех. Правда, когда дети дошли до слова «чудесный», на него ни с того ни с сего напал жестокий приступ кашля, но он с лихвой наверстал упущенное на последних строках.

Дождь поразмыслил мин утку-другую, а потом, действительно, ушел.

— Вот что значит настоящая вежливость! — сказал Феникс и одним махом перепорхнул на подоконник, где принялся расправлять и складывать свои блистающие крылья, стараясь повернуться таким образом, чтобы каждому, даже самому маленькому золотому перышку вволю досталось солнца. А солнце, между тем, обрушило на город неистовый поток закатного багрянца, какой можно наблюдать только поздним летом или ранней осенью. Позднее люди говорили, что подобных декабрьских закатов в

городе не было уже добрую сотню, а то и тысячу лет.

— А теперь, — сказала птица, — мы отправимся в город, и вы покажете мне один из моих храмов.

— Твоих храмов?

— Мне удалось вытянуть из ковра, что в вашей стране имеется огромное количество моих храмов.

— Как ты вообще мог что-либо вытянуть из ковра, если он не умеет говорить? — спросила Джейн.

Велика важность! — ответила птица — Из ковра можно много чего повытянуть. Вот вы, например, вытянули из него кучу индийских побрякушек для школьного базара, а я предпочитаю получать от него всяческую информацию. Помните, вы показывали мне папирус с моим портретом? Насколько я понял, на нем наличествовало название одной из улиц вашего города, на которой расположен величавый храм с порталом, украшенным моим резным каменным изображением. Если быть предельно точным, там еще имеется идентичная медная вывеска. Внутри храм просто кишит моими жрецами.

— Так это же компания страхования от пожаров, — сказал Роберт, — а никакой не храм, и эти люди вовсе не жрецы!

— Извини! — ледяным тоном произнес Феникс. — Ты, кажется, сам не знаешь, о чем говоришь. Это самый настоящий храм, и эти люди — жрецы.

— Давайте не будем попусту препираться, — сказала Антея. — А то все солнце упустим. Спорить ведь можно и на улице.

Феникс стремительно дал уговорить себя на то, чтобы устроить гнездышко во внутреннем кармане робертовой норфолкской куртки, и вся компания вывалила на улицу, залитую лучами уже сто, а то и тысячу лет невиданного в здешних местах заката. Кратчайший путь к храму Феникса пролегал по трамвайным путям, а потому все четверо весело забрались на крышу первого же попутного трамвая и вступили в оживленную беседу. Незнакомый с городом Феникс всю дорогу беспокойно ерзал под курткой у Роберта и не раз заинтересованно высовывал наружу клюв, а то и век голову.

Поездка получилась замечательная, и дети не могли нарадоваться, что у них нашли деньги заплатить за нее. Дабы со всей полнотой ощутить магическую силу денег, они не слезали с крыши до самой последней остановки, да и там их пришлось ссаживать едва ль не силой. Конечная остановка трамвая находилась на углу Грейз-Инн-Роуд, и, слегка пораскинув мозгами, Сирил заявил, что, чем тащиться до «Феникса» вкруговую по главным улицам, лучше пройти напрямик — по переулкам да закоулкам, наподобие паутины связывавшим Феттер-Лейн и Ладгейт-Секес. Естественно, он крупно ошибался, как ему тут же и не преминул сказать Роберт. (Позднее Роберт еще несколько раз говорил ему то же самое, но уже совсем в других выражениях) Переулки да закоулки оказались на диво узкими, кривыми и грязными. Но самое главное — там было полно фабричных мальчишек и девчонок, возвращавшихся домой с работы и так неодобрительно посматривавших на ослепительно красные пальтишки и шляпки наших сестричек, что тем немедленно захотелось провалиться под землю или, по крайней мере, пойти другой дорогой. Вдобавок фабричные

оказались чересчур остры на язык — они то и дело предлагали Джейн постричься, а Антею так и вообще склоняли к тому, чтобы обриться наголо. Обе девочки высокомерно отмалчивались, а Сирил с Робертом, у которых так и чесались языки дать достойный отпор хулиганам, как назло не могли придумать ничего по-настоящему ругательного. Завернув за очередной угол, Антея вдруг схватила Джейн за руку и быстро втолкнула ее под ближайшую арку, а оттуда — в темное чрево подъезда. Мальчики мгновенно последовали за ними, и в результате все четверо благополучно избежали новой встречи с гогочущей толпой юных пролетариев.

В глубине подъезда Антея позволила себе глубоко вздохнуть.

— Какой ужас! — сказала она. — Я и не думала, что такие люди бывают на самом деле.

— Да уж, попали в переделку. Но вы, девчонки, сами виноваты — нечего было расфуфыриваться во все самое лучшее.

— Мы решили, что, раз мы идем с Фениксом, то нужно создать ему подобающее окружение, — сказала Джейн.

— Совершенно верно! — тут же откликнулся Феникс и, высунув голову из-под куртки Роберта, поощрительно подмигнул девочкам.

Как выяснилось, это было очень большой неосторожностью с его стороны. Не успел он покончить со своими ужимками, как из-за балюстрады возвышавшейся позади них лестницы протянулась чья-то давно не мытая рука и с ловкостью фокусника выудила золотую птицу у Роберта из-за пазухи. Затем чей-то грубый голос издевательски произнес:

— Чтоб я сдох, Эрб, если это не наш попка-попугайчик, которого мы потеряли на прошлой неделе. Огромное вам спасибо, мэм, за заботу Он уж, поди, весь иссохся по родному гнезду.

Дети разом обернулись. В тени лестничного пролета стояли два здоровенных оборванца, каждый из которых по крайней мере в пять раз превосходил ростом Роберта с Сирилом вместе взятых. Тот, что был поздоровее и по-оборваннее, держал в руках Феникса.

— Немедленно отдайте птицу! — строго произнес Сирил. — Она наша.

— Спасибо вам еще раз и до свидания, — продолжал несносный мальчишка ледяным тоном, в котором можно было без особого труда разглядеть десятка два ложек дегтя. — Эх, жаль, не могу дать вам двухпенсовик за труды — все что ни на есть денежки профукал на объявления в газетах. Уж так я ее искал, мою птичку ненаглядную, так искал! Вы уж заходите через год, так я вам заплачу, чтоб я сдох.

— Поберегись-ка, Айк! — озабоченно сказал его приятель. — У этого попки чего-то уж слишком здоровенный шнобель!

— Если эти нахалы в сей момент не отстанут от моего любимого попки-попугайчика, — мрачно произнес Айк, — у них будут шнобеля поздоровее. А ты, Эрб, заткнись, пока тебя не спрашивают! Ну ладно, вы, четыре соплячки с косичками, катитесь отсюда к своим мамочкам!

— Соплячки! С косичками! — вскричал Роберт. — Сейчас я тебе покажу соплячек! — И, разом перепрыгнув через четыре ступеньки, он провел великолепный

хук правой.

Из темноты полета донеслось отчаянное кудахтание (ни до, ни после того ничего подобного от Феникса не слышали) и биение крыл, а затем захлебывающийся от хохота голос Айка произнес:

— Ну и ну! Взял, да ни за что ни про что огрел моего попку-попугайчика по макушке! Ничего себе, воспитаньице!

Роберт затопал ногами от ярости, а не менее разгневанный Сирил чуть не вывихнул себе мозги, пытаясь придумать какую-нибудь гадость, чтобы расквитаться с малолетними бандитами. Антея с Джейн распалились не хуже мальчиков, но от этого им только захотелось заплакать. Наконец Антея, кое-как справившись с собой, сказала:

— Ну пожалуйста, отдайте нам нашу птичку!

— Ну пожалуйста, валите отсюда и оставьте нашу птичку в покое!

— Если вы не прекратите хулиганить, — решительно заявила Антея, — я позову полицию.

— Давай, давай! — сказал оборванец, которого величали Эрбом. — А ты, Айка, покудова сверни этому паршивому голубю шею. Кажись, он и двухпенсовика не стоит.

— О нет! — закричала Джейн. — Пожалуйста, не убивайте его! Он же ведь такой миленький!

— Да я и не собираюсь, — сказал Айка. — Мне стыдно за тебя, Эрб! Как ты мог подумать обо мне такое! Ладно, мисс, гоните полхруста — и эта птичка ваша навсегда.

— Полчего? — спросила Антея.

— Полхруста, тугрика, сова — полсоверена, если не просекаешь.

— Да у нас нет таких денег! И вообще, это же и так наша птичка!

— Да не говори ты с ним — напрасно время теряешь, — сказал Сирил.

И тут Джейн внезапно осенило:

— О, Феникс, милый Феникс! — запричитала она. — Сделай же что-нибудь! А то у нас ничего не получается.

— С удовольствием, — сказал Феникс, и Айка чуть было не свалился с лестницы от изумления,

— Вот тебе и на! Да он вроде как говорящий! — сказал он.

— О, юноши! — возвысил голос Феникс. — Несчастные сыны порока! Внемлите моим словам!

— Да чтоб я сдох! — сказал Айка.

— Полегче, Айка! — сказал Эрб, — Не придуши его ненароком! Да нам за него отваяют хрустов по весу!

— Внемли, о Айконокласт, осквернитель святынь, и ты, Эрбариумг поедатель городских нечистот! Оставьте, пока не поздно, греховную стезю и ступите на путь добродетели!

— Провалиться мне на этом месте! — сказал Айка. — Ну и здорово же они его поднатаскали!

— Верни же меня моим юным последователям и поспеши прочь! Избавь меня от своих нечистых прикосновений, иначе...

— Клянусь сердцем матери, они все это в него специально вколотили! — сказал

Айк. — На случай, если попку уведут. Смотри-ка ты, какие хитрющие сосунки!

— Пора линять. Давай-ка врежем им хорошенько напоследок и рванем когти, — предложил Герберт, он же Эрб.

— Заметано! — отозвался Айзек, он же Айк.

— Прочь! — снова возопил Феникс, а затем вдруг осведомился совсем другим тоном: —

А кто «сработал тикалы» у старика из Олдер-менбери? А кто в Белл-Корте «увел сопливчик у малолетки», а? А кто...

— Заткнись! — взревел Айк. — Ах ты дрянь! Ой, ай! Отвянь же от меня! Садани его чем-нибудь, Эрб, а то он сейчас мне все глаза по-выхлестывает!

За сим последовали дикие вопли, беспорядочная возня и мощные удары крыльев. В конце концов Айк с Эрбом что есть мочи затопали вверх по лестнице, а Феникс слетел в холл и выпорхнул через дверь на улицу. Дети немедленно последовали за ним. После нескольких минут всенародного ликования Феникс опустился на грудь Роберту («как бабочка на цветок», говорила потом Антея) и принялся, извиваясь и ерзая, устраиваться за отворотом его норфолкской куртки («как угорь в грязи», говорил потом Сирил).

— Почему ты не испепелил его на месте? Тебе же это раз плюнуть, правда? — спросил Роберт, когда после стремительной пробежки по трущобам дети наконец оказались в спасительной толчее Фаррингдон-стрит.

— Разумеется, — ответила золотая птица. — Но, видишь ли, я почувствовал, что горячиться по такому пустяшному поводу будет ниже моего достоинства. Вам следует знать, что Парки не всегда были благосклонны ко мне, так что в умении драться я не уступлю ни одному лондонскому воробью, а ведь мои когти и клюв будут побольше воробьиных.

Все эти происшествия изрядно охладили боевой дух детей, и Фениксу пришлось немало постараться, чтобы взбодрить их.

В конце концов они достигли своей цели. Ею оказалось величественное здание на Ломбард-стрит, украшенное везде где только можно резными изображениями Феникса. По бокам огромной двери висели сияющие на солнце медные таблички:

ФЕНИКС — СТРАХОВАНИЕ ОТ ПОЖАРОВ

— Минутку! — сказал Феникс. — Что такое «пожар»?

— «Пожар» — это когда много огня, — объяснил Сирил.

— Ах, вот как! — удовлетворенно промурлыкал Феникс. — Большой огонь — большой алтарь. У них тут и впрямь большие алтари, Роберт?

— Ой, спроси кого-нибудь другого! — ответил Роберт, который немного оробел от вида столь блестящего офиса (а когда он робел, ему становилось не до приличий).

— Не валяй дурака, Роберт! — возразил Сирил — Ты прекрасно знаешь, что дело тут не в алтарях. Просто когда у кого-нибудь сгорит дом, «Феникс» тут же дает ему новый. Так говорит папа, а уж ему-то об этом все известно.

— Так, значит, дом, подобно Фениксу, восстает из пепла? — удивилась золотая птица. — Мои жрецы слишком щедры по отношению к простым смертным.

— Вообще-то, простым смертным приходится за это платить, — сказала Антея. — Правда, понемногу, но зато каждый год.

— Не платить, а совершать воздаяния моим жрецам, — произнес Феникс, снова сбиваясь на возвышенный тон, — которые в годину бедствий утешают скорбящих и дают кров бездомным. Ведите же меня! Призовите ко мне Верховного Жреца! Я не желаю внезапно представать во всей своей славе перед моими благочестивыми и самоотверженными последователями, что, не щадя живота своего, противоборствуют козням этого хромого ничтожества Гефеста.

— Ты не мог бы выражаться немного яснее и не сбивать нас с толку неизвестными именами? — сказал Сирил. — Пожар — это пожар. Никто его специально не устраивает. А если и устраивает, то такими людьми занимается не «Феникс», а полиция. Видишь ли, поджигать дома у нас никому не позволено. Это считается таким же преступлением, как и травить людей мышьяком. А уж «Феникс» и пальцем не пошевелит, чтобы помочь преступнику. Если не веришь, можешь спросить у папы.

— Моим жрецам лучше знать, кому помогать, а кому нет, — сказал Феникс. — Идемте же!

— И о чем же нам с ними говорить? — спросил Сирил. На лицах остальных детей был написан тот же самый вопрос.

— Попросите провести вас к Верховному Жрецу, — сказал Феникс, — и скажите ему, что вы готовы открыть великую тайну, касающуюся моего культа. Но только прежде вы должны уединиться с ним во внутреннем святилище.

Четверо детей неохотно вошли внутрь здания и остановились посреди великолепного просторного холла. Стены этого достопримечательного помещения были снизу доверху выложены дултоновской керамикой (отчего оно изрядно напоминало огромную сверкающую ванну, в которую забыли налить воды), а в центре наличествовала небольшая рощица стройных колонн, вздымавшихся к поддерживаемому ими потолку. Одна из стен была обезображена грязновато-коричневым керамическим панно, долженствующим изображать легендарную огненную птицу. Повсюду роились отделанные медью столы и прилавки из красного дерева, а за ними сидели, стояли, ходили, а то и просто бегали сломя голову озабоченные клерки. В противоположной от входа стене имелась еще одна большая дверь, а над ней висели часы величиной с Эйфелеву башню.

— Спросите Верховного Жреца! — прошептал из-под робертовой куртки Феникс.

Как раз вовремя — потому что к детям уже направлялся клерк-приемщик, весьма достойного вида молодой человек, с головы до ног затянутый в черное платье. Подойдя вплотную и облокотившись о прилавок, он некоторое время удивленно вздымал и опускал брови, явно не зная что сказать, но в конце концов, когда дети уже твердо решили, что сейчас услышат от него что-нибудь вроде обычного: «Чем имею честь служить, господа?», он открыл рот и довольно неприязненно произнес:

— Ну, а вам-то чего здесь надо?

— Нам нужен Верховный Жрец.

— Знаете что, катитесь-ка отсюда! — отвечивал молодой человек.

В эту минуту к ним подошел клерк постарше, тоже весь в черном.

— Наверное, они имеют в виду мистера Икс (ни за какие сокровища мира я не открою его имени!). Он состоит Великим Жрецом или чем-то вроде этого у местных масонов.

За мистером Игреком (повторяю, я не могу открыть вам его имя) отправился посыльный, а дети остались стоять в центре зала под перекрестными взглядами джентльменов, сидящих, стоящих и делающих прочие вещи за столами и прилавками из красного дерева. Антея с Джейн уверяли потом, что эти взгляды были вполне дружелюбными, зато мальчики и по сей день уверены, что на них откровенно пялились {и, знаете, они правы).

Наконец посыльный принес известие, что мистер Зет (и не старайтесь, я не скажу вам, как его зовут!) отсутствует, но мистер *** выразил желание заняться ими.

Вскоре появился и сам упомянутый джентльмен. Он был явно не чета высокомерным клеркам из приемной. У него была окладистая борода, веселые глаза и — как тотчас же догадались дети — полдюжины собственных сорванцов, которые уж точно научили его прислушиваться к тому, о чем тебе говорят. Однако даже он не смог схватить все с первого слова.

— Ну, что у вас? — спросил он. — Мистера *** (он назвал имя, которое я не имею права открывать) сейчас нет, но, может быть, я могу вам чем-нибудь помочь?

— Внутреннее святилище! — пробормотал под курткой Феникс.

— Простите? — переспросил любезный джентльмен у Роберта, которого, естественно, полагал автором этой реплики.

— Мы хотим сказать вам кое-что очень важное, — вступил Сирил. — Но... — он выразительно глянул на посыльного, с неведомой целью слонявшегося у них за спинами, — боюсь, что здесь слишком людно.

Веселый джентльмен расхохотался.

— Что ж, пойдете наверх! — сказал он и увлек детей за собой по широкой мраморной лестнице (вообще-то, это Антея сказала, что она была мраморной, но я не очень в этом уверена). Верхнюю площадку лестницы осеняла своими крыльями величественная скульптура, воплощавшая Феникса в темной бронзе, а стены по бокам были испещрены ее плоскими подобиями.

Веселый джентльмен провел детей в свой кабинет, вся обстановка которого — включая столы, стулья, подоконники и даже потолочные балки — была обтянута красной кожей, и, остановившись у стола, вопросительно глянул на них.

— Не бойтесь, — сказал он. — Здесь вы можете говорить свободно.

— А можно запереть дверь? — спросил Сирил. Не скрывая своего удивления, джентльмен запер дверь.

— Итак, — твердо начал Сирил. — Я знаю, что вы ужасно удивитесь, ничему не поверите и, более того, посчитаете нас сумасшедшими. Но мы никакие не сумасшедшие, и вы сейчас в этом убедитесь. Дело в том, что у Роберта во внутреннем кармане — кстати, познакомьтесь с моим младшим братом Робертом! — есть кое что очень для вас интересное. Только, пожалуйста, не путайтесь и не падайте в обморок! Я

прекрасно понимаю, что когда вы называли свою компанию «Фениксом», вы и не подозревали, что он, Феникс то есть, на самом деле существует. Так вот, он существует и, более того, в настоящий момент находится, как я уже говорил, у Роберта во внутреннем кармане.

— Если речь идет о какой-нибудь антикварной штучке, то я уверен, что Совет Директоров с удовольствием... — начал было любезный джентльмен, пока Роберт возился с пуговицами своей куртки.

— Эта штучка и впрямь очень древняя, — прервала его Антея. — Судя по ее словам...

— Великий Боже! — воскликнул джентльмен при виде Феникса, выпорхнувшего из недр ро-бертовой куртки и, наподобие золотого цветка распустившегося на обтянутом красной коже столе.

— Какая удивительная, какая прекрасная птица! — продолжал он. — Клянусь, я в жизни не видал ничего подобного.

— Нисколько не сомневаюсь в этом, — немного высокомерно ответил Феникс-Достойный джентльмен от удивления едва не запрыгнул на шкаф.

— О, так она еще и говорящая! Что-то вроде попугая, насколько я понимаю?

— Я — ваше верховное божество, — просто сказала птица, — и я пришел в свой храм, чтобы получить полагающиеся мне знаки почитания. Я не какой-нибудь там попутай, — при этом он презрительно скосил клюв на остолбеневшего джентльмена, — а единственный и неповторимый Феникс, который требует немедленного изъявления преданности со стороны Верховного Жреца.

— В отсутствие нашего управляющего... — начал заикающийся от волнения джентльмен таким тоном, точно он обращался к самому важному из своих клиентов. — В отсутствие нашего управляющего, может быть, я смогу... О, Господи, что это я такое несу? — Он побледнел, недоверчиво пощупал свою голову и продолжал: — Мои юные друзья, похоже, что необычайно жаркая для этого времени погода не самым лучшим образом повлияла на мои нервы. Знаете, мне на один миг показалось, что эта во всех отношениях замечательная птица на самом деле является Фениксом. Более того. У меня не было не малейшего сомнения в этом.

— Не удивительно, сэр. — сказал Сирил. — Это ведь и вправду Феникс.

— Неужели? Э-э-э... Минуточку!

Он нажал кнопку звонка, и почти тотчас же в дверях появился посыльный.

— Маккензи! — обратился к нему джентльмен. — Вы видите эту птицу?

— Да, сэр.

Джентльмен облегченно вздохнул.

— Так, значит, он настоящий?

— Да, сэр, конечно, сэр! Если не верите, можете взять его в руки. — С этими словами он потянулся к Фениксу, который тут же негодуя отпрянул в сторону.

— Прочь, несчастный! — возопил он. — Как ты смеешь прикасаться ко мне своими грязными руками?!

Посыльный вытянулся по стойке смирно.

— Извиняюсь, сэр! — отчеканил он. — Я думал, что вы птица, сэр.

— Я и есть птица. Единственная и неповторимая птица. Я — Феникс!

— Конечно же, сэр, — сказал посыльный. — Я понял это, как только снова пришел в себя, сэр.

— Достаточно, Маккензи, — сказал бородатый джентльмен. — Ступайте и позовите сюда мистера Уилсона и мистера Стерри.

Появившиеся вскоре мистер Уилсон и мистер Стерри, подобно двум предыдущим джентльменам, стремительно проследовали от стадии нервного потрясения до состояния глубочайшей, почти религиозной убежденности. Как это ни удивительно, но каждый служащий страховой компании охотно принял Феникса на веру и после легкого шока, вызванного внезапностью происшедшего, уже ничуть не удивлялся тому, что мифологическая птица во плоти и крови разгуливает по Лондону и посещает свои храмы.

— Нужно поскорее отпраздновать это событие, — взволнованно говорил любезный джентльмен с бородой. — Жаль, что мы уже не успеем собрать всех директоров и главных вкладчиков, но это можно сделать завтра. Пожалуй, зал совещаний больше всего подойдет для праздника. Мне бы не хотелось, чтобы у почтенного Феникса создалось впечатление, что мы приложили недостаточно стараний для выражения своей благодарности по поводу его милостивейшего визита.

Дети не могли поверить своим ушам — им бы и в голову не пришло, что кто-нибудь, кроме них, может поверить в Феникса. Но факты оставались фактами: в кабинете поочередно побывали все служащие конторы, и все без исключения, даже самые умные (не говоря уже о полных идиотах), начинали истово верить, стоило только Фениксу приоткрыть свой сверкающий золотом клюв. Сирил даже начал раздумывать над тем, какой отклик вся эта история получит в завтрашних газетах.

Он уже видел сенсационные заголовки и кричащие плакаты:

КОМПАНИЯ СТРАХОВАНИЯ ОТ ПОЖАРОВ «ФЕНИКС».

ФЕНИКС В СВОЕМ ХРАМЕ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ

В ЧЕСТЬ ЛЕГЕНДАРНОЙ ПТИЦЫ.

ЭНТУЗИАЗМ УПРАВЛЯЮЩЕГО И ЕГО ПОДЧИНЕННЫХ.

Извините, но мы вынуждены ненадолго оставить вас, — сказал джентльмен с бородой и удалился **совсей** остальной братией. Сквозь неплотно закрытую дверь до детей доносились звуки торопливых шагов по лестнице, гомон возбужденных голосов и шум передвигаемой мебели.

Феникс мерял шагами обтянутую красной кожей столешницу, временами бросая горделивые взгляды на свою отливающую золотом спинку.

— Как видите, я обладаю немалым даром убеждения, — самодовольно произнес он.

В этот момент в комнате появился незнакомый джентльмен. Он низко поклонился и произнес:

— Все готово. Мы сделали все, что только было возможно в столь короткий срок. Собрание — то есть, я хотел сказать церемония — состоится в зале совещаний. Желает ли distinguished Феникс отправиться туда пешком — тут всего лишь пара-другая шагов, — или же ему угодно воспользоваться имеющимися в нашем распоряжении транспортными средствами?

— Мой верный Роберт доставит меня в «зал совещаний» — кажется, этим идиотским именем вы называете алтарный придел?

С этим вся компания проследовала за джентльменом в зал заседаний. Там и впрямь уже было все готово: длинный — предлинный-щий стол для президиума был сдвинут к стене, а стулья выстроены рядами перед камином — совсем как в школе, когда по волшебному фонарю показывают «Нашу Восточную Империю» или «Жизнь военных моряков». Залу предваряли резные дубовые двери с замечательным — резным Фениксом на обеих половинках.

Антея тут же заметила, что стоявшие в первых рядах кресла являлись ближайшими родственниками тех произведений мебельного искусства, о цене которых ужасно любила осведомляться мама в каждой антикварной лавке (и которые так никогда и не могла купить, потому что цена неизменно составляла двадцать фунтов за штуку, а то и больше). На каминной доске красовались тяжелые бронзовые канделябры и великолепные часы, украшенные сверху еще одной фигуркой Феникса.

— Немедленно уберите отсюда этого истукана! — приказал Феникс толпившимся поблизости джентльменам. Часы поспешно унесли прочь, и Феникс, вспорхнув с руки Роберта, устроился на их месте. Его золотые перья блистали так, что на них было больно смотреть. Затем в залу повалил народ. Пришли все, начиная с надутого от важности казначея и кончая кухарками, которым на самом деле полагалось сейчас сидеть на кухне и готовить обед многочисленным клеркам. Каждый входящий кланялся Фениксу и занимал соответствующее его общественному положению место в зале.

— Джентльмены! — начал любезный джентльмен с бородой. — Сегодняшнее наше собрание...

— А почему нет никаких благоволий? — обиженно осведомился Феникс.

Это замечание вызвало торопливую дискуссию среди устроителей праздника, и через несколько минут из кухни были принесены жаровни, на которые тут же в избытке насыпали селитры, сургуча и табака. Все это было обильно сдобрено какой-то пахучей жидкостью из плоской бутылки и подожжено. Благоволие вышло так себе — да и откуда было взяться в «Фениксе» настоящим благоволиям? — но горело оно достаточно энергично, а дымило, пожалуй, даже чересчур.

— Сегодняшнее наше собрание, — продолжал джентльмен с бородой, — вызвано событием, не имеющим прецедентов в истории нашей компании. Наш

многоуважаемый Феникс..

— Верховное божество, — ворчливо напомнил Феникс.

— Как раз это я и хотел сказать. Наш уважаемый Феникс, верховное божество этого заведения, наконец-то удостоил нас чести лицезреть себя. Думаю, джентльмены, что я выражу общее мнение, если скажу, что мы ничуть не преуменьшаем значение этого события и готовы единодушно приветствовать героя, которого уже давно желали видеть в своих рядах.

Несколько молодых клерков хотели было закричать парламентское «Слушайте, слушайте!», но в последний момент воздержались, решив, что золотая птица может воспринять это как признак неуважения.

— Я не буду отнимать ваше время, — продолжал выступающий, — перечислением преимуществ, какими обладает наша система страхования от пожаров. Все мы знаем, джентльмены, что высшей целью нашей компании было и всегда будет самоотверженное служение обществу, примером которому служит достопочтенная птица, являющаяся нашей эмблемой и в данный момент озаряющая своим присутствием каминную доску в этом зале. Итак, джентльмены, трехкратное «ура» в честь пернатого верховного божества нашей компании!

Когда отгремело оглушительное «ура». Феникса попросили сказать несколько слов.

В нескольких изящных фразах золотая птица выразила свое удовлетворение по поводу торжества.

— Надеюсь, — закончила она, — что я не покажусь вам тщеславным и жадным до почестей сверх тех, что уже были оказаны мне во время вашего сердечного приема, но было бы весьма желательно, чтобы в заключение прозвучала подобающая данному случаю ода или, по крайней мере, исполнена хоровая песня. Видите ли, меня везде и всегда встречали подобным образом...

Четверо детей, и без того онемевших от невероятности всего происходящего, не без трепета взглянули на белую пену лиц, волнующуюся над черным морем сюртуков. Им показалось, что на этот раз Феникс и впрямь зашел чересчур далеко.

— Время поджигает! — торопил Феникс. — Оставим в покое заклинание вызова — оно слишком длинное и, ввиду его древнегреческой природы, неудобопроизносимое. К тому же, какой толк вызывать меня, если я уже и без того с вами? Но, может быть, у вас есть какая-нибудь песенка, которую вы поете в особо торжественных случаях?

Бородатый менеджер наморщил лоб и с видом величайшего воодушевления начал петь. Постепенно к нему присоединились остальные.

Быстро и надежно!

Выгодно и дешево!

Лучше страхования

В жизни не иаити.

Горелое имущество —

Ваше преимущество.

Если удосужитесь
К нам сперва зайти...

— Как раз *эта* песенка мне не нравится, — вмешался Феникс. — К тому же, мне кажется, что вы ее наполовину позабыли.

Менеджер поспешно начал другую песню:

О, златоглавый Феникс,
свет Вкушает мёд твоих побед,
И наши славные дела —
Лишь перья с твоего крыла!

— Гак то лучше! — сказала птица

Приободренные похвалой, клерки дружно грянули второй куплет-

По классу первому идут
Дома, их внутренний уют,
А также лавки и палатки
Кирпичной и цементной кладки.

— Следующий куплет! — сказал Феникс. — Да поживей!

Смешанный хор менеджеров, клерков, секретарей, посыльных и кухарок грянул
вновь.

Строенья сельские подходят
Под класг второй. На них заводят...

— Опустите этот куплет! — распорядился Феникс

Класс третий среди бела дня
Спсет посевы от огня,
А «Феникса» не уважая
Лишиться можно урожая!

О, мудрый Феникс, в твоём храме
Пекутся обо всем, и, кроме
Мирских жилищ, под нашей кровлей
Всегда дают приют тогровле.

И кабы вкладами своими

Народ не славил твое имя,
О светлый Феникс, то огонь
Не пощадил бы никого

О, несравненней тая птица!
На нас ты можешь положиться.
Мы каждым ясным Божьим днем
Тебе хвалу и честь поем!

— Это было очень любезно с вашей стороны, — сказал Феникс, когда песня закончилась. — А теперь нам пора идти. Благодарю всех за приятный вечер и желаю успехов и процветания, чего вы, безусловно, заслуживаете в самой полной мере. Я в жизни не встречал более расторопных и красноречивых служителей моего культа. И, боюсь, больше никогда не встречу. Желаю всем доброй ночи!

С этими словами он перелетел к Роберту на запястье, и дети направились к выходу из зала. Служащие конторы последовали за ними и, спустившись по лестнице в холл, быстренько рассосались по своим рабочим местам. Но два самых важных джентльмена все-таки проводили гостей до дверей и стояли там, раскланиваясь, как китайские болванчики, до тех пор, пока Роберт не упрятал Феникса во внутренний карман своей норфолкской куртки и вместе с остальными детьми не растворился в толпе.

Затем два самых важных джентльмена пристально и как-то странновато взглянули друг на друга и поспешили укрыться в священных внутренних покоях храма, где и продолжали без усталости трудиться во славу и процветание своей конторы.

В тот самый момент, когда все служащие — менеджеры, секретари, клерки, посыльные и кухарки — оказались на своих местах, произошла странная вещь. Каждый из них вздрогнул и украдкой огляделся по сторонам, опасаясь посторонних взглядов. Ибо всем им одновременно почудилось, что они заснули на несколько минут и видели во сне на редкость замысловатую чепуху про живого Феникса и посвященное ему торжество в зале совещаний. Естественно, что они не стали делиться друг с другом своими мыслями, ибо спать на работе категорически воспрещается.

Конечно, они могли заглянуть в зал и по царившему там беспорядку, немалой частью которого являлись остатки благовоний на кухонных жаровнях, убедиться, что это был отнюдь не сон, а блистательная реальность, но в тот день ни у кого почему-то не возникло желания туда ходить, а на следующий день зал был приведен в прежнее идеальное состояние приходящей с утра кухаркой, в чьи обязанности не входило задавать лишние вопросы. Так что следующие два дня Сирил совершенно напрасно покупал и со всей тщательностью шгудировал все газеты, какие только попадались ему под руку, — он мог бы и догадаться, что ни один человек, если только он не свихнулся, не станет помещать в газету описания своих снов, особенно если эти сны приснились ему при исполнении служебных обязанностей.

Что же касается Феникса, то он был сверх всякой меры доволен этим маленьким происшествием. Однако, вернувшись домой, он тут же принялся сочинять новую оду

(естественно, ода посвящалась ему самому). Он считал, что оды, исполненные накануне служителями его культа, были чересчур грубоваты. Его собственная ода начиналась так:

По скромности и красоте
Не сыщешь фениксу равных на свете

Дети уже давно спали в своих постелях, а он все еще пытался изловчиться и урезать вторую строку — да так, чтобы при этом в ней осталось все, что он изначально хотел сказать.

Что и говорить, поэзия — сложная штука.

Глава VI

ДОБРЫЕ ДЕЛА

Но ведь теперь мы целую неделю не сможем никуда летать на ковре! — сказал Роберт

— А я так только рада, — ни с того ни с сего заявила Джейн

— Рада? — вскричал Сирил. — *Рада?*

Дети только что покончили с завтраком, главным блюдом которого было мамино письмо (правда, пожирали они его всего лишь глазами). Там говорилось, что всем четверым нашим приятелям следовало явиться на Рождество к их линдхерстской тетке, а уж там к ним присоединятся и папа с мамой. Теперь письмо лежало на столе посреди прочих объедков, одним концом впитывая разлитый Робертом жир, а другим прочно увязнув в горке фруктового желе.

— Вот именно, рада, — сказала Джейн. — А то уж слишком много всяческих чудес случается в последнее время. Это как на прошлогодних каникулах у бабушки. Помните, у нас тогда было по семь праздников на неделе, а от шоколадок, конфет и прочих пирогов вообще спасенья не было? Нет уж, пусть хотя бы на недельку все станет как всегда — без волшебства и приключений.

— А мне так очень не нравится скрывать что-либо от мамы, — вступила Антея. — Сама не знаю почему, но от этого я чувствую себя злой и испорченной девчонкой.

— Если бы только нам удалось заставить ее поверить в ковер, мы бы повезли ее в самые чудесные места на свете, — задумчиво произнес Сирил. — Все дело в том, что нам поневоле приходится быть злыми и испорченными... Если, конечно, мы и впрямь такие — лично я в этом не уверен.

— Я уверена, что мы не такие, но чувствую себя именно такой, — сказала Антея. — И мне от этого плохо.

— Было бы хуже, если бы ты была уверена, что ты такая, но при этом ничего не чувствовала, — вставил Роберт, — Тогда тебе вообще было бы на все наплевать.

— И ты бы стала, как говорит папа, «закоренелым преступником», — резюмировал Сирил и, подобрав со стола мамино письмо, тщательно обтер его напитавшиеся жиром и желатином концы своим носовым платком, который от этой операции не стал ни чище, ни грязнее (как видно, ему это было не впервой).

— Ладно, к тетке мы все равно поедем только завтра, — сказал Роберт с самым невинным выражением на лице, — а пока давайте не будем выставять себя неблагодарными дураками и тратить целый день на разговоры о том, как ужасно не посвящать в свои секреты мамочек. К тому же, нашу мамочку Антея раз восемнадцать пыталась посвятить, и все без толку. Забирайтесь-ка лучше на ковер и подумайте как следует, что бы нам этакое загадать. А уж покаяться-то мы успеем — у нас для этого вся следующая неделя впереди.

— Точно! — поддакнул Сирил. — По-моему, он говорит дело.

— Послушайте! — сказала Антея. — В Рождество почему-то всегда хочется быть доброй и милосердной — не то что в другие дни. Давайте попросим ковер перенести

нас в такое место, где бы нам подвернулся случай сделать что-нибудь доброе и милосердное! — Немного поколебавшись, она добавила: — Ну, хорошо, пусть это будет одновременно и захватывающим приключением.

— Я не против, — согласился Сирил. — Мы же не будем знать, куда нас забросит ковер и что с нами случится. Это будет здорово! Нам лучше одеться потеплее на тот случай, если...

— ...Если нам вдруг придется спасти из-под снега замерзающих путников, как этим миленьким сенбернарчикам! — сказала, внезапно заинтересовавшись, Джейн. — Правда, тогда нам еще придется повязать вокруг шеи бочоночки с бренди.

— Или увидеть, как богатый старик подписывает завещание (еще чаю, пожалуйста!), а потом прячет его в потайном шкафу, — вступил Роберт. — Представляете, вот будет шик, когда после долгих лет нищеты и лишений вдруг появимся мы и покажем законному наследнику, где оно хранится!

— Ага, — подхватила Антея, — а еще мы можем попасть в какой-нибудь немецкий город, где на продуваемом всеми ветрами чердаке страдает бедная, голодная и больная детка-малютка...

— У нас нет ни одного немецкого пенни, — прервал ее Сирил, — а потому твой план не проходит. Нет уж, что до меня, так я бы желал оказаться на войне и раздобыть для нашего главного генерала какие-нибудь страшно секретные сведения. И чтобы за это он сделал меня лейтенантом или разведчиком — или на худой конец гусаром.

После того как убрали со стола и Антея хорошенько промела ковер, все четверо чинно расселись на мягком ворсе и в один голос принялись звать Феникса. Его решили взять специально для того, чтобы он полюбовался на добрые и милосердные дела, которыми они собирались отметить наступающее Рождество.

Феникс не замедлил появиться, и когда улеглась последняя суматоха, Антея загадала желание.

Потом все быстро зажмурились, чтобы лишний раз не видеть, как весь мир у них перед глазами перевернется вверх тормашками.

Когда через некоторое время дети открыли глаза, они по-прежнему сидели на ковре, а ковер по-прежнему лежал на своем месте посреди детской комнаты их камдентаунского дома.

— Эге! — сказал Сирил. — Это еще что за шуточки?

— Может быть, он поизносился? То есть, я хочу сказать, перестал быть волшебным? — озабоченно спросил Роберт Феникса.

— Ни в коем случае! — заверил его Феникс. — Ну-ка, напомните мне, что это вы там загадали?..

— Ой, я, кажется, уже догадался! — произнес Роберт с чувством глубокого омерзения. — Он хочет, чтобы мы вели себя, как все эти пай-мальчики и пай-девочки из воскресных журналов. Помните, как там кончаются сказки? Ничего себе, удружил!

— Ага, так он хочет сказать, что мы можем делать добрые и милосердные дела, не выходя из дома? Хочет, чтобы мы таскали уголь кухарке и шили одежду для голопузых дикарей? Не знаю как вы, а я пас. И надо же только додуматься до такого, да еще в последний день! Слушай меня внимательно! — твердым и решительным голосом

обратился Сирил к коврику. — Мы желаем отправиться в какое-нибудь захватывающее и потрясающее место. Мы не желаем делать добрые дела здесь, слышишь? Где-нибудь в другом месте, но только не здесь. Ну а теперь, поехали! — И он взмахнул рукой.

Послушный ковер немедленно рванул с места, и в следующую секунду четверо детей и одна птица уже изо всех сил старались распутать клубок из своих рук, ног, крыльев и когтей, образовавшийся в результате стремительного приземления на какую-то ровную и твердую поверхность. Эта задача немало осложнялась тем, что вокруг царил крошечный туман.

— Все на месте? — раздался наконец голос запыхавшейся Антеи. Остальные уверили ее в том, что они на месте, только вот неизвестно, на каком.

— Где же это мы? Ох, как здесь сыро и холодно! Черт, я, кажется, залез рукой в лужу!

— У кого-нибудь есть спички? — безнадежно спросила Антея. Она была почему-то уверена, что на этот раз спичек ни у кого не было.

И в этот момент Роберт, растянув губы в торжествующей ухмылке (которую по причине темноты все равно никто не заметил, так что он зря старался), вытащил из кармана спичечный коробок, чиркнул спичкой и зажег свечу — две свечи, если быть предельно точной. Внезапная вспышка света заставила всех и каждого невольно закрыть глаза и открыть рот, что вполне сошло за выражение восторга.

— Отличная работа, Бобс! — заверещали сестрички, хлопая в ладоши, и даже Сирил, вечно пекущийся о том, чтобы его младший братец не зазнался, не смог на этот раз удержаться от похвал.

— Я постоянно ношу их при себе с того самого дня, как мы все чуть не пропали в этой дурацкой заграничной Башне, — скромно заметил Роберт, ковыряя носком ботинка земляной пол. — Я так и знал, что когда-нибудь они нам понадобятся. Я вам ничего о них не говорил, чтобы было волнительнее. Правда ведь, вы чуток поволновались?

— Подумаешь! — презрительно сказал Сирил. — Да я нашел их у тебя в кармане на следующий же день — вообще-то, я искал свой нож, который ты, кстати, до сих пор так и не отдал, но подумал, что ты утащил их у кухарки для того, чтобы запаливать китайские фонарики или читать в постели.

— Слушай, Бобс, — прервала его Антея, — а ты, часом, не знаешь, куда мы попали? Клянусь, все это очень похоже на лодзельский ход, и... ой, смотрите! Да тут кругом полно мешков с золотом!

К тому времени глаза всех присутствующих, включая фениксов, уже достаточно попривыкли к яркому освещению, и потому ни у кого не нашлось повода отрицать очевидное.

— Больно уж это неподходящее место для того, чтобы делать добро, — с сомнением в голосе сказала Джейн. — Да и кому оно тут может понадобиться — ведь кругом ни души.

— Не торопись с выводами! — наставитель но изрек Сирил. — А что если вон там, за поворотом, мы найдем закованного в цепи узника, что томится в этом подземелье уже много-много лет? Его можно будет немедленно посадить на ковер и

передать в руки безутешных друзей. Чем тебе не доброе дело?

— Доброе-то оно доброе, — сказал Роберт, поднимаясь на ноги и поднимая свечу высоко над головой, чтобы лучше видеть, — но уж если говорить об узнике, то скорее всего мы найдем его иссушенные кости. Их, кстати, тоже можно передать друзьям, а уж те закопают их со всеми подобающими почестями. Про такие добрые дела постоянно пишут в книжках — хотя, честно сказать, желал бы я знать, кому может быть какой-нибудь прок от старых костей?

— Ой, лучше не надо! — сказала Джейн.

— Кажется, я знаю, где мы с вами найдем подходящие кости, — продолжал Роберт. — Видите вон там, дальше по тоннелю, темную арку? Клянусь, как раз в ней-то...

— Если ты сейчас же не прекратишь, — решительно заявила Джейн, — я сначала завизжу, а потом грохнусь в обморок — вот увидишь!

— Я тоже, — быстро добавила Антея.

Роберт относился к тому типу людей, которые очень не любят, когда кто-нибудь прерывает полет их фантазии.

— Правильно говорят, что из девчонок никогда не получают великие писатели, — горько заметил он. — Все вы любите помечтать о темницах, цепях и изъеденных плесенью костях, а как доходит до дела.

Джейн широко разинула рот, но прежде чем она сообразила, какой вопль имеют обыкновенно издавать люди, собирающиеся упасть в обморок, в полутьме подземелья прозвенел металлический (точнее, золотой) голос Феникса.

— Успокойтесь! — отчеканил он. — Здесь нет никаких костей — разве только те, из которых составлены ваши маленькие глупые скелеты, но они так обильно поросли плотью, что лишь какой-нибудь великий анатом сможет догадаться, что они у вас вообще имеются. И вообще, мне показалось, что вы пригласили меня посмотреть, как вы будете делать добрые и милосердные дела, а вы вместо этого устроили этот бесполезный разговор о костях.

— Но мы же не можем делать добрые дела прямо здесь, — мрачно произнес Роберт.

— Конечно, нет! — язвительно отвечала птица — Единственное, что вы можете здесь делать, так это пугать до полусмерти своих младших сестреночек.

— Ничего он меня не пугал! И, кстати, я не такая уж маленькая! — воскликнула неблагодарная Джейн.

Роберт промолчал. Наконец Сирил предложил забрать деньги и убраться восвояси.

— От этого поступка никому не будет пользы, кроме нас самих, — сказала Антея. — И, уж если говорить начистоту, то прикарманивание чужих денег вообще нельзя назвать добрым делом, с какой стороны ни посмотри!

— Но мы же истратим их на нужды бедняков и престарелых! — возразил Сирил.

— Все равно это не оправдание воровству! — стойко защищалась Антея.

Теперь уже все четверо были на ногах, и по крайней мере двое вовсю размахивала руками.

— Вот уж не знаю! — горячился Сирил. — Воровство — это когда ты крадешь

вещи, которые кому-нибудь да принадлежат, а где тут этот «кто-нибудь»?!

— Но ведь...

— Прекрасно! — не скрывая издевки, вмешался Роберт. — Валяйте, торчите здесь целый день и ругайтесь, пока свечи не прогорели! Уверен, вам ужасно понравится, когда вокруг снова станет темно, и вы не сможете увидеть своего носа — не говоря уже о чужих костях.

— Тогда давайте выбираться отсюда! — сказала Антея. — Мы можем доспорить и по дороге.

Они скатали ковер и направились вглубь тоннеля. Однако, когда они достигли того места, где тоннель выходил в заграничную (и, как вы уже убедились в одной из предыдущих глав, коварную) башню, путь им преградил непонятого происхождения огромный валун, который, несмотря на все усилия, им не удалось сдвинуть с места.

— Ну что? — сказал Роберт. — Ваши душеньки довольны?

— У каждой палки два конца, — мягко произнес Феникс. — Даже если эта палка называется потайным ходом.

Детям не оставалось ничего иного, как развернуться и пойти назад причем Роберт, в наказание за то, что начал дурацкие разговоры о костях, был принужден идти впереди со свечой в руках. Сирил замыкал шествие с ковром на спине.

— Из-за тебя я теперь не могу выбросить эти ужасные кости из головы! — пожаловалась Джейн Роберту, когда они прошли с десятков метров.

— Дурочка, они же там у тебя с самого рож деня! Причем у тебя их там гораздо больше, чем мозгов, — утешил ее заботливый братец.

Тоннель оказался на редкость длинным и исполненным всяческих арок, ступеней, поворотов и темных закутков, мимо которых девочки наотрез отказывались проходить. Закончился он длинной, уводившей куда-то вверх лестницей. Роберт смело зашагал по ступеням.

Внезапно он резво отпрыгнул назад, попутно наступив на ногу следовавшей за ним Джейн. Все в один голос закричали:

— Ой! Что там такое?!

— Да ничего! — сказал Роберт, издав несколько театральных стонов. — Просто я едва не расплющил себе голову, а так все в порядке. Не переживайте, я ведь только и мечтал об этом. Проклятая лестница упирается прямо в потолок, а потолок-то каменный! Ну скажите, разве можно заставлять человека совершать добрые и милосердные дела в подземельях, где лестницы упрутся прямо в потолок?

— Вообще-то, лестницы очень редко строятся для того, чтобы о них разбивали себе лбы всевозможные достойные юноши, — сказал Феникс. — Там должен быть лаз. Нужно просто навалиться посильнее.

— Спасибо, я уже попробовал! — обиженно ответил Роберт, все еще потирая ушибленное место.

В следующий момент Сирил проскочил мимо него и изо всех сил навалился на каменное перекрытие. Естественно, массивный камень и не думал подаваться.

— Если это и впрямь люк, то... — пробормотал Сирил и принялся шарить по камню руками. — Ура, я нашел задвижку! Вот только уф-ф!.. она не двигается.

По счастливой (и по сей день непроясненной) случайности в кармане у Сирила нашлась масленка от папиного велосипеда. Он положил ковер у подножия лестницы, а сам улегся на верхнюю ступеньку и, упершись ногами в своих юных родственников, принялся смазывать задвижку до тех пор, пока здоровенные куски ржавчины, обильно смоченные маслом, не стали падать ему на лицо. Один кусок даже угодил ему в рот, который, по причине немалого напряжения, с каким ему удавалось удерживаться в столь неудобной позе, был широко открыт. Тогда он еще раз подергал задвижку, но она по-прежнему оставалась непоколебимой. Сдаваться Сирил не собирался. Он прикрепил к ручке задвижки свой носовой платок (тот самый, который утром изрядно полакомился горячим жиром и желатином), а к нему привязал платок Роберта. Тут-то ему и пригодилось умение завязывать морские узлы — настоящие морские узлы, которые, сколько их не тяни, не развязываются, а только становятся туже. Да, морские узлы — это вам не какие-нибудь детсадовские «бантики», которые развязываются, стоит вам неосторожно кашлянуть. Так вот, после того, как Сирил связал платки замечательным морским узлом, они с Робертом вцепились во вновь образовавшийся канат (по-морскому, кажется, «конец») и принялись изо всех сил тянуть. Девочки, обняв своих братьев за пояс, последовали их примеру, и вдруг, когда уже близок был момент отчаяния, коварная задвижка подалась, и четверо канатоборцев полетели вниз по лестнице, едва не задавив по дороге Феникса, который спасся только тем, что поднялся в воздух, едва лишь дети как следует подналегли на платки.

Никто особо не пострадал, ибо лежавший внизу ковер затормозил падение. На этот раз усилия мальчиков увенчались успехом — они почувствовали, как каменная крышка люка шевелится под напором их могучих плеч. На — конец она подалась, и сверху на головы детей обрушилась волна серой пыли.

— А теперь, — закричал Роберт, забывая о своей головной боли, — навалимся все вместе! Раз, два, три!

Дверца потихоньку пошла вверх, поскрипы вая заржавелыми петлями. Над головами у детей начал вырисовываться правильный овал ослепительно яркого солнечного света. И вдруг дверца совершенно свободно откинулась назад и замерла в стоячем положении, по всей видимости наткнувшись на какую-то невидимую снизу опору. Один за другим дети быстро выбрались наружу. Они очутились в маленьком домике с мощенным булыжником полом. Там было настолько тесно, что, дождавшись, когда из зияющих недр подземелья вынырнул Феникс, они тут же захлопнули каменную дверцу, бесследно, как и подобает настоящему потайному люку, скрывшему под собой всякое напоминание о тоннеле.

Пожалуй, если я попытаюсь описать вам, насколько грязны и чумазы были наши искатели приключений, вы мне просто не поверите.

К счастью, единственными, кто мог их видеть в тот момент, были они сами. Крохотный домик в котором они вылупились из подземной норы, оказался деревенской часовенкой, притулившейся на краю дороги, что вилась по желтым осенним полям в направлении заграничной башни. Повсюду простирались сады и пашни, но первые были пусты и неухожены, а вторые — изрыты глубокими коричневыми морщинами. Немного поодаль виднелось несколько маленьких хижин, окруженных рошицами

фруктовых деревьев. Часовня же представляла собой нечто вроде навеса без передней стены — как сказал Феникс, это было место, где утомленный прохожий мог остановиться на привал и поразмыслить о спасении своей души. На внутренней стене можно было разглядеть фигурку святого, которая некогда сияла на солнце всеми цветами радуги, а ныне, изрядно настрадавшись от времени и непогоды, потемнела, облупилась и сильно напоминала привидение. Имевшаяся под ней надпись гласила: "St. Jean de Luz. Prenz pour nous (Святой Жан де Люс, молись о нас! — фр.)". Это было довольно печальное место, очень пустынное и заброшенное, но Антея подумала, что, как бы там ни было, одинокому страннику наверняка было бы приятно оказаться здесь, вдали от суеты и треволнения внешнего мира, и провести несколько спокойных минут в раздумьях о спасении своей души. Мысль о святом Жане де Люсе, который в свое время, без сомнения, был очень добр и милосерден, снова заставила Антею из всех сил возжелать добрых и милосердных дел.

— Ты не знаешь, — обратилась она к Фениксу, — что это за доброе и милосердное дело, из-за которого ковер перенес нас сюда?

— Насколько я понимаю, — сказал Сирил, — нам следует найти владельца спрятанного сокровища и рассказать ему о нем.

— И что же, взять и отдать ему все до последнего? — изумилась Джейн.

— Конечно — Но вот только кто же этот самый владелец?

— На вашем месте я бы зашел в первый попавшийся дом и выяснил, кто является владельцем заброшенного замка, — посоветовала золотая птица.

Эта идея всем пришлась по душе.

Очистившись, насколько это было возможно, от пыли и грязи, они зашагали по дороге. Вскоре им повстречался крошечный родничок, пробивавшийся из склона холма и стекавший в грубо отесанную каменную выемку, окруженную до такой степени пыльными зарослями л.истобикэ, что их с большим трудом можно было назвать зелеными. Здесь дети начисто отмыли себе лица и ладони, вытерев их носовыми платками, которые, как всегда в таких случаях, показались им чересчур маленькими. Что же до Роберта с Сирилом, то их платки едва было не вернули их в прежнее допымы-вочное состояние. Однако, несмотря на эти маленькие казусы, вся компания стала выглядеть гораздо чище, чем до того.

«Первым попавшимся домом» суждено было стать небольшому белому коттеджу с зелеными ставнями и красной черепичной крышей. Вокруг дома был разбит маленький, но очень аккуратненький садик, а сквозь него к дому была проложена прямая, как стрела, дорожка, по обеим сторонам которой стояли огромные каменные вазы для цветов — вот только никаких цветов в это время года уже давно не было.

С одной стороны к дому примыкала широкая веранда с деревянными подпорками и ре шетчатыми панелями, плотно занавешанными ковром из виноградных лоз. Она была гораздо шире, чем наши английские веранды, и Антее вдруг подумалось о том, какое неизбывное очарование таила она в себе, когда меж изумрудных листьев винограда выглядывали налитые золотом грозди. Теперь же ее обвивали одни бурые стебли да желтые побеги с несколькими случайно застрявшими в них сморщенными листьями.

Дети подошли к парадному входу. Крыльцо венчала узкая зеленая дверь с выступавшей наружу ручкой дверного звонка. Грубая проволока напрямую связывала ручку с вопиющей ржавости колокольчиком, безвольно свисавшим из-под крыши. Сирил решительно позвонил, и не успело еще у них над головами замереть картонное звяканье, каким подозрительная конструкция возвестила о приходе гостей, как всех одновременно посетила одна и та же ужасная мысль. Сирил решился высказать ее вслух.

— Вот черт! — ругнулся он. — Мы же не знаем ни слова по-французски!

Как раз в этот момент дверь отворилась и на пороге возникла очень высокая и худая Женщина с редкими локонами, по цвету напоминавшими бледно-коричневую бумагу или дубовую стружку. Она была одета в отвратительного мышинового цвета платье и подпоясана белым шелковым фартуком. Глаза у нее были маленькие, серые и совсем-совсем некрасивые. Вдобавок, они были окружены красными ободками, какие имеют обыкновение возникать у людей, которые недавно плакали.

Она обратилась к детям на языке, который они безошибочно определили как иностранный. Ее быстрая фраза заканчивалась чем-то весьма напоминавшим вопрос. Естественно, никто даже и не попытался ответить на него.

— Что она говорит? — сказал Роберт, беспокойно заглядывая за отворот своей норфолк-ской куртки, где в данный момент гнезился Феникс. Но прежде, чем Феникс успел ответить, бледно-коричневая женщина всплеснула руками, и ее лицо осветилось самой очаровательной улыбкой, какую детям только доводилось видеть в жизни.

— Так вы... Так вы пр-р-р-р-рибыли из Англии! — воскликнула она. — Я люблю Англию сильно так! *Mais entrez — entrez donc tous (Но заходите же — заходите все — фр.)*. То есть, я имела сказать, заходите же — все-все заходите. Только не забудьте ноги о ковер вытирать.

И она указала на дверной коврик.

— Мы только хотели спросить...

— Я отвечу вам все, что вы желаете спросить, — сказала леди. — Заходите только! Делать было нечего — дети прошли в дом, тщательно вытерев ноги о половичок и надежно запрятав свой бесценный ковер в самом дальнем углу веранды.

— Самые счастливые дни в моей жизни, — говорила леди, закрывая за ними дверь, — имели место быть в Англии. С тех пор утекло немало лет, но я английской речи не слыхала больше. О, ваши голоса чудесные отвергают в прошлое меня!

Столь сердечный прием немного ошеломил детей, и особенно мальчиков, которые, взглянув сначала на изумительной чистоты красно-белый паркет холла, а потом — на натертые до солнечного блеска доски гостиной, вдруг почувствовали, что ботинки у них на ногах стали вдвое больше и тяжелее.

В камине очень ярко, очень весело и очень микроскопично полыхал деревянный домик, аккуратно сложенный из крохотных поленьев непонятной природы. Вдоль окленных выцветшими обоями стен были развешаны портреты каких-то замшелых леди и джентльменов в овальных рамах. На каминной доске наличествовали призрачные серебряные подсвечники. Посреди комнаты стоял утонченный до степени полного исчезновения стол, окруженный такими же полупрозрачными креслами.

Словом, помещение было на редкость пустоватым, но, как это часто бывает в иностранных домах, эта пустоватость воспринималась чуть ли не как предмет роскоши.

К столу было придвинуто столь ненадежного вида кресло, что даже его высокая спинка не внушала уверенности в безопасности установленного на нем табурета, на котором, в свою очередь, был кое-как пристроен вызывающе иностранного вида младенец. Так вот, на этом младенце был черный бархатный кам-зольчик и плоеный кружевной воротничок — из тех, что Роберт не решился бы одеть под страхом немедленной и жестокой смерти. Хотя, с другой стороны, Роберт этому мальчишке, наверное, в отцы годился.

— Ох, ну и красотища! — воскликнули дети в один голос.

К сожалению, я вынуждена заметить, что они имели в виду вовсе не французского младенца с его короткими бархатными штанишками и идентичного вида волосами. Они имели в виду маленькую, скорее даже малюсенькую, рождественскую елочку — это ярко-зеленое чудо стояло в ярко-красном цветочном горшке и было сплошь увешано ярко-разноцветными игрушками, по большей части вырезанными из фольги и папиросной бумаги. Имелись на ней и свечки, больше похожие на спички, но они еще не горели.

— О, да! Правда, она жантильная? Чудесная, то есть? — сказала леди. — А теперь садитесь, и мы ее воспалим.

Дети уселись рядом у стены, ерзя в неудобных креслицах, а хозяйка взяла длинный и тонкий вощеный фитиль, запалила его от камина, задернула шторы на окнах и принялась одну за другой зажигать рождественские свечи. Когда вспыхнула последняя свеча, маленький французский мальчик внезапно закричал: "Bravo, ma tante! Oh, que c'est genteel! (*Браво, тетя! О, как красиво! — фр.*)", и английские дети, уловив общий смысл фразы, бурно поддержали его старым добрым «Ура!».

А затем, после непродолжительной возни за отворотом Робертового «Норфолка», в комнате появился блистательный Феникс. Он расправил свои золотые крылья, перемахнул на верхушку рождественской елки и гордо уселся там.

— Аи! Ловите его же! — закричала хозяйка. — Он обожжет себя — ваш жантильный паппа-гайчик!

— Не обожжет, — сказал Роберт. — Уверяю вас. Маленький французский мальчик радостно захлопал в свои чистенькие и аккуратненькие ладошки, но добрая леди так беспокоилась за Феникса, что тот в конце концов перепорхнул с елки на стол и принялся важно расхаживать по его полированной ореховой столешнице.

— Он, конечно, говорит? — спросила хозяйка.

— Parfaitement, madame! (*Конечно, мадам! — фр.*) — отвечал ей Феникс на изысканном французском.

— О, мой миленький паппагайчик! — сказала добрая леди. — А что еще говорить может он?

На этот раз Феникс обратился к ней на совершенном английском языке. Вот что он сказал:

— Почему вы так печальны накануне светлого Рождества?

Дети уставились на него со смешанным чувством ужаса и удивления, ибо даже Джейн, будучи самой младшей и несмышленной из них, твердо усвоила то правило, что ни в коем случае нельзя спрашивать у незнакомых людей, зачем и отчего они недавно плакали. Естественно, это правило сработало и на этот раз — добрая леди немедленно разразилась целым потоком слез. Еще она назвала Феникса «бессердечной птицей» и никак не могла найти свой платок, так что Антее пришлось предложить ей свой, а ведь он, как вы помните, был не совсем пригоден для этой цели по причине недавнего омовения. Антея об этом тоже прекрасно помнила, а потому обняла хозяйку и принялась утешать ее, как могла. Это и впрямь помогло больше, чем платок, и вскоре добрая леди прекратила плакать, нашла свой собственный носовой платок, и, осушив им свои слезы, назвала Антею «милой ангелом».

— Мне ужасно жаль, что мы пришли в такой неподходящий момент, — сказала Антея. — На самом деле, нам только хотелось узнать, кому принадлежит замок на холме.

— О, мой маленький ангел, — отвечала бедная леди, прижимая платок к покрасневшему носу. — Вот уже многие сотни лет нам, нашей семье, замок принадлежал этот. Он и сейчас наш. Но завтра мне, наверное, продать придется его чужим незнакомцам, и мой маленький Анри-несмышленьш так никогда родовые земли получит не. А что делать? Его отец — а мне, стало быть, брат — мсье маркиз промотал деньги свои целиком все, и, как бы мне не хотелось сохранить в тайне это, мой папа... он тоже...

— А что бы изменилось, если бы вы вдруг нашли сокровище? Сотни сотен, тысячи тысяч золотых монет?! — взволнованно спросил Сирил.

Добрая леди печально улыбнулась.

— А! Вы, значит, слышали уже легенду эту старую? — сказала она. — Так и есть, люди говорят, что давным-давно, в древние времена один из наших предков зарыл в замке сокровище — золота количество огромное! Конечно, его хватило бы с лихвой, чтобы на жизнь всю оставшуюся обеспечить моего маленького Анри, но — увы! — это лишь всего блажь...

— Она имеет в виду благочестивые домыслы, — прошептал Феникс. — Расскажите ей о сокровище!

Роберт принялся изо всех сил расписывать их приключения в подземелье, а Антея с Джейн тем временем покрепче обняли добрую леди, опасаясь, как бы она от радости не упала в обморок, как это часто происходит со взрослыми людьми в книжках, и нужно сказать, что их забота и желание помочь были абсолютно искренними.

— Бесполезно объяснять, как мы попали туда, да и незачем, — сказал Роберт, закончив свою повесть. — Боюсь, вам трудно будет понять и гораздо труднее поверить в это. Но мы с удовольствием покажем вам, где хранится золото, и, уж конечно, поможем вытащить его оттуда.

Рассеянно освободившись от объятий девочек, добрая леди с сомнением посмотрела на Роберта.

— Он ничего не выдумывает! — заверила ее Антея. — Все, что он говорит, святая, истинная и неукоснительная правда! Мы так рады за вас.

— Вы ведь не издеваетесь над женщиной пожилой? — робко спросила она. — Вы ведь не такие? И ведь это не сон?

— Не сон и не обман, а все как есть правда, — сказал Сирил. — И я от всего сердца поздравляю вас.

Его суховато-вежливый тон возымел на добрую леди гораздо больший эффект чем молитвенные заклинания остальных.

— Ну, если это не сон и не обман, — сказала она, — то Анри немедленно к Манон отправится, а вы отправитесь со мной к мсье святому отцу. Нет, да?

Манон оказалась усохшей пожилой женщиной с повязанным вокруг головы желто-красным платком. Она взяла на руки Анри, который уже засыпал на ходу от всех пережитых в этот волшебный вечер волнений, и удалилась. А добрая леди надела облегающий черный плащ, восхитительную черную шляпку, пару деревянных башмачков поверх черных кашемировых носков, и вся компания зашагала вниз по дороге к еще одному крохотному беленькому домику, в котором проживал престарелый деревенский священник. Этот добрейшей души человек приветствовал их с такой сердечностью, что они даже и не заподозрили, насколько он был удивлен.

Тетушка маленького Анри изложила ему все происшедшее в истинно французском стиле — то есть, безумно размахивая руками, конвульсивно передергивая плечами и, конечно, выражаясь на родном языке. Выслушав ее, снятой отец, который отчего-то не владел английским, зеркально повторил только что исполненную пантомиму и тоже наговорил много чего непонятного.

— Он полагает, — прошептал Феникс, — что жизненные невзгоды помutilили ее рассудок Жаль, что никто из вас не говорит по-французски!

— Я много чего знаю по-французски! — негодуяще возразил Роберт. — Да только это все, в основном, про «карандаши сына садовника» и «перочинные ножи племянницы пекаря», а они, как назло, ни о чем таком не хотят говорить.

— Если я заговорю, — прошептала золотая птица, — он подумает, что тоже свихнулся.

— Давай я скажу. Но только что?

— Скажи так: "C'est vrai, monsieur. Venez donc voir! (Это правда, мсье. Идемте с нами! — фр.)", — ответил Феникс, и в следующее мгновение Роберт снискал себе неувядающую славу среди остальных детей, громко и отчетливо проговорив:

— Все вре, мусью. Вени тонкуя. Обрадовавшийся было святой отец сильно расстроился, когда обнаружилось, что знание Робертом французского языка ограничивается этими двумя фразами. Однако теперь у него не оставалось никаких сомнений в том, что пожилая леди была не единственной сумасшедшей в деревне, а потому, решив, что было бы крайне опасно оставлять без присмотра сразу пятерых маньяков, он нахлобучил на голову бобровую шапку, вытащил из чулана лопату и, прихватив с собой пару свечей, зашагал с остальными к часовне святого Жана де Люса.

— Я пойду первым, — сказал Роберт, когда они добрались до места, — и покажу вам, где лежит золото.

Воспользовавшись лопатой, они открыли каменный люк, и Роберт запрыгал вниз по каменной лестнице. Остальные последовали за ним и, естественно, нашли

сокровище там, где оно и хранилось несколько последних веков. Нужно сказать, что в этот момент щеки детей окрасились румянцем гордости за столь удачно проделанное ими доброе дело.

А пожилая леди вкупе со священником схватили друг друга за руки и принялись плакать от радости, как это принято у французов, а потом опустили на колени и стали перебирать золото руками, без умолку лопоча нечто невразумительное. Потом добрая леди по три раза обняла каждого из детей и бесчисленное количество раз назвала их «своими ангелами — хамителями», а еще потом леди со священником снова сплелись руками и принялись болтать. Они говорили так быстро, так взволнованно и так по-французски, что дети просто не знали куда деться от радости и умиления.

— А теперь нам *следует* уйти, — мягко прозвучал голос Феникса, прерывая этот золотой сон.

Дети потихоньку выбрались из подземелья и вышли из часовни, а вдрызг счастливые леди со священником были настолько заняты перемежающимися плачем разговорами, что и не заметили, что их «ангелов-хамителей» больше нет с ними.

Между тем, ангелы-хранители сбежали с холма, добрались до маленького домика пожилой французской леди, развернули на веранде свой верный ковер и, усевшись на него, коротко и ясно пожелали: «Домой!» Никто не видел, как они растворились в воздухе, — никто, кроме маленького Анри, который в тот момент сидел, расплющив нос об оконное стекло и созерцая проистекавшую на улице жизнь, но когда он рассказал об этом своей тетушке, она, конечно же, решила, что все это ему просто приснилось. Так что с этим было все в порядке.

— Это самое лучшее, что мы сделали в своей жизни, — сказала Антея, когда они сидели за чаем. — Отныне мы будем совершать одни только добрые дела, и ковер нам в этом поможет.

— Гм! — сказал Феникс.

— Что ты сказал? — спросила Антея.

— О нет, ничего! — поспешно ответила золотая птица. — Это я так, размышляю *про себя*.

Глава VII

ПЕРСИДСКИЕ КОШКИ

Если вы узнаете, что в один прекрасный день четверо детей оказались одинокими на перроне вокзала Ватерлоо и что никто не пришел их встречать, вы, скорее всего, составите себе нелицеприятное мнение об их родителях. И будете совершенно неправы. У них были самые добрые и любящие родители в мире, и, конечно же, они самым тщательным образом позаботились о том, чтобы тетушка Эмили встретила детей на Ватерлоо, когда они будут возвращаться с рождественских каникул из Линдхерста. Было оговорено, каким поездом они приедут, и оставалось только уточнить дату. За день до отъезда наших четверых приятелей из Руфус-Стоуна мама написала тетушке Эмми письмо, в котором подробно изложила все, что касалось даты и часа прибытия, а также вагона, багажа и прочих мелочей. Письмо это она вручила Роберту и велела быстренько отнести на почту. Но надо же было так случиться, что в то утро поблизости от Руфус-Стоуна проходила выставка охотничьих собак, и по дороге на нее эти самые собаки повстречали Роберта, а Роберт повстречал их — и в результате напрочь забыл как о злосчастном письме, так и о том, что он вообще куда-то собирался ехать. Он вспомнил обо всем этом, лишь когда они в пятнадцать раз измеряли шагами длину вокзального перрона, попутно натыкаясь на пожилых джентльменов, заглядывая в лица пожилым леди и получая тычки от спешащих мимо людей вкуче со свирепыми окриками типа «Прочь, мелюзга!» от груженых чемоданами носильщиков. То есть, когда у всех четверых уже не оставалось ни малейшего сомнения в том, что тетушки Эмили на вокзале нет.

Так вот, когда Роберта наконец озарило, что вчера утром он забыл сделать одну кардинально важную вещь и что последствия его забывчивости могут быть поистине фатальными, он сказал: «О, черт!» и застыл, как вкопанный, посреди перрона, чем немедленно и воспользовался здоровенный носильщик с пятью тяжеленными гладстоновскими чемоданами в каждой руке и огромным ворохом зонтов под мышкой, врезавшийся в него со всего своего молодецкого размаха. Роберт был настолько оглушен сознанием своей вины и болью в коленке, которую едва не размозжил один из «гладсто-нов», что позволил негодяю безнаказанно удалиться, даже не прокричав ему в догонку обычного «Куда лезешь?» или «Разуй глаза!»

Когда остальные узнали, в чем было дело, они немедленно высказали Роберту все, что о нем думали, и, вынуждена признать, сделали это не в самых лестных выражениях

— Нужно поехать в Кройдон и найти тетушку Эмму, — предложила Антея — Заодно и на трамвае покатаемся.

— Ну да! — урезонил ее Сирил. — Представляю, как обрадуются эти надутые Джевонсы, когда увидят нас со всем нашим барахлом.

Тетушка Эмма, нужно заметить, проживала с некой супружеской четой по имени Джевонсы, и эти самые Джевонсы были очень строгими людьми — то есть пожилыми, обожающими всякие концерты да распродажи и ни на дух не переносящими детей.

— Вот уж мама точно обрадуется, если мы вернемся к ней, — заявила Джейн.

— Она-то обрадуется, да только никогда нам этого не покажет, потому что ей нужно будет наказать нас за идиотскую выходку Роберта с письмом, — сказал Сирил. — Уж я-то понимаю в таких вещах. Да и денег у нас маловато. Пожалуй, если поскрести по карманам, то на «четырёхколесник» наберется (Сирил имел в виду четырёхколесный кэб, который, в отличие от двухколесного, никто и никогда не называет «кэбом»), но на билеты до Нью-Фореста никак не хватит. Нам нужно просто поехать домой. Мама не будет слишком сердиться, если узнает, что мы так или иначе попали домой. К тому же, от тетушки Эммы ведь только это и требовалось.

— И все-таки нам лучше не дурить и поехать в Кройдон, — настаивала Антея.

— Да нет же! — сказал Роберт. — Готов поспорить, что тетушки Эмили нет дома. Эти Джевонсы каждый вечер таскаются по театрам, вот и она наверняка с ними увязалась. К тому же, дома нас ждет Феникс — *а ковер!* Я за то, чтобы взять «четырёхколесник».

В результате дети кликнули «четырёхколесник» (судя по тому, что пол экипажа был устлан соломой, им достался самый старомодный «четырёхколесник» в городе), и Антея попросила кэбмена со всей возможной осторожностью доставить их домой. Кэбмен выполнил приказ не только с осторожностью, но и с большим удовольствием, ибо Сирилу пришлось отдать за это золотой соверен, который папа подарил ему на Рождество. Это порядочно испортило всем настроение, но Сирил не решился спорить о плате за проезд, ибо опасался как бы кэбмен не подумал, что молодой господин не может позволить себе брать «четырёхколесники», когда ему вздумается. Исходя из примерно тех же соображений, он попросил кэбмена не заносить багаж в дом, а оставить на крыльце, и прежде чем позвонить, долго ждал, пока экипаж не скроется за углом.

— Очень не хотелось бы, — объяснил он остальным, берясь за ручку звонка, — чтобы Элиза или кухарка стали *при* нем допрашивать нас, как последних сосунков, почему это мы приехали одни.

С этими словами он позвонил, и в тот самый момент, когда изнутри до детей донеслось звяканье колокольчика, они вдруг обрели нерушимую уверенность в том, что им очень долго придется ждать, пока им откроют. Вы, может быть, замечали, что когда дома никого нет, дверной колокольчик звучит как-то по-особенному. Почему это так, я не берусь объяснить, но это истинная правда.

— Они, наверное, там переодеваются, — Робко предположила Джейн

— Не то время, чтобы переодеваться, — ответила Антея. — Шестой час уже. Скорее всего Элиза ушла на почту, а кухарка где-нибудь развлекается.

Сирил позвонил снова — На этот раз колокольчик не пожалел усилий, чтобы доказать детям, что в доме и впрямь не было ни единой человеческой души. Они позвонили в третий раз, и прикинули ушами к двери. На сердце у каждого было тяжело. Да вы и сами знаете, как не сладко бывает оказаться перед закрытой дверью родного дома, да еще когда ки дворе стоят сырые январские сумерки.

— Что-то света нигде не видать, — пропищала Джейн дрожащим голосом.

— Я понял! Они, как обычно, оставили газ во всех комнатах, сквозняк задул его, и обе идиотки задохнулись насмерть в своих постелях, — радостно сказал Роберт. —

Пана всегда говорил, что этим все и кончится.

— Нужно немедленно позвать полицию! — сказала Антея, похолодев изнутри.

— Ага, и нас так же немедленно арестуют за попытку кражи со взломом. Нет уж, спасибо! — сказал Сирил. — Я вчера слышал, как папа читал в газете про одного молодого человека, который забрался в дом к родной матери — и что же? Его тут же посадили как взломщика.

— Надеюсь, что газ не добрался до Феникса, — сказала Антея. — Когда мы уезжали, он сказал, что некоторое время поживет в шкафу для мочалок — ну, знаете, там, в ванной. Я помню, еще обрадовалась, что его никто ие найдет, — уж там-то слуги *никогда* не прибираются. Но если он зачем-нибудь оттуда вылетел, то наверняка тоже задохнулся...Ой! А ведь и мы задохнемся, как только откроем дверь! Я же говорила вам, что нужно ехать к тетушке Эмме в Кройдон. И почему только вы меня не послушали. Синичка, милый, поехали *сейчас!*

— Заткнись! — коротко ответил ей братец. — Там, внутри, кто-то дергает задвижку.

Секунду-другую все напряженно прислушивались к доносившимся изнутри звукам, а потом проворно отступили так далеко, насколько это позволяли ступеньки крыльца.

Задвижка и впрямь дергалась и очень неприятно позвякивала. Потом ей это надоело, и она утихомирилась, зато явственно приподнялся щиток, закрывавший прорезь почтового ящика. В призрачном свете уличного фонаря, исчерченном голыми ветками стоявшей у ворот липы, дети увидели, как в прорези показался, заговорщицки подмигнул и тут же снова скрылся знакомый золотой глаз. Вместо него показался не менее знакомый золотой клюв, и в тишине раздался осторожный шепот Феникса:

— Вы одни?

— Да это же Феникс! — одновременно прошептали дети с такой радостью и таким облегчением, что их шепот едва не сорвался на крик.

— Тс-с! — сказал голос из почтового ящика. — Ваши рабы отправились как следует повеселиться. Задвижка на двери слишком тугая для моего клюва. Обойдите дом сбоку — там есть незапертое окно. Не знаю, как называется эта комната, но там еще есть такая полка, где вы храните хлеб.

Понятно! — воскликнул Сирил.

— Милый Феникс, — добавила Антея, — я бы очень хотела, чтобы ты нас там встретил.

И дети принялись крадучись пробираться к окну кладовой. Окно было расположено на боковой стене здания в проходе, заблокированном большой зеленой калиткой, на которой имелась охранительная надпись «Служебный вход» и которая, сколько дети себя помнили, была всегда закрыта на замок. Однако, если встать одной ногой на ограду, отделяющую ваше крыльцо от крыльца соседей, а другой — на перекладину калитки, то не успеете вы разобраться что к чему, как уже оказываетесь по другую ое сторону. По крайней мере, именно такое впечатление сложилось у Сирила с Робертом — а если говорить правду, то почти то же самое испытали и Джейн с Антеей. Одним словом, не прошло и минуты, как дети оказались в узком проходе

между двумя соседними домами.

Роберт согнулся пополам, а Сирил взобрался ему на спину, подтянулся и оперся своим затянутым в бриджи коленом о бетонный подоконник. Затем он рванулся и бросился головой вперед в окно, как опытный ныряльщик бросается в воду с высокой кручи. На мгновение его ноги застыли в воздухе, как у того же ныряльщика, завязшего в иле по причине мелководья, а затем стали постепенно втягиваться внутрь. Потом в оконном проеме прощально мелькнули квадратные и весьма прилично заляпанные грязью подошвы его ботинок, и он исчез целиком.

— Подержите мне ногу, — сказал Роберт. — Я иду за ним.

— Ну уж нет, — твердо заявила Джейн. — Я не собираюсь оставаться на улице с Антейей. Да еще в такой поздний час. А ну как сейчас что-нибудь выползет из темноты и набросится на нас? погоди, Сирил скоро откроет нам заднюю дверь.

Между тем в окне кладовой загорелся свет. Сирил потом клялся и божился, что газ зажег Феникс — — повернул краник клювом и высек искру одним взмахом крыла, — но остальные были склонны полагать, что это сделал он сам, повернув краник рукой и добыв огонь при помощи прозаических спичек, а потом под влиянием момента начисто забыл обо всем. Так или иначе, но через минуту Сирил уже открывал заднюю дверь. Когда же она снова была заперта на все замки и задвижки, дети методично обошли весь дом и запалили все газовые рожки, какие только сумели найти. Их почему — то никак не могла покинуть уверенность в том, что именно в такой вот темный и промозглый зимний вечер нужно в любой момент ожидать появления взломщика. А, как известно, ничто так не помогает перебороть страх перед взломщиками (и, кстати, перед многим другим), как яркий свет газовых рожков.

Когда же с этим приятным занятием было покончено, дети окончательно убедились в том, что Феникс не ошибался насчет Элизы с кухаркой и что в доме действительно не было никого, кроме четверых детей, Феникса, ковра и неисчислимого полчища черных тараканов, проживавших в шкафах, что стояли в детской по обеим сторонам камина. Тараканы, между прочим, сильно обрадовались тому, что дети наконец вернулись домой. Радость их неизмеримо возросла, когда Антея затопила камин, но, как обычно, на все их отчаянные попытки познакомиться дети отвечали холодным презрением. Интересно, доводилось ли вам когда-нибудь разводить огонь в камине? Я говорю не о том, чтобы зажечь спичку и поднести ее к бумаге, когда все уже приготовлено другими, — нет, случалось ли вам сложить уголь и растопку по всем правилам, а уж потом забавляться со спичками? Если не случалось, то я сейчас расскажу вам, как это делала Антея, и потом, когда вас по какой-нибудь причине заставят срочно протопить камин, вам останется только вспомнить приведенные ниже строки. Сначала она выгребла из поддувала всю золу, которая накопилась там за последнюю неде-Д10 — ленивая Элиза вечно не успевала делать этого, хотя у нее было достаточно времени. При этом Антея сбила до крови костяшки на правой руке. Затем она любовно отобрала из кучи золы самые большие и красивые угольки и положила их на дно решетки. Затем она взяла большой кусок старой газеты (для растопки камина ни в коем случае нельзя пользоваться свежими газетами — они плохо горят, да и родители почему-то всегда протестуют против этого) и разорвала его на

четыре равные части. Каждую из этих частей она скатала в неплотные шарики и положила на угольки. Затем она взяла охапку дров и содрала с одного полешка кору. В эту кору она воткнула щепочки и уложила получившегося обоюдоко-лючего ежа на бумагу, сверху накрыв дровами, так что одни концы щепочек упирались в бумагу, а другие — в поленья. При этом она слегка порезала палец и от ее инстинктивного рывка пара щепочек вылетела из камина и едва не вышибла ей оба глаза. Затем она обложила всю эту живописную конструкцию отборными кусками угля, особенно следя за тем, чтобы вместе с ними не попало ни крошки угольной пыли. Последнее ей в полной мере удалось — вся угольная пыль осела у нее на руках и лице. Затем она подожгла бумажные шарики и, дождавшись, когда из камина донесется приятное потрескивание занимавшихся поленьев, пошла умываться под кухонным краном. Замечу сразу, что умываться ей пришлось долго и тщательно

Конечно, вам вовсе не обязательно сбивать до крови костяшки на руках, обрезать пальцы и перемазываться с ног до головы антрацитовый пылью, но в остальном это вполне подходящий способ разводить камин в зимние лондонские вечера. В деревне камин разводится совсем по другому, и делается это гораздо интереснее, но, с другой стороны, там гораздо труднее вымыться под кухонным краном ввиду полного отсутствия такового.

Пока Антея увеселяла бедных малюток-тараканов, устраивая им светлую жизнь, Джейн была занята таким нелегким и хлопотливым делом, как накрывание на стол. Время чая давно миновало, и потому у нее вышло нечто среднее между завтраком на траве и праздничным обедом. Хотя и без чая не обошлось — разведенный Антеей огонь так весело и соблазнительно потрескивал в камине, что чайник, казалось, совершенно самостоятельно выпрыгнул из кухни и устроился посреди его ласковых язычков. Вскоре чай был готов, но детям не удалось найти ни капли молока, так что взамен им пришлось удовольствоваться четыремя лишними кусками сахара на каждого. Что же касается закусок, то тут, напротив, царил невиданный изобилие. Мальчики произвели самое тщательное расследование и обнаружили в кладовой порядочный кусок холодного языка, здоровенный ломоть хлеба, несметное количество масла с сыром, а также половинку отличнейшего пудинга — такого пудинга можно отведать только тогда, когда слуги считают, что вас нет дома. А в кухонном шкафу выявился кусок рождественского торта, банка земляничного джема и около фунта засахаренной фруктовой смеси с кусочками рассыпчатого мармелада, затаившимися внутри каждой лимонной, апельсиновой и мандариновой дольки.

Одним словом, получился, как удачно выразилась Джейн, «самый настоящий арабский банкет».

Феникс примостился на спинке робертова стула и с подчеркнутым вниманием выслушал все, что дети могли рассказать ему о своем визите в Линдхерст. Дети же, в свою очередь, с подчеркнутым безразличием (но изо всех сил) наглаживали ногами ковер, до которого, к счастью, могла дотянуться, не падая при этом со стула, даже коротконогая Джейн.

— Можете не ждать сегодня своих рабов, — сказал Феникс, когда дети закончили свой рассказ (и едва не протерли ковер до дыр). — Они нашли себе приют у тетки

кухаркиной мачехи, которая, как я понял, сегодня устраивает вечеринку в честь девяностолетнего юбилея матушки двоюродной сестры кузена ее мужа.

— Сдается мне, что сколько бы там всяческих престарелых родственников у них ни было, они все равно не имели права оставлять дом на ночь без разрешения, — сказала Антея. — Ну да ладно, нам нужно вымыть посуду.

— Вообще-то, мне все равно, отпросились они или нет, — твердо заявил Сирил, — но вот мыть за них посуду я не буду, хоть убейте! Конечно, мы ее соберем и отнесем на кухню — но и только. Потом я предлагаю отправиться куда-нибудь на ковре. Не часто у нас выпадает случай вырваться из дому на всю ночь. Мы могли бы прямо сейчас полететь на ту сторону экватора и.. как это?., понежиться посреди буйной тропической растительности и полюбоваться восходом солнца над великим Тихим океаном.

— Точно! — подхватил Роберт, — Я всегда хотел увидеть собственными глазами Южный Крест и тропические звезды — они там величиной с кулак, между прочим.

— Только не это! — очень решительно сказала Антея. — Я так не могу. Я просто уверена, что мама никогда бы не позволила нам бросить дом на произвол судьбы, а одна я здесь оставаться не намерена.

— Я останусь с тобой, — сказала самоотверженная Джейн.

— Не сомневаюсь в этом, — поблагодарила Антея. — Но, знаешь, даже с тобой мне будет как-то не по себе.

— Ты же знаешь, — обратился Сирил к Антее самым любезным и дружелюбным тоном, на какой только был способен в данную минуту, — что я никогда не буду делать то, что тебе кажется неправильным, но..

Тут он замолчал, но вы же знаете, как много иногда можно сказать молчанием.

— Не понимаю, почему... — начал было Роберт, но Антея прервала его:

— Да нет же, тут все по-другому! Сам знаешь, иногда тебе только кажется, что ты делаешь что-то не то, а иногда ты в этом *уверен*. Так вот, сейчас я в этом уверена.

Феникс ласково посмотрел на нее своими золотыми глазами и с улыбкой произнес:

— Если ты считаешь, что и впрямь уверена, то и делу конец. А твои благородные братья никогда не оставят тебя одну.

— Конечно, нет! — поспешно (пожалуй, слишком поспешно) выпалил Сирил. Роберт заверил Антею в том же самом.

— Лично я всегда готов вам помочь, чем могу, — продолжал Феникс. — А потому я, пожалуй, отправлюсь в этот раз один — неважно, с помощью ковра или моих не менее надежных крыльев — и принесу вам все, чем вы только не пожелаете скрасить сегодняшний вечер. Чтобы не тратить время даром, я полечу, пока вы будете прибираться, — Он немного помедлил, а затем добавил задумчивым тоном: — Кстати, какая разница между «прибираться» и «убираться»? Ведь, насколько я понимаю, это означает примерно одно и то же.

— Что может быть проще? — сказала Антея. — Когда мы *прибираемся*, мы чистим ковер, собираем игрушки, чиним карандаши, повязываем куклам ленточки — словом, делаем кучу полезных вещей. А когда слуги *убираются*, то они делают это на

всю ночь, и в результате нас бывает некому встретить, когда мы приезжаем из Линдхерста.

— По мне, так лучше бы они убрались навсегда, — проворчал Сирил.

— Впрочем, все это одни пустые разговоры, — спохватился Феникс. — Ну же, решайте скорее, что мне вам принести! Имейте в виду, что я могу принести все что угодно.

Естественно, они так ничего и не решили. Предложений было много — деревянная лошадка, позолоченные индийские шахматы, сопламенный им слон, велосипед, автомобиль, книжки с картинками, музыкальные инструменты и масса всего прочего. Но, как выяснилось, любой музыкальный инструмент может по-настоящему заинтересовать только музыканта, да и то, если он еще не научился играть на нем, как следует. Книжки же не располагают к совместным игрищам, а на велосипеде нельзя кататься иначе, как на улице (то же самое касается слонов и автомобилей). Только двое могут одновременно играть одним набором позолоченных шахмат (да и вообще, они скорее напоминают уроки в школе, чем игру), и только один ездок может зараз оседлать деревянную лошадку. В тот момент, когда дискуссия уже готова была перерасти в самую настоящую свару, Феникс вдруг раправил крылья, перелетел на ковер и оттуда обратился к детям со следующими словами;

— Ковер сказал мне, что он не прочь слетать на свою древнюю родину (если вы, конечно, не возражаете) и посетить могилу своего давно покойного родителя — ткацкого станка. Он обещает вернуться через час с грузом восхитительного, нежнейшего и драгоценнейшего товара, которым его родная страна прославилась на весь мир.

— А что это за страна?

— Как раз этого я и не понял. Однако, учитывая то, что время проходит даром, что вы никак не можете придумать что-нибудь толковое и что посуда до сих пор не перебита-то есть, я хотел сказать, не перемыта...

— Понятно! — сказал Роберт. — Я голосую «за». По крайней мере, весь этот базар прекратится. И не забывайте, сюрпризы — это тоже здорово! А вдруг это турецкий ковер? Тогда он вполне может принести нам турецкого чаю. Или турецкого табаку, — откликнулся Сирил.

— Или по турецкой шали, — обрадовалась Антея.

— Или по турецкой бане, — не желала отставать Джейн.

— Ерунда! — заключил Роберт. — Ковер сказал «восхитительного и нежнейшего», а все эти шали и бани (не говоря уже о табаке) можно обозвать как угодно, но только не восхитительными и нежнейшими. Впрочем, о вкусах не спорят. Пускай себе летит. Надеюсь, не смоемся, — добавил он, отодвигая стул и вскакивая на ковер.

— Остановись! — воскликнул Феникс. — Как ты смеешь? Стыдно попирать чувства ближнего своего лишь потому, что он родился ковром!

— Да, но как же он сумеет проделать все это, если на нем не будет кого-нибудь из нас? — спросил Роберт, в глубине души надеясь, что этим «кем-нибудь» непременно окажется он сам. — Кто же будет ему загадывать желания?

Но жестокий Феникс лишил его и этой последней надежды.

— Напишите ваше желание на листке бумаги, — произнес он, — и приколите его булавкой к коврику.

Так что пришлось выдрать из антеевой тетрадки по математике чистый листок и отдать его Сирилу, а Сирилу ничего не оставалось делать, как вывести на нем крупными буквами следующее:

Мы желаем, чтобы ты сейчас же отправился на свою любимую древнюю родину и принес нам побольше того восхитительного, нежнейшего и драгоценнейшего товара, о котором говорил. И, пожалуйста, не задерживайся долго.

Подписали: Сирил Роберт Антея Джейн

Когда он закончил, листочек положили на ковер.

— Написанным вниз, пожалуйста! — сказал Феникс — Ковры не умеют читать записки с обратной стороны. Этим они, кстати, ничем не отличаются от вас.

Листочек перевернули и накрепко пришили к коврику. Когда стол и стулья были (отодвинуты в сторону, ковер немного полежал без движения (очевидно, разбирая по складам корявый сирилов почерк), а потом вдруг взял да испарился — точь-в-точь как лужица воды на раскаленной жаровне. Вот именно, так оно и было — он просто сжимался и сох до тех пор, пока не исчез окончательно.

— Пожалуй, ему понадобится некоторое время для того, чтобы собрать самые нежнейшие и драгоценнейшие экземпляры, — сказал Феникс. — Так что я бы, например, занялся битьем... то есть, мытьем посуды.

Так и порешили. В чайнике еще оставалось немало горячей воды, так что дело пошло быстро. Каждый энергично включился в работу, и даже Феникс не сидел сложа крылья — осторожно просунув свои деликатные коготки в дужки чайных чашек, он поднимал их одну за другой над тазом, опускал в дымящийся кипяток, а затем выставлял на стол, где Антея вытирала их полотенцем. Правда, это получалось у него очень медленно, но никто и словом не посмел его упрекнуть — к тому же, он с самого начала предупредил остальных, что хотя он и не имеет ничего против грязной работы, она все же не совсем соответствует его жизненному предназначению. В конце концов вся посуда до последней ложечки была вымыта, высушена и расставлена на буфетных полках, а чайные и тарелочные полотенца развешаны на веревке над сушилкой (Если вам довелось родиться сыном какого-нибудь герцога, маркиза или, на худой конец, советника министра, то вы, быть может, не имеете ни малейшего понятия о том, в чем заключается разница между чайным и тарелочным полотенцами. Но в таком случае у вас должна быть весьма осведомленная в этом отношении нянечка, которая охотно все вам растолкует, как только вы этого пожелаете! И как раз в тот момент, когда восемь детских ладошек и одна пара птичьих когтей старательно просушивались при помощи торчавшего из угла мойки роликового полотенца, дети услышали некий звук. Звук донесся из-за ближайшей к ним стены — стены, отделявшей, как им было известно, кухню от детской, — и это был самый странный и непонятный из всех звуков, которые детям доводилось слышать за свою жизнь. Во всяком случае, все звуки, которые они

слышали до того, так же слабо напоминали нынешний, как свисток игрушечного паровозика — гудок океанского лайнера.

— Ковер вернулся! — сказал Роберт, хотя всем остальным это было понятно без слов.

— Интересно, что же это такое он с собой привез? — осведомилась Джейн. — По звуку похоже на Левиафана — знаете, это такое огромное чудовище, которое...

— А вдруг его все-таки соткали в Индии, и теперь он принес нам парочку слонов? — перебил ее Сирил. — Даже если это всего лишь слонята, нашей комнате все равно не поздоровится. Предлагаю всем по-очереди заглянуть в замочную скважину.

Они так и сделали, выстроив очередь по старшинству. Фениксу, бывшему на пару-другую тысячелетий старше самого старшего из присутствующих, было разрешено пялиться в скважину, пока не надоеет, но он неожиданно для всех отказался.

— Извините, — произнес он, распушив золотые перья и как-то странно отфыркиваясь, — но всякий раз как я начинаю подглядывать в замочные скважины, у меня почему-то начинают слезиться мои золотые глаза.

Так что первым посмотрел Сирил.

— Там что-то серое шевелится! — сказал он.

— Провалиться мне на этом месте, если это не зоопарк! — воскликнул Роберт, когда настала его очередь. Как бы в подтверждение его слов изнутри хлынула волна непонятных шорохов, шелестов, шепотов, шарканья, щучуканий, шиканий и прочих щипящих звуков.

— А я так ничего не вижу, — заявила Антея. — У меня почему-то глаз дергается.

Подошла очередь Джейн, и она быстро прильнула глазом к крохотному отверстию в стене.

— Это же гигантская кошечка-малюточка! — радостно пролепетала она. — Вон же она, разлеглась по всему ковру!

— Папа говорил, что гигантские кошки называются тиграми.

Вот именно! Гигантские кошки, может, и впрямь зовутся тиграми, но ведь я-то вижу кошечку-малюточку.

— Знаете что? — совершенно справедливо возмутился Феникс. — Не стоит гонять волшебные ковры за нежнейшим и драгоценнейшим товаром, если вы потом даже не осмеливаетесь на него взглянуть!

И Сирил, как самый старший после Феникса, принял всю ответственность на себя.

— Пошли! — сказал он и повернул ручку двери.

Газовые рожки так и не были завернуты после чая, а потому пять пар любопытных глаз, появившихся в дверном проеме, без труда смогли разглядеть всякую незначительную мелочь в детской. Впрочем, не всякую — ковра, например, уж точно не было видно, потому что каждый квадратный дюйм его площади был занят одним из ста девяноста девяти нежнейших и драгоценнейших товаров, которые он приволок на спине со своей любимой родины.

— Ну и ну! — заметил Сирил. — А мне и в голову не приходило, что наш волшебный ковер может быть персидским.

Однако в данный момент в этом не было ни малейшего сомнения, ибо загадочным товаром *О* котором столько уже было переговорено в этот вечер и который теперь, как море, перекатывался от края до края ковра, оказались кошки — самые настоящие серые персы в количестве, как я уже говорила, ста девяноста девяти штук. Конечно, на ковре им было немножко тесновато, и во время полета они изо всех сил прижимались друг к другу, чтобы ненароком не соскользнуть за борт. Но теперь очутившись на полу в детской, они почувствовали себя гораздо увереннее, и стоило только детям появиться на пороге комнаты, как вся эта кошачья банда запрыгала с ковра им навстречу Секунда, другая — и вот уже по детской разлилось шипящее, мяукающее, а то и просто вопящее кошачье море, и чтобы не утонуть в нем дети быстренько попрыгали на стол, подобрав под себя ноги вкупе с полами пиджаков. Через минуту в стену принялись колотить соседи — и не удивительно, ибо кошачьи горлопаны происходили родом из Персии и наверняка учились орать у тамошних муэдзинов.

— Кажется, мы опять нарываемся на неприятности, — сказал Сирил. — С чего бы этим прохвостам так надрываться?

— Полагаю, они голодны, — ответил Феникс. — Если бы вы могли накормить их...

— Да у нас не наберется еды и для двух с половиной этих проглотов! — в отчаянии воскликнула Антея и сбросила со стола запрыгнувшую было туда хищницу. Затем она попробовала утихомирить остальных: — О, милые пушистики, потише пожалуйста! Из-за вас я не слышу собственных мыслей.

Последние слова ей пришлось прокричать, потому что мяуканье становилось уже буквально оглушительным, и следующая фраза Антеи дошла до остальных в наполовину усеченном варианте.

— ...и понадобится целая куча золота, чтобы закупить еды на всю эту ораву.

— Давайте попросим ковер унести их обратно, пока чего не вышло, — предложил Роберт.

— Нет! — в один голос закричали девочки.

— Они же такие мягонькие и пушистенные, — сказала Джейн.

— И еще очень ценные! — поспешила добавить Антея. — Мы можем выручить за них огромное количество денег.

— А почему бы вам не сказать коври, чтобы он принес им еды? — предложил Феникс натужным голосом (в котором явно угадывалась осыпавшаяся позолота), стараясь перекричать музыкальные бесчинства хвостатого персидского хора.

Была нацарапана еще одна записка, извещавшая ковер, что он должен как можно скорее раздобыть еды для ста девяноста девяти персидских кошек и с этой едой как можно скорее вернуться назад. С немалым риском для глаз Сирилу удалось прикрепить листок Оумэги к длинному разноцветному ворсу.

Ковер вновь принялся усыхать, и, почувствовав это, голодные кошки посыпались с него, как дождевые капли с мокрого плаща, отряхиваемого перед входом в дом. Ковер же тем временем усох до невидимости.

Если у вас в доме никогда не проживало сто девяноста девять взрослых персидских кошек и если вы никогда не пробовали, основательно поморив их голодом,

загнать всех в одну мэ — \енькую комнату, вы не сможете даже отдаленно представить себе, какие мучения претерпевали полуоглохшие от несмолкаемого мяуканья дети с Фениксом. Похоже, этим кошкам в свое время было начисто отказано в приличном воспитании. Во всяком случае, они и не подозревали, насколько нехорошо было с их стороны выпрашивать еду в чужом доме, да еще сопровождая это несусветными завываниями. Напротив, они продолжали мяукать, выть, стонать, урчать и даже как будто подлаивать до тех пор, пока дети в отчаянии не заткнули уши пальцами. Они сидели на столе, недоумевая, отчего это *ве* сь Камден-таун до сих пор еще не сбежался к их двери узнавать, кого на сей раз здесь режут на куски. Единственным, что согревало им АушУг была слабая надежда на то, что кошачья еда прибудет раньше, чем разъяренные соседи взломают дверь и сокровенная тайна ковра и Феникса станет достоянием камдента-унских пересудов на долгие и долгие времена. А кошки между тем продолжали как ни в чем не бывало мяукать на своем персидском языке, вздыбливать свои персидские заливки и вилять во все стороны своими персидскими хвостами. Дети с Фениксом отчаянно жались друг к другу на самой середине стола.

И тут Роберт вдруг заметил, что Феникса колотит крупная дрожь.

— Эти невоспитанные кошки, — пробормотала золотая птица, — могут ведь и не знать, что я Феникс. А вы же знаете, как непоправимы бывают такие ошибки. Ох, не по себе мне что-то!

Этой опасности дети не предусмотрели.

— Залезай! — скомандовал Роберт, расстегивая куртку.

Феникс не заставил себя уговаривать и в одно мгновение исчез в недрах робертовой куртки. Это мгновение едва не стало для него последним — ибо зеленые глаза уже давно горели недобрым огнем, розовые носы подозрительно приплюснулись, а белые усы нервно подергивались, — и не успел Роберт как следует застегнуть куртку, как его по пояс скрыла лавина из чистейшей персидской шерсти. Но в следующее мгновение вернулся старый добрый ковер — он со всего размаху шлепнулся на пол и с облегчением вывалил на него свой груз. То были крысы — триста девяносто восемь крыс, по две на каждую кошку.

— Боже, какой ужас! — завопила Антея. — Сейчас же уберите их отсюда!

— Тебе лучше самой поскорее убраться отсюда, — посоветовал ей Феникс. — И меня с собой забрать.

— Ой, лучше бы у нас вообще никогда не было этого противного ковра! — причитала Джейн.

Кое-как они пробились к дверям и после непродолжительной толкотни вывалились в коридор. Дверь тут же была закрыта и заперта на задвижку. Не теряющий присутствия духа Сирил зажег свечу и перекрыл главный кран, подающий газ в дом.

— Нужно же дать крысам хоть один шанс, — объяснил он.

Мяуканье постепенно смолкло. Затаив дыхание, все пятеро напряженно вслушивались в доносящиеся из детской звуки. Каждому из нас известно, что кошки едят крыс — это чуть ли не первое, что мы узнаем из маленьких коричневых книжечек для чтения. Но вряд ли кто-нибудь из нас сможет представить себе, как сто девяносто девять кошек едят триста девяносто восемь крыс (и наоборот).

Внезапно в безмолвном полумраке кухни, без особого успеха разгоняемом огоньком свечи, которая к тому же вот-вот грозила погаснуть ввиду сквозняка, раздалось громкое шмыганье. Роберт шумно втягивал в ноздри воздух.

— Какой необычный запах! — сказал он.

Не успел Роберт договорить, как в кухонное окно ударил яркий свет фонаря. Затем к стеклу вплотную придвинулось чье-то нахмуренное лицо, и чей-то недружелюбный голос произнес:

— Что это у вас тут за кавардак? А ну-ка впустите меня, да поживее!

То был глас закона!

Роберт на цыпочках подкрался к окну и обратился к полицейскому сквозь слегка надтреснутое стекло (которое совершенно случайно разбил Сирил, пытаясь удержать на носу папину трость, как это накануне вечером проделывал в цирке один на удивление ловкий прощельга).

— О чем это вы? — наивно осведомился он. — Никакого кавардака у нас тут нет. Сами слышите — тишина и покой.

Он говорил сущую правду.

Вот только странный запах становился все сильнее, и даже насмерть перепуганный кошками Феникс осмелился высунуть клюв из-за отворота робертовой куртки, чтобы узнать, в чем дело.

Полицейский в нерешительности переминался у окна.

— Это *мускусные* крысы! — сдавленно прошептал Феникс, покидая свое убежище и исчезая в кромешной тьме над буфетом. — Может быть, какие-нибудь кошки и едят их, но только не персидские. Надо же, такой высокоученый ковер — и вдруг такая промашка! Ох, и веселая же ночька нам предстоит!

Пожалуйста, уходите! — занервничал Роберт. — Мы собираемся ложиться спать. Вот видите, специально свечу зажгли. Никакого скандала и впомине нет. И вообще, мы всегда ведем себя тихо, как мышки.

Последние его слова потонули в многоголосом хоре диких кошачьих воплей, с которыми на этот раз успешно конкурировал отвратительный визг мускусных крыс. Что случилось? Неужели первые все-таки решились попробовать последних на зубок перед тем, как окончательно отказаться от столь сомнительного блюда?

— А ну-ка открывайте! — сказал полицейский. — У вас там, похоже, кто-то издевается над целой дюжиной кошек.

— Дюжиной! — охнул Сирил. — Чтоб мне оглохнуть! Дюжиной!

— Ладно, заходите, — сказал Роберт. — Хотите посмотреть — пожалуйста! Только я вам не советую. Подождите секундочку, я открою боковую калитку.

Через секундочку он, как и обещал, открыл боковую калитку, и полицейский, опасливо оглядываясь по сторонам, вошел в дом.

И вот, на кухне, в неверном свете оплывшей свечи, посреди кошмарного кошачье-крысно-го концерта, более всего на свете напоминавшего рев полдюжины паровых гудков, урчание двадцати автомобильных двигателей и пыхтение полусотни ручных помп, на бедного полицейского обрушились еще и четыре переходящих на крик голоса, наперебой рассказывавших ему четыре совершенно

различные, но одинаково запутанные версии безумных событий сегодняшнего дня.

Кстати, вы когда-нибудь пытались объяснить полицейскому самую элементарную вещь?

Глава VII

СНОВА КОШКИ ПЛЮС КОРОВА И ВЗЛОМЩИК

Итак, детская была полна персидских кошек и мускусных крыс, принесенных волшебным ковром со своей любимой родины. Кошки мяукали, а крысы пищали. И те, и другие проделывали это с такой силой, что разговаривать в доме можно было только на языке глухонемых. На кухне же присутствовали четверо детей, свеча, невидимый в темноте Феникс и чересчур даже видимый, несмотря на темноту, полицейский.

— Эй вы, слушайте сюда! — — громовым голосом заревел полицейский и поочередно осветил лицо каждого из присутствующих (кроме скрывавшегося Феникса и безликой свечи, конечно). — Ну-ка, быстренько признавайтесь, что это у вас тут за кошачий концерт? Только не врите. Распоследнему идиоту понятно, что У вас тут с десяток кошек и что какой-то ублюдок дерет им хвосты. Ну так что?

Их было пятеро против одного, если считать Феникса. Но беда заключалась в том, что полицейский, даже будучи один-одинешенек, заметно превосходил своими формами всех пятерых вместе взятых. Когда кошки с крысами немного подустали и в кухне на короткое время воцарилась тишина, Сирил сказал:

— Ну ладно, что правда, то правда. Есть тут у нас пара-другая кошечек, но это не значит, что мы над ними издеваемся. Как раз наоборот. Мы их пытаемся накормить.

— Что-то непохоже, — мрачно пробурчал полицейский.

— Знаете, — сдуру ляпнула Джейн, — на самом деле это вовсе не настоящие кошки. Это, как бы вам сказать, придуманные кошки.

— Сама вы придуманная, миледи, — отрубил блюститель закона.

— О, Господи, да если бы вы смыслили в чем-нибудь еще, кроме всяких там убийц, воров и прочей мерзости, я бы тут же рассказал вам всю правду, — сказал Роберт. — Да ведь вы даже в этом ничего не смыслите! Ведь правда в ваши служебные обязанности совсем не входит совать свой нос в то, как честные подданные Ее Величества обращаются со своими личными кошками. Все, что в них входит, так это бросаться на помощь, когда кто-нибудь кричит «Караул, убивают!» или «Держи вора!». Что, разве не так?

В ответ полицейский заверил собравшихся, что ему лучше знать, когда и кому бросаться на помощь, и пока он в самых цветистых выражениях излагал это, Феникс, до этого смиренно сидевший в кухонном шкафу между соусницей и блюдом для заливной рыбы, вдруг встрепенулся, на цыпочках (или их птичьих эквивалентах) пересек комнату и никем не замеченный выскользнул за дверь.

— О, не будьте же таким ужасным занудой, — сказала Антея, стараясь придать своим словам как можно больше убедительности. — Мы просто обожаем кошек — да и как не обожать этих миленьких пушистеньких крошек? да за все сокровища мира мы не смогли бы сделать им что-нибудь плохое. Правда ведь, Киска? Джейн с готовностью подтвердила: «Конечно же, нет!». Однако, как девочки не старались, им не удалось

переубедить упрямого чурбана в полицейской форме.

— А теперь вот что, — сказал он. — Можете тут лопотать себе, пока язык не отвалится, а я пойду и посмотрю, что у вас творится в той комнате, и если...

Его последние слова потонули в новом взрыве мяуканья и писка. Как только установилась относительная тишина, четверо детей принялись в один голос объяснять ему, почему нельзя ходить в детскую. Но несмотря на то, что кошки с крысами слегка утихомирились, они все же вопили достаточно громко для того, чтобы полицейский не понял ни слова из обрушившейся на него мешанины объяснений, просьб и увещаний.

— Да заткнитесь же вы наконец! — завопил он наконец, — Во имя закона я иду осматривать соседнюю комнату. Давно следовало пустить в х од глаза, а то вы со своими кошками мне уже все уши отъели. А ну-ка, посторонись!

С этими словами он оттолкнул с дороги Роберта и зашагал по направлению к двери детской.

Только потом не говорите, что я вас не предупреждал, — сказал Роберт.

Послушайте! — сделала последнюю попытку Джейн. — На самом деле, это не кошки, а *тигры*. Так сказал папа, а уж ему-то лучше знать. На вашем месте я бы туда не ходила.

Но полицейский был как каменный — что бы ему не говорили, не имело для него никакого значения. Бывают такие полицейские, знаете ли. Он прошел по коридору к дверям детской и в следующую минуту наверняка бы оказался в комнате, до отказа набитой персидскими кошками и крысами (мускусными, заметьте!), если бы с улицы вдруг не донесся чей-то тонкий, пронзительный и вне всякого сомнения испуганный голос:

— Караул, убивают! Держи вора!

Полицейский застыл, как сфотографированный. Одна его слоноподобная нога тяжело опиралась на воздух.

— Что? — сказал он.

И снова в самом сердце окутывавшей улицу темноты раздался отчаянный призыв о помощи.

— Ну что же вы остановились? — издевательски спросил Роберт. — Ступайте, повозитесь с чужими кошками, пока на улице происходит жестокое и чудовищное преступление!

Вообще-то, Роберт и не думал шутить такими вещами — просто в нем вдруг проснулся внутренний голос. Он-то и втолковал ему, кто на самом деле вопил и причитал на улице.

— погоди же, коротышка! — прорычал полицейский. — Я еще до тебя доберусь.

И выскочил вон из дома. Дети слышали, как его тяжеленные башмаки выбивают барабанную дробь на мощенном бульжником тротуаре, удаляясь в направлении, откуда продолжали доноситься пронзительные вопли. Последние, к слову сказать, тоже удалялись, и довольно быстро, так что через несколько минут на улице снова воцарилась абсолютная тишина. И тогда Роберт смачно шлепнул себя по обтянутым бриджами ляжкам и, давась от смеха, произнес:

— Аи да старина Феникс! Отличная работа! Уж его-то позолоченный голос не

спутаешь ни с чем на свете.

Тут наконец до каждого дошло, что молодчина Феникс не тратил время зря, а единственно правильным образом распорядился полученной от Роберта информацией относительно того, чем следует, а чем не следует заниматься настоящему полицейскому, даже если он и туп, как пробка. Нужно ли говорить, что на сердце у всех изрядно полегчало.

— Да, но как только он обнаружит, что никакого убийцы нет и в помине, — скорбно сказала Антея, — и что все это время его водило за нос крылатое привидение, он вернется и отыграется на нас с вами.

— Он не вернется, — прозвучал из темноты нежный голосок Феникса, только что вернувшегося и теперь устраивавшегося на подоконнике. — Он не запомнил, где вы живете/ Я собственными ушами слышал, как он признавался в этом своему собрату по профессии. Точно такому же тупице, между прочим. Ох, ну и иочка же нам сегодня выпала! Заприте поскорее Дверь и давайте избавляться от этого изысканного аромата, более подходящего домам

Радобреев, нежели честных граждан. И вообще, извините меня, но я отправляюсь спать. Я ужасно вымотался за сегодняшний день.

Сирил выдрал еще один листок из антеевой тетрадки и написал новые инструкции ковро(заключавшиеся в том, что он должен немедленно отправить крыс восвояси, а взамен принести молока. Почему-то ни у кого не вызывал сомнений тот факт, что, какими бы персидскими не были воющие в детской кошки, они должны были любить молоко.

— Надеюсь, что хоть молоко не будет мускусным, — мрачно сказала Антея, прикалывая записку к ковроу буквами вниз. — Интересно, существует ли на свете такая штука, как мускусная корова? — вдруг обеспокоилась она Но было уже поздно — ковер вздрогнул, измельчал и исчез в мановение ока, так что ей оставалось только утешиться предположением типа: — Надеюсь, что нет. И вообще, — продолжала она, помолчав, — мне кажется, что гораздо благоразумнее было бы отправить вместе с крысами и кошек. Становится уже поздно, а мы же не можем держать их здесь всю ночь.

— А куда же ты их денешь? — язвительно ответил Роберт, появляясь в дверях (он ходил закрывать боковую калитку), — Эх, вы! Сначала нужно было посоветоваться со мной, а потом уже дело делать. Уж я-то не такой идиот, как некоторые.

— Эй, с какой это стати?..

— Вы что, до сих пор ничего не поняли? Да мы как миленькие будем держать их здесь всю ночь — а ну-ка, прочь от меня, хвостатая бестия! — потому что мы уже загадали сегодня все три желания и теперь придется ждать до утра.

Если бы не оживленное кошачье пере" мяукивание, воцарившуюся в комнате тишину вполне можно было бы назвать гробовой

Первой заговорила Антея.

— Да ладно, чего уж теперь, — сказала она. — Знаете, мне кажется, что они немного присмирели. Может быть, услышали, как мы говорим про молоко.

— Они не понимают по-английски, — возразила Джейн. — Не забывай, Пантера, это ведь персидские кошки.

— Ну и что? — немного резковато ответила Антея, которая вымоталась не меньше Феникса, и к тому же изрядно нервничала. — Откуда ты знаешь, что слово «молоко» не означает по-персидски то же самое? Вот, например, во французском языке полно английских слов. За все не отвечаю, но, по крайней мере, «букет», «крокет» и «щербет» — точно английские. А «мяу» так и вообще интер... интервенционное. Ой, пушистики, да перестаньте же вы наконец! Вот что, давайте-ка погладим их всех как следует — глядишь, они и успокоятся.

Все четверо принялись обеими руками наглаживать четвероногих буянов. Пришлось устроить некое подобие очереди: как только какая-нибудь кошка, получив достаточное количество ласки, замолкала, ее нежно отпихивали в сторону, и ее место занимала другая. В тот момент, когда детям удалось свести стол-потворенческий бедлам звуков до уровня ласкового мурлыкания, в комнате появился ковер. "а нем, вместо ожидаемых молочных рек, равномерно разлитых в молочные кувшины, неподвижно стояла корова. То была не персидская и, благодарение Богу, не мускусная корова (если такие, конечно, вообще существуют), а вполне обыкновенная серая джерсийская буренка — холеная и хорошо откормленная. Она спокойно стояла посреди ковра, щурясь своими агатовыми глазами на газовые рожки и издавая дружелюбное мычание (в котором также явно слышалось любопытство).

В обычной жизни Антея страшно боялась коров, но сейчас она решила проявить храбрость. «Все равно она на меня не кинется, — уговаривала она себя. — Ей тут и ступить-то негде».

Корова же и не собиралась ни на кого кидаться. Она стояла, не шевелясь, и вообще вела себя как странствующая герцогиня до тех пор, пока в чью-то горячую голову не пришла мысль принести с кухни блюдце для молока и подоить ее. Вы, наверное, думаете, что доить коров — пустяшное занятие. Уверяю вас, что это не так. Для осуществления этой акции детям пришлось проявить чудеса героизма, что при других обстоятельствах от них было бы просто смешно ожидать. Роберт с Сирилом держали корову за рога, а Джейн, убедившись, что передняя часть коровы надежно закреплена, согласилась постоять сзади — на тот случай, если вдруг возникнет необходимость схватить ее за хвост. Когда все эти приготовления были закончены, на сцене появилась Антея, держа блюдце в одной руке и опасливо вытянув вперед другую. Она вспомнила однажды слышанный рассказ о том, что коровы не позволяют доить себя незнакомым людям и что единственный способ успокоить их в такой ситуации — это разговаривать с ними на какие-нибудь нейтральные темы. А потому, приближаясь к покатоному боку животного, Антея лихорадочно перебирала в уме все известные ей разговорные темы, но так и не могла решить, какая из них нейтральная, а какая нет. В конце концов ее память, истощенная событиями безумного дня, который все никак не хотел кончаться, напрочь отказалась выбирать для нее тему разговора с джерсиейской коровой, а потому слова, которыми она этот разговор начала, вряд ли можно было назвать осмысленными.

— Ну же, моя кисонька, лежать! — сказала она. — Лежать, моя умница! Вот хорошая собачка!

И никому не пришло в голову засмеяться. Слишком уж серьезной была ситуация.

Затем, изо всех сил сдерживая готовое выпрыгнуть из груди сердце, Антея попыталась подоить корову. Первое же прикосновение к животному дало следующий результат: корова вышибла блюдце из рук Антеи и торжествующе наступила на него ногой. Тремя остальными ногами она наступила на ноги соответственно Роберту, Сирилу и Джейн.

Джейн, естественно, разревелась.

— Ой-ой-ой, ничегошеньки-то у нас не получится! — причитала она. — Лучше пойдете отсюда. Давайте ляжем спать, и пускай эти ужасные кошки и эта отвратная корова сами между собой разбираются! Может быть, они наконец съедят друг друга.

Спать они не пошли, а устроили срочное совещание в гостиной, изрядно пропахшей золой, целые кучи которой лежали необрунными на каминной решетке. Совещание проистекало в холодной атмосфере — с тех пор, как мама с папой уехали, комнату ни разу не протапливали, и теперь у детей зуб на зуб не попадал. Налицо были и другие признаки небрежения: все столы и стулья были сдвинуты со своих мест, хризантемы на подоконнике завяли, а вода в графине помутнела и была близка к затвердению. Антея с Джейн тщательно запаковались в мягкое шерстяное покрывало, вышитое птичками и цветочками, а Роберт с Сирилом тем временем устроили безмолвную, но жестокую схватку за лучшую половину мехового коврика.

— У нас и впрямь ужасное положение, — сказала Антея. — И вообще, я падаю от усталости. Давайте выпустим кошек на улицу.

— Вместе с коровой, конечно? — съязвил Сирил. — Тут уж точно вся лондонская полиция сбежит. Представляете, как громко эта дурацкая корова будет мяукать — то есть, я хотел сказать мычать — перед нашей дверью? Да и кошки молчать не будут — так размычатся... тьфу, размяукаются! Нет уж, у нас теперь есть только один выход. Нужно рассадить их по корзинам и разнести по всему кварталу. Можно будет оставлять их у дверей домов, как бедных подкидышей.

— У нас в доме всего лишь три корзинки, считая мамину корзиночку для вязания, — сказала Джейн.

— А у нас почти что двести кошек, — подхватила Антея. — Да еще корова. Для нее потребуется очень большая корзина. А потом, как вы эту корзину потащите и где вы найдете такую дверь, в которую могла бы пролезть корова? Разве что в церкви...

— Да будет тебе! — оборвал ее Сирил. — Ты просто выдумываешь отговорки.

— Я согласен с Сирилом, — сказал Роберт. — И нечего беспокоиться из-за коровы, Антея. Никуда не денется, посидит ночку в детской. И вообще, я читал, что корова — это домашнее животное, а значит, сидеть дома для нее одно Удовольствие. Ничего, утром заставим ковер отнести ее обратно. А что до корзин, то мы их можем понаделать из простыней, наволочек, полотенец и всяких прочих тряпок. Ну ладно, Сирил, вперед! А вы, девицы, если не хотите марафты, то оставайтесь здесь.

Несмотря на то, что в его тоне даже глухой Расслышал бы презрение, Антея и Джейн не отвечали — слишком они устали и отчаялись. Даже никуда не годное обращение «девицы», и против которого они, без сомнения, восстали бы при любых других обстоятельствах, теперь показалось им на редкость ласковым. Они покрепче прижались друг к другу под одеялом, а Сирил еще набросил на них сверху меховой

коврик.

— Эх! — сказал он. — Все женщины годятся только на то, чтобы посапывать в тепле, пока мужчины делают тяжелую работу, подвергают себя всяческим опасностям, рискуют жизнью и так далее.

— Да нет же, Сирил, — сказала Антея. — Ты же знаешь, что нет.

Но Сирил уже ушел.

Под покрывалом и меховым ковриком было тепло и уютно, и Джейн крепче прижалась к своей старшей сестре. Антея в свою очередь нежно обняла ее, а потом обе сестрички закрыли глаза и постарались заснуть. Долгое время им это не удавалось — сначала из детской донесся новый всплеск кошачьего воя, вызванный появлением там Роберта; потом в кухонной пристройке происходила шумная возня, сопутствующая лихорадочным поискам корзин; потом по коридору долго стучали робертовы ботинки, а еще потом, когда Антея уже была готова пойти наорать на противных мальчишек, оглушительно хлопнула боковая дверь и наступила тишина. Девочки поняли, что Роберт с Сирилом ушли подвергать себя всяческим опасностям, имея под мышкой по крайней мере по одной кошке. Последней мыслью Антеи было, что на сто девяносто девять кошек у них наверняка уйдет вся ночь. Не нужно быть большим математиком, чтобы вычислить, что им придется совершить по девяносто девять вылазок каждому плюс еще одну на кошку под номером сто девяносто девять. — Я всегда хотела, чтобы у нас была кош-КЭ(— сказала Антея. — Правда, сейчас мне как-то не до того, но кто знает, может быть, завтра опять захочется. — С этим она и уснула, уткнувшись в плечо своей давно уже мирно посапывающей сестре.

Она спала крепко и потому не почувствовала, как Джейн вздрогнула, протерла глаза и села на диване. Правда, перед этим она еще немного побарахталась под покрывалом (при этом нечаянно лягнув ногой Антею) и поизумлялась, отчего это они легли спать в ботинках, но в следующую минуту вспомнила все происшедшее накануне и успокоилась.

Снаружи, на лестнице, раздавались осторожные шаркающие шаги. Подобно героине одной классической поэмы, Антея подумала, «что это мальчишки». Она уже совсем проснулась и чувствовала себя отдохнувшей, а потому, осторожно перебравшись через неподвижную Антею, слезла с дивана и направилась на звук шагов. Теперь они слышались на первом этаже, совсем рядом с детской. Стоит ли говорить, что при их приближении голодающие кошки принялись жалобно подвывать. Только спустившись с лестницы, Джейн обнаружила, что это были не мальчишки, возвратившиеся за очередной партией кошек, а — взломщик. О том, что это был взломщик, Джейн догадалась сразу же — на нем были меховая шапочка и шерстяной шарф из запасов Армии Спасения, и, кроме того, ему нечего было делать в их доме в такой поздний час.

Если бы вы оказались на месте Джейн, вы, без сомнения, тут же бы покинули его и бросились на улицу, стараясь привлечь внимание соседей и полиции истошными воплями. Но наша Джейн была не такая. В своей жизни она прочитала немало замечательных историй о взломщиках (включая несколько поэтических произведений), и прекрасно знала, что ни один взломщик не тронет маленькую девочку, случись той

застать его на месте взлома. Напротив, как утверждалось во всех этих книжках, наивный лепет маленькой девочки тут же заставлял взломщика забыть о своем преступном прошлом. Так что если Джейн и поколебалась минуту-другую, прежде чем обратиться к нему, то это произошло вовсе не потому, что она его боялась, — просто она не могла с ходу придумать что-нибудь наивное. Из тех же книг (включая поэтические произведения) Джейн уяснила, что ребенок должен говорить как можно менее разборчиво, хотя на картинках он может выглядеть сколько угодно взрослым. И все-таки она никак не могла заставить себя шепелявить или говорить глупости, даже если того и требовали законы жанра

В конце концов она решилась и последовала за взломщиком в детскую — как раз вовремя, чтобы полюбоваться тем, как он бессильно осел на пол, разбрызгивая вокруг себя кошек подобно брошенному в воду камню

Она прикрыла за собой дверь и остановилась рядом с ним, все еще раздумывая над тем, стоит ли ей начать с чего-нибудь вроде «Чё вы тут несите, мистер Сломщик?» или все-таки сгодится более нормальное «Стойте! Руки вверх!»

Затем она вдруг услышала, как взломщик орестно вздохнул и принялся бормотать разбитым голосом:

— Это мне наказание, провалился я на этом самом месте, если это не так. Эх, и надо же только такому приключиться! Никогда в такие дела не верил, и вот — на тебе! Кошки — кругом одни только кошки. Да их столько и на свете-то не бывает. Да еще эта корова! Чтоб я сдох, если это не Дэйзи — родная сетрица буренки моего старика. Ага, понятно! Это вроде как напоминание мне о старых днях, когда я еще пацаном был. Ладно, против нее я ничего не имею. Дэйзи! Дэйзи!

Корова повернула голову и посмотрела на него.

— Так и есть — она, — продолжал он. — Ну вот, теперь хоть не один буду. Хотя одним только небесам известно, какого черта ее сюда занесло. Но эти кошки — ох, уберите от меня этих тварей, уберите, пока я не спятил! Богом клянусь, в жизни больше не пойду воровать — только уберите от меня этих кошек!

В этот драматический момент к нему и обратилась Джейн.

— Взломщик! — сказала она и, нужно сказать, чуть было не испугала его до смерти — во всяком случае, сначала он конвульсивно дернулся и уж только потом, минут через восемнадцать (как показалось Джейн) повернул к ней свое иссиня-бледное лицо с заметно дрожащими губами.

Взломщик, я не могу убрать от вас этих кошек, — повторила Джейн.

Господи Боже мой! — воскликнул взломщик — Вот еще напасть на мою голову! Скажите, мисс, вы настоящая или тоже одна из них? — С этими словами он указал на кошек.

— Абсолютно настоящая! — ответила Джейн, немало обрадованная тем, что ей не пришлось шепелявить и нести всякий вздор для того, чтобы найти общий язык со своим любимым литературным героем. — И кошки тоже настоящие.

— Тогда пошлите за полицией! Пошлите за полицией, да поскорее! Я сдаюсь. Если вы такая же настоящая, как и эти кошки, то мне крышка. Все — я спятил, съехал, свернулся с катушек. Пошлите же за полицией! И скажите им, что я сдаюсь. Пусть

меня поскорее упрячут в камеру — слава Богу, туда и половина этих кошек не влезет. Скажите им, что против коровы я не возражаю, а вот насчет кошек — ни-ни!

Он запустил руки себе в волосы, которые, впрочем, были для этой цели недостаточно длинными, и принялся дико озирать глазами наполненную кошками комнату.

— Послушайте, Взломщик, — как могла более участливо спросила Джейн, — если вы не любите кошек, то зачем же вы сюда пришли?

— Ох, пожалуйста, мисс, пошлите за поли-цей, — простонал незадачливый преступник. — Ну чего вам стоит? А мне хоть какое-то об легчение будет

— Да не хочу я посылать за полицией! — сказала Джейн. — Да и некого. И вообще, я ненавижу полицейских. Особенно тех, которые вламываются в чужие дома по пустякам,

— Я вижу, у вас золотое сердце, мисс, — сказал взломщик. — Да только уж лучше полиция, чем эти треклятые кошки.

— Знаете что? — сказала Джейн. — Не буду вызывать полицию, и все тут. И я вам не какая-нибудь кошка, а самая настоящая маленькая девочка, пусть я и разговариваю совсем не так, как все маленькие девочки, каких вам приходилось встречать во время предыдущих взломов. И эти кошки — настоящие, и они по-настоящему хотят молока... Эй, послушайте, кажется, вы говорили что когда-то знавали корову по имени Дэйзи?

— Пропади я пропадом, если это не ее вылитая копия, — ответил взломщик, указывая на стоявшую посреди комнаты корову.

— Ага! — воскликнула Джейн, с трудом сдерживая охватившее ее радостное волнение. — Так, может быть, вы умеете доить коров?

— Может быть, и умею, — осторожно ответил взломщик, не понимая, к чему она клонит.

— Ах! — сказала Джейн, всплеснув руками. — Если бы вы только сумели подоить нашу корову, мы бы полюбили вас на всю оставшуюся жизнь.

Взломщик ответил, что против любви он ничего не имеет.

— Если бы только эти кошениции получили по хорошей порции славного, свежего, жирного, вкусного молока, — разливалась Джейн, — то они тут же бы и уснули. Тогда этому противному полицейскому никогда не найти нашего дома. А если они так до утра и будут мяукать, то он обязательно вернется, и уж тогда я не могу сказать, что будет с нами со всеми — и с вами в том числе.

Последний аргумент решил дело. Джейн принесла с кухни тазик для мытья посуды, взломщик засучил рукава и приготовился доить корову. Но тут на лестнице снова послышались чьи-то шаги.

— Так я и знал, что вляпаюсь! — воскликнул взломщик, впадая в панику. — Это полиция! — И он бросился к окну, явно намереваясь выпрыгнуть наружу.

— Все будет хорошо, поверьте мне! — в отчаянии прошептала Джейн. — Я скажу им, что вы мой друг, или добрый священник, заботящийся о душах детей и животных, или мой дядя, или кто-нибудь еще, — но только доите, доите, *доите* корову! Пожалуйста, остановитесь! Куда же вы?! О, слава Богу, это всего лишь мальчики!

Это и впрямь были они. Их приход разбудил Антею, и теперь они все втроем

толпились в дверях детской. Бедняга-взломщик беспрестанно оглядывался по сторонам, как загнанная в угол крыса.

— Познакомьтесь — это мой друг... то есть, дядя... в общем, я хотела сказать, добрый священник, — начала Антея. — Он шел мимо и решил заскочить в гости, а заодно согласился подоить корову. Правда ведь, это очень любезно с его стороны?

При этом она усиленно подмигивала вновь прибывшим, так что тем, сколь бы глубоко ни было их изумление, оставалось только по мере сил подыгрывать ей.

— О, как поживаете? — вежливо осведомился Сирил. — Очень рад с вами познакомиться. Однако, давайте не будем мешать людям заниматься делом.

— Пять шиллингов против одного, что завтра утром я проснусь в психушке, — пробурчал взломщик, но, тем не менее, покорно уселся доить корову.

Путем яростного подмигивания и соответствующей жестикуляции Роберту втолковали, что он должен остаться и следить за тем, чтобы взломщик не бросил на полдороге свое дело и не сбежал. Остальные же пошли на кухню — искать всяческие чашки и плоски под молоко, которое, ко всеобщему ликованию, тугой струей ударило в тазик для мытья посуды и в скором времени грозило его переполнить. Как по мановению волшебной палочки, кошки перестали мяукать и окружили корову плотным кольцом. На их усатых мордочках явственно проступило выражение нетерпеливого ожидания.

— Мы больше не сможем вынести ни одной кошки, — сказал Сирил, пока они укладывали на поднос все имевшиеся на кухне миски, тарелки, блюдца и салатницы. — И так нас чуть было не сцапал полицейский — нет, не тот самый. Наш был гораздо здоровее и тупее. Он решил, что мы хотим подкинуть кому-нибудь младенца. Если бы я вовремя не догадался швырнуть ему в лицо оба мешка с кошками, схватить Роберта и спрятаться с ним в кустах... Словом, нам повезло, что я парень не промах. А этот полицейский дуболом сначала долго отрывал от себя кошек, а потом рванул по улице — поди, думал, что мы смотались и он сможет нас догнать. Ну, мы еще немножко посидели в кустах и пошли домой. Так-то!

Веселое скворчание молочных струй, бьющих из коровьего вымени в посудный тазик, оказало на взломщика самое что ни на есть умиротворяющее действие — он равномерно двигал руками, улыбаясь, как во сне, а дети тем временем сбегали на кухню за поварешкой и принялись разливать молоко по тарелкам, мискам блюдцам, салатницам, пирожницам и прочим розеткам, которые затем расставляли в ряд вдоль стены. Вскоре в комнате уже всюду звучала персидская музыка — ритмическое почавкивание на фоне монотонного мурлыкания.

— Совсем как в старые добрые времена, — сказал взломщик, утирая наворачнувшуюся слезу засаленным рукавом своего лоскутного пальто. — Эх и житуха была тогда! Яблони б саду, крысы на молотилке, кролики, хорьки — да что там! А вот потеха была, когда приходило время резать свиней!

Воспользовавшись его размягченным состоянием, Джейн осторожно спросила:

— Хотелось бы знать, а почему именно наш дом вы выбрали для сегодняшней ночной работы? Вообще-то, я очень рада, что вы заглянули к нам. Вы просто душечка! Просто не знаю, что бы мы без вас делали, — поспешно добавила она. — Вы и

представить себе не можете, как мы вас полюбили. Ну же, не ломайтесь, скажите!

Остальные не замедлили присоединиться к заверениям в любви, и в конце концов взломщик сказал:

— Клянусь Богом, мисс, это мое первое дело, и, чего уж там скрывать, я никак не ожидал такого сердечного приема — вот чтоб мне гореть в аду, коли вру! А еще скажу, что не ходить мне больше по земле, если оно не будет последним. Знаете, мисс, эта самая корова уж очень сильно напоминает буренку моего старика, а уж мой-то старик всю бы шкуру с меня спустил, узнай он о моих проделках! Да я по жизни полпенни чужого не брал, а тут на тебе — в чужой дом забрался!

— Ваш старик поступил бы совершенно правильно, — заверила его Джейн. — Но все же, почему вы забрались именно к нам?

— Что ж, мисс, — вздохнул взломщик. — Вам лучше знать, откуда здесь взялись все эти кошки и почему вы не хотите посылать за полицией, так что я расскажу вам все без утайки. Кому же мне доверять, как не вам и вашему маленькому золотому сердечку. (А ну-ка, отлейте молочка из тазика, а то оно сейчас на пол побежит!) Ну, значит, иду я со своей тачкой и продаю апельсины — я ведь, мисс, по профессии-то не взломщик, как бы вы меня тут не называли, — и останавливает меня одна леди. Ей, стало быть, три с половиной фунта апельсинов понадобилось. Ну, пока она их там выбирала — а я, знаете, никогда не против, если кто-нибудь прихватит пару-другую перезревших, — подошли еще две леди. То есть, одна подошла, а другая за оградой стояла. Ну, и, как это у женщин бывает, принялись болтать. И одна другой говорит: «Я сказала, чтобы они не выдывались и приходили обе, а поспать они могут с Джейн и Марией... Босс-то у них уехал и жену с ребятишками прихватил, так что им всего-то и нужно, что дом запереть да оставить газ на всю ночь, чтоб никто не догадался. А утром встанут пораньше, часиков эдак в одиннадцать, и побегут себе обратно. А уж зато какая славная вечеринка у нас получится, миссис Проссер, вы бы знали! Ну ладно, побегу на почту — нужно письмо бросить». А леди, что уже целый час ковырялась в моих апельсинах, тут и говорит: «Что я слышу, миссис Вигсон! Что, у вас другого дела нету, как по почтам носиться? Да еще с такими грязными руками. Вот этот добрый джентльмен не откажет, значит, в любезности своей покупательнице и отнесет письмо за вас». Ну, дали мне они это письмо, и я пошел на почту, А по дороге, известно, посмотрел на адрес. Потом я распродал все свои апельсины, набил карманы мелочью и, знаете, такой радостный пошел домой. И надо же такому случиться, чтобы какой-то грязный оборванец — еще попрошайкой притворялся, гадина! — мне карман порезал. Я только зашел в пивнушку глотку промочить (знаете, пока продашь тележку апельсинов, можно от жажды сдохнуть) и смотрю — денежек-то тью-тью! Да будь он проклят, этот воришка! Ни фартинга не оставил, а дома-то у меня больной брат с женой. Эх!

— Какой ужас! — посочувствовала ему Джейн.

— Ужас и есть, мисс, как есть ужас, — продолжал взломщик дрожащим от волнения голосом. — А вы еще не знаете, как эта самая братова жена (чтоб ей пусто было!) собачиться умеет, когда ее заведешь! Надеюсь, мисс, что никогда и не узнаете. А тут бы она уж точно завелась — апельсины-то не мои, а ихние! Ну, тут я вспомнил про адрес на конверте и говорю себе: «Эх парень, тебя наказали, так и ты накажи кого-

нибудь. У них две девушки в прислугах, значит будет чем поживиться». И вот я здесь, мисс. Но эти треклятые кошки быстро наставили меня на путь истинный. Да еще эта корова — ну прямо вылитая Дэйзи! Нет, мисс, с грязными делишками я завязал.

— Послушайте! — сказал вдруг Сирил. — Насчет этих самых треклятых кошек. Они ведь очень ценные, правда. Знаете, мы бы с удовольствием подарили их всех вам, если бы вы только согласились унести их отсюда немедленно.

— Гм! Кажись, они и впрямь породистые, — задумчиво ответил взломщик. — Да только мне чего-то не очень охота иметь дело с копами. Вы, часом, их где-нибудь не свистнули, а? Только по-честному?

— Да они все наши — от усов до кончика хвоста! — заверила его Антея. — Мы их заказали в одном месте, но подставщик...

— Подставщик, — поправил ее Сирил.

— ...подставщик по ошибке прислал нам гораздо больше, чем было нужно, и теперь мы просто не знаем, куда их деть. Если вы пригоните сюда вашу тележку, да еще прихватите несколько мешков и корзинок, жена вашего братца будет очень вами довольна. Папа говорит, что за каждую персидскую кошку нынче дают по несколько фунтов.

— Что ж, — сказал взломщик, как видно, глубоко тронутый постигшей детей неудачей. — Я вижу, вы и впрямь вляпались. Ладно, отчего бы и не помочь честным людям? Я не стану вас спрашивать, где вы на самом деле их взяли — это ваше дело, — но у меня есть один приятель, так он на этих кошках собаку съел. Пожалуй, я приведу его, и если он скажет, что эти зверюги и впрямь на что-нибудь годятся, кроме пирожков, то я, так и быть, окажу вам услугу.

Но вы же не уйдете навсегда, правда? — Жалобно спросила Джейн, — Боюсь, я не смогу вынести этого.

Взломщик, взволнованный до слез переживаниями маленькой девочки (которая, правда не шепелявила и за всю ночь не сказала ни единой глупости), заверил ее, что вернется к ней — живым или мертвым.

С этим он и ушел. Сирил и Роберт отправили девочек в постель, а сами уселись в гостиной ожидать возвращения взломщика. Очень скоро они решили, что с их стороны является большой глупостью сидеть без дела, и тут же нашли себе его. Взломщику, который сдержал свое обещание и вернулся с тележкой и кошачьим экспертом, долго пришлось стучать в окно, прежде чем они проснулись. Эксперт нашел кошек вполне подходящими для продажи, и все четверо принялись рассовывать сонных животных по мешкам и грузить в тележку. Сытые персы вели себя очень достойно — если они и мяукали, то не настолько громко, чтобы привлечь внимание публики.

— Ну вот, теперь я стал еще и скупщиком краденого, — пожаловался взломщик. — Вот уж никогда не думал, что докачусь до такого! И все из-за моего доброго сердца.

Сирил, который откуда-то знал о скупщиках краденого, поспешил возразил:

— Клянусь всем святым на этом свете, что кошки не краденые. Кстати, сколько сейчас времени?

— Часы я с собой носить не привык, — ответил приятель взломщика, — но когда я проходил мимо «Быка и калитки», как раз било полночь. Так что сейчас где-то около

часу.

Когда последняя кошка была погружена в тележку и мальчики весьма дружелюбно распрощались со взломщиком, на ободранном дянолеумном полу детской осталась однакорова.

— Придется ей остаться на всю ночь, — — сказал Роберт. — Когда ее увидит кухарка, с ней приключится удар.

— На всю ночь? — переспросил Сирил. — Какую ночь, Роберт? Уже утро! Тот второй джентльмен сказал, что сейчас около часу ночи. А час ночи и час утра — это одно и то же! Мы снова можем загадать желание.

Наспех нацарапанная записка вменяла ковру доставить корову по постоянному месту жительства, а затем немедленно возвращаться на свое место в детской. Однако проклятая корова никак не хотела заходить на ковер. Так что Роберту пришлось принести с кухни бельевую веревку и привязать ее одним концом к рогам коровы, а другим — к свернутому в трубочку углу ковра. После этого он приказал ковру: «Вперед!»

В следующее мгновение ковер испарился вместе с коровой, а мальчики, шатаясь от ус талости и благодаря небеса за то, что этот дол гий вечер наконец кончился, отправились спать

На следующее утро ковер как ни в чем не бывало лежал на своем обычном месте. Вот только один его угол был сильно изодран. Естественно, это был угол, к которому Роберт привязал корову.

Глава IX

НЕВЕСТА ВЗЛОМЩИКА

На следующее утро после приключения с персидскими кошками, мускусными крысами, джерсийской коровой и незадачливым взломщиком дети провалялись в постелях до десяти часов, да и тогда встал один лишь Сирил. Но уж он-то позаботился об остальных, так что к половине одиннадцатого все четверо уже были не только умыты и одеты, но и горели желанием готовить завтрак. Как вскоре выяснилось, из-за вчерашних излишеств готовить было нечего — во всем доме не нашлось ничего съестного, кроме нескольких кусочков льда, извлеченных из заиндевелой кладовки.

Пока Сирил, Антея и Джейн охотились за случайно завалившимися в шкафах и буфетах корочками хлеба, Роберт приготовил слугам небольшой сюрприз. Это была простая, но чрезвычайно эффективная ловушка — миска с водой, пристроенная над дверью прихожей, должна была неминуемо опрокинуться на головы несчастных прогульщиц, едва они перешагнут порог дома. А потому, как только дети услышали щелканье ключа в замочной скважине и скрип открываемой входной двери, они мигом спрятались в шкафу под лестницей и через некоторое время, к своему вящему удовольствию, услышали плеск воды, звон упавшей миски и крики насмерть перепуганных женщин. Кухарка вопила, что это им наказание за то, что они оставили дом на ночь без присмотра — она, очевидно, полагала, что миски с водой, подобно какому-нибудь злопамятному цветку, сами собой вырастают на дверных косяках оставленных без присмотра домов. Однако отличавшаяся более трезвым и прозаическим умом горничная тут же поняла, что в доме кто-то был — тем более, что это подтверждал полностью сервированный к завтраку стол в детской.

В шкафу под лестницей было очень тесно и к тому же изрядно пахло керосином, а потому борьба за место у замочной скважины, откуда поступала тонкая струйка воздуха, была неизбежна. Неизбежно было и то, что эта борьба испортила детям все дело — дверца шкафа внезапно отворилась, и Джейн выкатилась к ногам служанок, как футбольный мяч — к ногам иг роков

— Хватит! — твердо сказал Сирил, когда истерика, устроенная кухаркой, немного поулег лась, а запас оскорбительных выражений, употребляемых по отношению к ним горничной, подошел к концу. — Хватит говорить глупости! Мы больше не собираемся их выслушивать. Для этого мы слишком много чего про вас знаем. Будьте добры, приготовьте нам к обеду паточный рулет — на десерт, естественно, — и мы будем держать языки за зубами.

— Знаете что, мистер Сирил? — сказала разгневанная горничная, все еще не успевшая снять пальто и шляпку, которая сегодня почему-то сидела у нее более чем обычно на боку. — Не вздумайте запугивать меня, сэр, потому что я от вас этого не потерплю, так и знайте! Вы хотите рассказать вашей мамочке о том, что нас не было ночью? Да ради Бога! Она только пожалеет меня, когда услышит, что на самом-то деле я ходила навещать мою бедную больную тетушку (по мужниной линии, правда, но какая разница?), которая знавала меня еще ребенком и воспитала, как собственную

дочь. Да она только похвалит меня за то, что я посреди ночи помчалась к ней, когда у той начались судороги в ногах, а наша замечательная кухарка так волновалась, что не могла отпустить меня одну и что...

— Перестаньте, Элиза! — сказала Антея. — Разве вы не знаете, что ждет на том свете врунов? Если вы сейчас же не исправитесь...

— Это я-то вру, что ли? — вскричала Элиза. — Да я после этого с вами и говорить-то не желаю!

— А как поживает миссис Вигсон? — начал Роберт. — Долго ли вы сидели вчера? У горничной отвалилась челюсть от удивления.

— Как вам спалось с Марией и Эмили? — спросил Сирил.

— И что говорит по поводу вечеринки миссис Проссер? — добавила Джейн.

— Отставить! — скомандовал Сирил. — Они уже свое получили. А теперь слушайте! — обратился он к двум окаменелостям, которые еще минуту назад были разъяренными женщинами. — Скажем мы про вас родителям или нет, зависит целиком и полностью от вашего дальнейшего поведения. Если вы будете с нами хорошо обращаться, то мы и не причиним вам вреда. И вообще, вам, любезная кухарка, давно следует заняться паточным рулетом, а вам, Элиза, я бы посоветовал как следует прибраться в комнатах, а то, наверное, скучновато бездельничать целыми днями.

Слуги сдались — безоговорочно и навсегда.

— Ничто так не помогает в этих делах, как суровое обращение, — рассуждал Сирил, когда кухарка убрала со стола, и дети остались одни. — Странно, почему это люди постоянно жалуются на слуг? Стоит только найти к ним подход, и они становятся как шелковые. Вот, например, мы теперь вольны делать все, что ни заблагорассудится, и они нам слова против не скажут. А все потому, что мы сломили их мятежный дух. Ну да ладно, давайте полетим куда-нибудь на ковре.

— На вашем месте я бы не стал этого делать, — сказал, позевывая, Феникс. Он только что соскользнул на стол с оконной гардины и теперь отчаянно потягивался, распушив все свои золотые перья. — Накануне я пытался вам кое о чем намекнуть, но из этого ничего не вышло. Что ж, теперь мое уединение подошло к концу, и я могу высказаться открыто.

Он перемахнул на спинку стула и уселся там, покачиваясь взад-вперед, как попугай на насесте.

— Ну а теперь-то в чем еще дело? — раздраженно спросила Антея. Переживания прошлой ночи еще не совсем отпустили ее, и потому она была слегка не в себе. — Какая-нибудь новая неприятность? Нет уж, хватит мне вчерашних кошек! Никуда я с вами не полечу! У меня между прочим, все чулки в дырках.

— В дырках, — повторил Феникс. — Вот как! Ну, и что же ты собираешься с ними делать?

— Как что? — сказала Антея. — Штопать, конечно! Вот сейчас возьму иглу и заштопаю.

Феникс раскрыл и снова сложил свои золотые крылья. Весь его вид выражал крайнее неудовольствие.

— Твои чулки, — сказал он, обращаясь к Антее, — в данный момент не играют

никакого значения. Ими ты можешь заняться и позже. А вот ковер... Вы только взгляните на все эти залысины и дыры! На этот потускневший ворс! На этот жестоко разодранный угол! Ковер был вашим самым лучшим другом. Он служил вам верой и правдой, а как вы отблагодарили его за это?

— Милый Феникс! — отвечала Антея. — Прошу тебя, не надо с нами говорить таким ужасным менторским тоном. Такое ощущение, буд то мы сделали что-то очень очень нехорошее. Ты же сам знаешь, что это волшебный ковер. И мы ничего особенного с ним не делали — просто загадывали желания.

— Просто загадывали желания, надо же! — угрюмо повторил Феникс. Все перья у него на шее от возмущения встали дыбом. — Но *какие* желания?! Придавать людям ангельский характер, помните? Да вы, слышали, чтобы хоть один ковер на свете когда-нибудь соглашался исполнить подобное идиотское желание? Нет? То-то же! Но это благородное изделие древних мастеров, которое вы имеете безрассудство попирать тяжелыми башмаками (дети тут же отпрыгнули на порядочное расстояние от ковра и выстроились рядком у стены), это средоточие древней восточной магии никогда и ни *Б* чем вам не отказывало. Оно послушно выполняло все, чего бы вы не попросили, — но вы подумали о том, чего ему это стоило? Я сдерживал себя и ничего не говорил вам до тех пор, пока вчера ночью... Нет, я не виню вас за кошек и крыс, ибо это была его собственная ошибка, но какой чудовищный злодей мог додуматься до того, чтобы привязать к этому нежному созданию тяжеленную корову?!

— Да, но кошки с крысами тоже были не подарок, — заметил чудовищный злодей на букву "Р", покраснев до ушей. — Одни их когти чего стоят!

— Вот именно, когти! — подхватила золотая птица. — Одиннадцать тысяч девятьсот сорок когтей — надеюсь, вы успели сосчитать? Так вот, я не удивлюсь, если каждый из этих когтей оставил на ковре свой след.

— Боже мой! — воскликнула Джейн, бессильно опускаясь на пол и поглаживая ближайший к ней угол ковра ладошкой. — Ты хочешь сказать, что он изнашивается?

— Его жизнь в этом доме не отличалась особой роскошью — или хотя бы покоем, — сказал Феникс. — Сначала его искупали во французской грязи. Затем дважды засыпали песком с кораллового берега. Окунули в южное море. Хорошенько пропылили в Индии. Сгоняли в Персию за кошками и в страну мускусных крыс за мускусными крысами. И еще Бог знает куда за коровой. А теперь, прошу вас, со всей возможной осторожностью поднимите его и подержите немного на свету.

Со всей возможной осторожностью мальчики подняли ковер и повернули к свету. Девочки взглянули на него и к своему неподдельному огорчению обнаружили, что каждый из упомянутых выше одиннадцати тысяч девятьсот сорока когтей и впрямь оставил на нем маленький кругленький след. Ковер просвечивал, как решето; кроме крохотных дырочек, оставленных кошками и крысами, в нем имелось несколько порядочной величины отверстий непонятного происхождения, две-три залысины и, естественно, ужасный порыв на одном из углов.

— Нужно немедленно починить его! — воскликнула Антея. — Забудьте о моих чулках — крайнем случае, я нашью на них заплатки из марли. Конечно, это будет ужасно выглядеть и конечно, ни одна уважающая себя девочка не смогла бы позволить

себе такого издевательства, но что поделать — наш миленький бедненький волшебненький ковер для меня дороже всего на свете. Идемте же скорее покупать для него волшебную шерсть!

Они гурьбой вывалили из дому и кинулись к ближайшей лавке. Однако, избегав вдоль и поперек весь Камдентаун, а заодно и большую часть Кентиштауна, они так и не нашли ни одной лавки, где бы имелась шерсть для починки волшебных ковров. Наконец они решили удовлетвориться пестрой шотландской шерстью, потому что она больше всего соответствовала мелкому узору ковра, и Джейн с Антеей засели за штопку. Пока они трудились, как проклятые, мальчики отправились прогуляться на улицу, а обретший доброе расположение духа Феникс мерил шагами стол (для промена-да, как он объяснил) и развлекал трудолюбивых сестричек историями о волшебном ковре.

— Нужно сказать, что это вам не какой-нибудь обыкновенный туповатый и неотесанный ковер из Киддерминстера, — вещал он. — У нашего ковра славное прошлое — персидское прошлое, заметьте. Известно ли вам, например, что в старые добрые дни, когда он принадлежал калифам, великим визирям, королям и султанам, никто не мог позволить себе держать его на полу.

— Я всегда думала, что ковры ткутся как раз для того, чтобы держать их на полу, — перебила его Джейн.

— Только не волшебные ковры! — строго заметил Феникс. — Да если бы каждый встречный и поперечный держал его на полу, от него сегодня вряд ли что-нибудь осталось бы. Да что там — он бы давно рассыпался в пыль! Нет, в старые добрые времена его одевали нежнейшим шелком, прошитым золотом и сказочными драгоценными камнями, и хранили в кедровых сундучках, отделанных жемчугом и слоновой костью. Ему доводилось покоиться и в сандаловых алтарях восточных принцесс, и в пропитанных розовым маслом сокровищницах западных королей. И уж, конечно, никто и никогда не мог позволить себе ходить по нему ногами — разве что во время загаданных путешествий, да и тогда считалось за правило снимать обувь. А вы...

— *Пожалуйста*, перестань! — сказала, чуть не плача, Джейн. — Ты же прекрасно знаешь, что никогда бы не вылупился из своего яйца, если бы наша милая мамочка не захотела, чтобы мы ходили по этому коврику.

— Да я против этого и не возражаю! Только вам все же следует обращаться с ним поосторожнее, — сказала птица. — Ну ладно, ладно, осуши поскорей свои прекрасные глазки, потому что я собираюсь рассказать вам удивительную историю об азиатском принце, принцессе Зулейке и волшебном ковре.

— Валяй! — сказала Антея. — То есть, я хотела сказать — расскажи, пожалуйста.

— Да будет вам известно, — начала птица, — что принцесса Зулейка, прекраснейшая из всех живших в те времена женщин, еще в колыбели подвергалась воздействию всевозможного волшебства. Ее бабушка была известной колдуньей, и...

Однако девочкам больше ничего не удалось узнать ни о зулейкиной бабушке, ни о самой принцессе, потому что в этот момент дверь комнаты с треском распахнулась, и на пороге появились запыхавшиеся Сирил с Робертом. Оба были явно чем-то взволнованы. На бледном челе Сирила выступили крупные капли пота, а красную физиономию Роберта, кроме всего прочего, украшала черная полоса сажи.

— Что это на вас обоих нашло? — спросил Феникс, а потом весьма оскорбленным тоном объяснил, что ему представляется невозможным рассказывание удивительных историй в обстановке, когда кто угодно может ворваться в дверь и прервать рассказчика на самом интересном месте.

— О, заткнись хотя бы на секунду! — сказал Сирил, бросаясь в кресло.

Роберт поспешил пригладить распушившиеся было золотые перья и произнес:

— Не обращай внимания, старина. Сирил вовсе не такая свинья, какой кажется. Дело в том, что случилась очень ужасная вещь, и твои истории вряд ли могут нам помочь. Да не сердись ты! Сначала выслушай, в чем дело.

— Ну, и в чем там у вас дело? — все еще Довольно сердито произнесла золотая птица. Антея и Джейн замерли над ковром, воткнув в воздух длинные иголки со свисающими с них длинными хвостами пестрой шотландской пряжи.

— Случилась самая ужасная вещь из всех, которые вы только можете себе представить, — сказал Сирил. — Наш вчерашний приятель — я имею в виду мистера взломщика — арестован полицией по подозрению в краже персидских кошек. Во всяком случае, так сказала женушка его брата.

— А ну-ка, давай с самого начала! — нетерпеливо воскликнула Антея.

— Ну, в общем, пошли мы с Сирилом к лавке гробовщика — знаете, там в витрине еще такие красивые фарфоровые цветы выставлены. Глядим, а там собралась такая огромная толпа. Ну, мы, конечно, побежали посмотреть — и надо же, навстречу нам два здоровенных бобби, а между ними наш бедняга взломщик. Они его тащат, а он упирается, кричит: "Говорю вам, этих котов мне *подарили!* Я подоил корову в одном камдентаунском доме, а они взамен отдали мне всю эту живность!". Народ, естественно, гогочет во всю глотку, как стая жеребцов. А потом один из полицейских и говорит, что раз он и впрямь доил кого-то в Камдентауне, так, значит, и адрес должен знать. Взломщик отвечает, что нет, адреса он не знает, но провести их туда может но сначала пусть его перестанут хватать за шиворот и дадут чуток отдышаться. Полицейские только еще пуще прежнего хохочут и говорят, что вот завтра утром в суде он может рассказывать любые сказки, какие захочет. Одним словом, взломщик нас не заметил, и мы потихоньку убрались восвояси.

— О, Сирил, как ты мог? — сказала Антея-

— Не будь идиоткой и пораскинь своими деревянными мозгами! — посоветовал ей Сирил, — Чего бы мы добились, если бы пришли к нему на помощь? Да никто бы не поверил ни единому нашему слову! Все бы подумали, что мы шутим, а то и, чего доброго, издеваемся Нет, мы поступили гораздо умнее. Рядом с нами в толпе был мальчишка, по виду местный. Ну, мы и спросили его, где живет наш взломщик. Тот объяснил, и вскоре мы с Робертом уже были в маленькой овощной лавчонке, что стояла неподалеку. Мы купили там немного американских орехов — вот, пожалуйста! — И он протянул девочкам пригоршню орехов. Те надменно отказались от угощения.

— Ну, не могли же мы зайти в лавку без всякого повода! Зато пока мы глазели на витрины и решали, что купить, нам удалось подслушать разговор взломщикова брата со своей женушкой (вообще-то, говорила только она). Так вот, она сказала, что как только наш приятель вернулся домой со всеми этими зверюгами, она сразу же заподозрила

неладное. Она ему так и сказала, но он ее ни черта не послушал и утром поперся на улицу с двумя самыми большими котами под мышкой. И еще пытался сгонять ее в лавку за голубыми ленточками для украшения кошачьих шей, бесстыжий, да она ему сказала, что когда ему за его кошачьи дела влепят три месяца принудработ, вот тогда она их и купит ради такого праздника, и вообще, таких безмозглых воров еще свет не видывал — надо же, увести Две сотни кошек, да еще пойти продавать их среди бела дня, когда у них у каждой на лбу по этикетке «Украдено» приклеено — и это вместо того, чтобы заниматься честным и благородным промыслом на вокзале, где и кошелька-то не всякий хватится, и болванов всяких полно, которые чемоданы оставляют, и...

— ХВАТИТ! — закричала Джейн. И вовремя, потому что Сирил уже не на шутку стаг напоминать заведенный до отказа будильник — из тех, что звонят в неурочный час и никак не могут остановиться. — Где он сейчас?

— В полицейском участке, — ответил за Сирила Роберт, ибо Сирил никак не мог отдышаться. — Тот мальчишка сказал, что сегодня его подержат в кутузке, а завтра утром потащат к судье. Эх, а я-то думал, что мы делаем доброе дело, дав бедняге немного подзаработать на наших кошках! Но теперь...

— Дорога в ад вымощена добрыми намерениями, — мрачно прокомментировал Феникс.

— Давайте побежим в тюрьму! — закричали обе девочки, вскакивая на ноги. — Нужно рассказать им всю правду. Они просто обязаны поверить нам.

— Как же! — сказал Сирил. — Да пораскиньте же мозгами, вы, две недотепы! Если бы к вам пришел первый попавшийся человек с улицы и рассказал подобную байку, вы бы поверили? Конечно нет, как бы ни старались. Мы только окончательно всех запутаем, а уж взломщику от этого точно лучше не станет.

— Но должны же мы хоть что-нибудь сделать! — сказала Джейн, подозрительно шмыгая носом. — О, мой миленький несчастенький взломщик! Я всего этого просто не вынесу. А помните, какой он сделался славный, когда стаг вспоминать про своего старика и корову Дэйзн? А как он божился, что навсегда расстанется с воровством? Милый Феникс, ты должен нам помочь! ты такой умный, хороший, красивый, замечательный! О, пожалуйста, скажи, что нам делать!

Феникс задумчиво почесал клюв янтарно-золотым когтем.

— Вам нужно освободить его, — сказал он наконец, — и спрятать в шкафу или буфете до тех пор, пока блюстители закона не забудут о происшедшем.

— Блюстители закона никогда ничего не забывают, — сказал Сирил. — К тому же, мы не можем спрятать его ни в шкафу, ни в буфете, ни даже в бочке с соленой капустой. В любой момент может вернуться папа, а если он вдруг обнаружит в доме взломщика, то поверит нам еще меньше, чем полицейские. Так всегда бывает, когда говоришь правду. Никто тебе не верит. А может, нам спрятать его в каком-нибудь другом месте?

Внезапно Джейн захлопала в ладоши.

— Ну, конечно же! — закричала она. — Мы отправим его на лазурный берег южного моря. Туда, где сейчас кухарка работает королевой. Мне кажется, вдвоем им

будет гораздо веселее

Эта идея пришла по душе всем присутствующим. Вот только было абсолютно неизвестно, согласится ли на это взломщик.

После краткого и маловразумительного совещания, участники которого так и не усвоили привычку говорить по-очереди и не перебивать остальных, было решено подождать до вечера, а затем навестить страдальца-взломщика в его мрачном узилище.

А тем временем Джейн с Антеей, как озверелые, накинулись на штопку ковра, надеясь до вечера полностью восстановить его волшебные качества. Они ужасно боялись, что во время перелета на лазурный берег, их драгоценнейший взломщик попадет ногой в оставшуюся незаштопанной дыру и будет безвозвратно утерян в просторах южных морей.

Обе служанки чувствовали себя немножко разбитыми после развеселой вечеринки у миссис Вигсон, а потому в тот вечер дом погрузился в сон гораздо раньше обычного. Как только Феникс доложил, что вчерашние гуляки самым добросовестным образом храпят в своих постелях, дети повыскакивали из-под одеял и ринулись в детскую. Все дело заняло у них несколько секунд, потому что, ложась спать, они не стали раздеваться, а просто накинули поверх своего будничного платья ночные сорочки — чего оказалось вполне достаточно, чтобы обмануть не в меру рассеянную Элизу, зашедшую к ним в спальню пожелать спокойной ночи и погасить газ. Итак все уселись на ковер, и Роберт сказал:

— Я хочу, чтобы мы оказались в мрачном узилище нашего приятеля взломщика.

В следующее мгновение они там оказались.

Полагаю, что каждый из вас представляет себе тюремную камеру как «заплесневелую нишу в подземелье под крепостным рвом» и ничуть не сомневается в том, что когда дети увидели своего дорогого взломщика, он был скован по рукам и ногам тяжелыми железными кандалами, приделанными к выступавшему из стены кольцу. Естественно, вы уверены еще и в том, что он метался в горячечном бреде на заменявшей ему постель охапке грязной соломы, возле которой стоял треснувший кувшин с водой и валялась заплесневелая корка хлеба. Что до Роберта, так он настолько был в этом уверен, что, памятуя о недавнем знакомстве с французским подземельем, даже прихватил с собой свечу и спички.

Ни то, ни другое ему не понадобилось.

На поверку тюремная камера оказалась небольшой, чисто выбеленной комнатой размером шесть на двенадцать футов. На одной из стен было приделано нечто вроде слегка наклоненной внутрь полочки, на которой лежали два матрасика — желтый и синий — и надувная резиновая подушка. На этих матрасиках, в свою очередь, привольно раскинулся во сне взломщик, положив одну руку под голову, а другую свесив на пол. (Дети, конечно же, не могли знать, что он только что весьма плотно отчаевничал — еду ему принесли из расположенного по соседству магазина, а чай выделили за счет тюрьмы). Эта мирная сцена освещалась ярким газовым фонарем, горевшим в проходе за дверью камеры, которая, к слову сказать, была оснащена оконцем для наблюдения, за сделанным толстым стеклом

— Значит так! — принялся командовать Роберт — Я чакрую ему рот, Сирил

будет дер жать его за руки, а девчонки с Фениксом будут нашептывать ему на ухо всяческие ласковые слова, пока он окончательно не проснется.

К сожалению, этому блестящему плану не суждено было осуществиться, потому как взломщик, к вящему удивлению остальных, Даже во сне был гораздо сильнее, чем Роберт с Сирилом вместе взятые, и при первом же прикосновении Роберта вскочил на ноги, прокричав что-то малопонятное, но очень и очень громкое.

В тот же момент снаружи послышались шаги. Антея обвила взломщика руками и прошептала:

— Это мы — те самые, что подарили вам кошек! Мы пришли спасти вас. Только, пожалуйста, не выдавайте нас! Мы можем тут где-нибудь спрятаться?

Тяжелые башмаки надсмотрщика простучали по каменным плитам коридора и остановились рядом с камерой.

— Эй, там, в камере! А ну-ка, прекратить шум! — прозвучал грубый голос.

— Все в порядке, начальник, — ответил взломщик, пытаясь высвободиться из цепких объятий Антеи. — Это я так, во сне поговорил малость. Все нормально.

Дети переживали самый ужасный момент в своей жизни. Войдет в камеру обладатель тяжелых ботинок или нет? Да! Нет!

Снова раздался неприятный голос:

— Ну ладно, пока я тебя прощаю, но на будущее — лежи смирно и не вздумай больше орать.

И тяжелые ботинки удалились прочь по коридору, поднялись по каменным ступеням лестницы и успокоились неведомо где и на чем.

— Слава Богу! — прошептала Антея.

— А теперь, — сказал взломщик, нетвердым от изумления голосом, — выкладывайте, как, черт побери, вы тут оказались?

— Прилетели на ковре, — откровенно призналась Джейн.

— Кончайте туфту молоть! — разобиделся взломщик. — Одного из вас я еще, пожалуй, смог бы проглотить и притащить сюда, но не всех же четверых разом! Да еще вместе с этой желтой курицей!

— Послушайте! — строго сказал Сирил. — Вы бы наверняка не поверили, если бы кто-нибудь вам сказал, что в детской одного камден-таунского дома вам придется доить корову и общаться с без малого двумя сотнями кошек. Ну как?

— Как пить дать не поверил бы, — тут же согласился взломщик. При воспоминании и корове и кошках он даже немного охрип. — Разрази меня гром, если бы поверил!

— Вот видите! — заспешил Сирил, не давая ему опомниться. — Так, значит, теперь вам просто необходимо верить всему, что мы ни скажем, и действовать соответствующим образом. Это пойдет вам только на пользу. — В этом месте он для вящей убедительности понизил голос до шепота. — Во всяком случае, хуже, чем теперь, вам уж точно не будет. Если вы доверитесь нам на всю катушку, мы быст ренько вытащим ваг из этой клетки Том более, что никто не видел, как мы сюда входили. Ну как, решено? Отлично! Вопрос только в том, куда бы вы хотели отправиться?

— Я был бы не прочь съездить в Булонь, — неэймедлительно ответил взломщик

— Всю жизнь меч гал прокатиться по морю на этом... — как его? — «первоклассном лайнере», да вот только в нужный момент никогда денег под рукой не оказывалось.

Но ведь Булонь — это такой же огромный город, как и Лондон, — сказал никудышный географ Сирил, увеличивая население французской рыбацкой деревушки раз в пятьсот. — На что вы собираетесь там жить?

Взломщик в задумчивости поскреб свою кудлатую голову.

— В наше время честному человеку везде трудно прожить, — сказал он, и голос его был тих и печален.

— Вот уж верно, так верно, — сочувственно вздохнула Джейн. — А что если вам предложат перебраться на лазурный берег южного моря, где можно целыми днями бить баклуши и делать только то, что хочешь?

— Вот это по мне, мисс! — оживился взломщик. — Я, знаете ли, никогда особо не бегал за работой — не то что некоторые, которым за весь день и попить-то некогда.

— И что же, вы за всю жизнь пальцем о палец не ударили? — прокурорским тоном спросила Антея.

— Как это не ударил? Да побойтесь Бога, мисс! Еще как ударил! — взволнованно зачастил взломщик. — Да меня с огорода за уши было не вытащить. Я бы, наверное, стал самым лучшим садовником в графстве, да мой старикан загнулся, оставив меня сиротой, а потом...

— Отлично! — перебила его Джейн. — Вот поедете с нами на лазурный берег южного моря, увидите там такие цветы, что забудете, как вас зовут!

— Кроме того, там живет наша прежняя кухарка, — сказала Антея. — Теперь она королева-

— О, погодите! — возопил взломщик, вцепившись руками себе в волосы. — Опять то же самое! Как только я увидел всех этих кошек вместе с коровой, я понял, что это мне вроде как наказание на всю жизнь. Вот и сейчас у меня опять голова крутом идет — того и гляди, скоро на луну выть начну! Ладно, если вы и впрямь можете вытащить меня отсюда, то вытаскивайте поскорее, а нет — так проваливайте вместе со своим попугаем и чтобы я вас больше в жизни не видел! Мне еще, между прочим, надо покумекать, что завтра утром заливать судье.

— Идите к нам на ковер! — сказала Антея, хватая взломщика за руку и таща за собой. Остальные дружно подталкивали сзади, и вскоре бедолага уже возвышался посреди ковра. Как только все были готовы для путешествия, Антея сказала: «Хочу, чтобы мы оказались на лазурном берегу, где живет королева-кухарка». Не успела она прошептать последние слова, как они уже были там. Как и в прошлый раз, вокруг них простирались радужно искрящиеся пески и бушевал зеленый пожар тропических зарослей, в самом центре которого, украшенная венком из ослепительно белых цветов, восседала помолодевшая и похорошевшая от вольготной жизни кухарка.

— О, милая кухарка, какая вы у нас красивая! — первым делом выпалила Антея, когда все ее внутренние органы, основательно перевернутые во время полета, снова встали на свои места.

Взломщик стоял на песке, шурясь на жгучее тропическое солнце и дико озираясь по сторонам. Но куда бы он ни глянул, везде были лишь непривычно голубая вода,

нездешне яркая зелень да невыносимо желтый песок. Чтоб мне в жизни больше пенса в руках не держать! — задумчиво произнес он. — А вообще-то, черт с ним, с пенсом! Здесь, кажется, и без него хорошо.

Кухарка восседала на поросшем травкой ход мике, а вокруг нее толпились ее меднокожие подданные. Взломщик неуверенно наставил на них свой заскорузлый палец.

— Эти парни — они ручные или как? — озабоченно спросил он. — Надеюсь, у них нет привычки кусаться, царапаться и кидаться отравленными стрелами? А то, еще бывает, что возьмут заточенную раковину и...

— Что ж вы так робеете-то, мистер? — спросила кухарка. — Знаете, тут у нас сон и ничего больше, а теперь еще и вы будете. А раз это сон и ничего больше, то у нас тут не принято ломаться — знаете, говорить, что тебе не по душе и молчать о том, что думаешь. Так вот, раз я могу говорить, что мне вздумается, то я и говорю, что вы самый обаятельный мужчина, которого я видела в жизни — вот чтоб мне сдохнуть! — и я рада, что вы с нами будете. А насчет сна скажу, что он, похоже, уже никогда не кончится, если, конечно, вы того не пожелаете. А зачем желать, если тут все как по-настоящему? Еда и питье такие же, как в обычной жизни, только гораздо вкуснее...

— Послушайте, мисс, — сказал взломщик. — Я здесь прямо из полицейского участка, но вот эти ребята подтвердят вам, что меня туда засунули ни за что.

— Гм! Вообще-то, вы же были всамделишным взломщиком, — не могла сдержаться до бестактности честная Антея.

— Так это только потому, что эти грязные воришки обчистили меня в пивнушке! Кому об этом знать, как не вам, мисс, — торопливо отвечал бывший преступник. — Пропади я пропадом, если это не самый жаркий январский денек, который я видел на своем веку, — добавил он, дипломатично меняя тему разговора.

— Не желаете ли искупаться? — предложила королева. — После ванны я прикажу выдать вам такую же белую одежонку, как у меня.

Спасибочки, конечно, мисс, — ответил взломщик, — но, по правде говоря, я в этих шмотках сойду разве что за шута горохового. А вот насчет ванны я очень даже горазд. Да не беспокойтесь вы — я в рубашке похожу. Она у меня всего лишь две недели тому назад стирана.

Роберт с Сирилом сопроводили его к небольшому, со всех сторон окруженному скалами озерцу. Взломщик с наслаждением выкупался, а потом, надев брюки и рубашку, с заговорщицким видом подсел к мальчикам.

— Эта самая кухарка, или королева, или не знаю, как вы там ее называете... Ну, в общем, та мисс с букетом на голове мне очень по вкусу. Как вы думаете, она согласится пойти за меня?

— Я могу спросить, — сказал Роберт.

— Да нет, спасибо. Это уж по моей части, — сказал взломщик. — У меня это, знаете, всегда быстро получалось.

Через несколько минут взломщик, в своей парадной рубашке и венке, который Роберт торопливо сплел ему из каких-то чрезвычайно пахучих цветов, собранных по дороге на пляж, предстал перед августейшей кухаркой и обратился к ней с такими

словами:

— Послушайте, мисс, раз уж нам с вами суждено одним-одинешеньким оставаться в этом самом вашем сне — или как вы его там — называете, — то я хочу сказать вам начистоту, без всяких там «здрасьте» и «как поживаете», что вы мне приглянулись.

Кухарка улыбнулась и застенчиво отвела взгляд.

— Я, знаете ли, человек одинокий — можно сказать, самый настоящий «голостяк». А характер у меня чисто ангельский — вот, ребяташки могут подтвердить, что не вру А потому я и говорю: что бы нам не сходить на танцульки в следующую субботу?

— Ой! — смущенно воскликнула кухарка — Больно уж вы прыткий, мистер!

— Если вы ее приглашаете на танцульки, значит собираетесь жениться, — сказала Антея — А почему бы вам не пожениться прямо сейчас и покончить с этим раз и навсегда? Я бы на вашем месте...

— Да я, вообще-то, не против, — сказал взломщик. Но кухарка знала себе цену.

— Нет уж, мисс! — твердо заявила она. — Я не такая, да будет вам известно. Я, конечно, ничего не имею против этого парня, да и выглядит он, что принц Уэльльский, но я давно поклялась себе, что если когда и выйду замуж, то только в церкви и с самым настоящим викарием. А у этих дикарей и регистрационного-то отдела нет, не то что церкви с викарием. Я бы, конечно, могла их научить регистрировать новобрачных, так они ведь не захотят. Нет, мистер, спасибо, стало быть, за предложение, но если вы не сможете найти мне настоящего викария, я уж лучше помру старой девой.

— Послушайте, взлом... э-э-э... милый друг, вы женитесь на ней, если мы раздобудем вам викария? — настаивала Антея, как заправская сваха.

— Насчет меня, мисс, можете быть увере-ньк я согласен, — отвечал он, поправляя съехавший на ухо венчик. — Вот черт! Как только эти черные парни ухитряются удерживать свои букеты на голове?!

С максимально возможной быстротой ковер был разложен на песке и проинструктирован насчет доставки викария. Инструкции были наспех намалеваны на тыльной стороне сириловой кепки при помощи кусочка мела, увиденного Робертом у бильярдного маркера линдхерстовского отеля. Ковер тут же исчез и, прежде чем кто-либо успел по-настоящему удивиться, появился снова, имея на себе преподобного Септимуса Бленкинсона.

Преподобный Септимус был во всех отношениях замечательным молодым человеком. Единственным его недостатком была полупрозрачность и размытость очертаний. Дело в том, что, обнаружив у себя в кабинете незнакомый ковер, он, естественно, зашел на него и нагнулся, чтобы рассмотреть поближе. К сожалению, при этом он ступил на одну из наспех заштопанных Антеей залысин, так что одна его нога оказалась на настоящем волшебном ворсе, а другая — на заплате из шотландской пестрой шерсти, которая, как известно многим домохозяйкам, никакими волшебными свойствами не обладает.

В результате этого досадного происшествия он присутствовал на лазурном берегу лишь наполовину, и дети могли видеть сквозь него различные предметы, как если бы он был привидением. Что же до самого преподобного Септимуса, то он вполне четко

различал стоявших перед ним детей, кухарку и взломщика. Но еще четче перед ним вырисовывались очертания его родного кабинета — он видел книги, картины и великолепные мраморные часы, подаренные ему, когда он уходил с последнего места службы.

А так как все происходившее с ним он принял за особого рода нервический припадок, то ему было все равно, чем во время него заниматься — и он обвинил взломщика с кухаркой. Последняя, правда, заявила, что предпочла бы викария посолиднее — ей вообще не нравятся современные молодые люди, которых так и видишь насквозь, — но потом, немного поразмыслив, согласилась, что для сна и такой сгодится.

К тому же, преподобный Септимус, каким бы туманным и расплывчатым он ни казался, все же был самым настоящим викарием и в качестве такового мог венчать людей, сколько ему вздумается. Когда церемония окончилась, он принялся бродить по острову и собирать образцы тропических растений. Он был заядлым натуралистом, и эту его страсть не смог бы подавить никакой — даже самый сильный — нервический припадок.

А потом состоялся роскошный свадебный пир. Интересно, можете ли вы представить себе Антею, Джейн, Роберта и Сирила, выделяющихся рука об руку с меднокожими туземцами самые невероятные па вокруг счастливых новобрачных — королевы-кухарки и принца-взломщика? А уж цветов-то было столько, сколько вам за всю жизнь не собрать и даже не увидеть!

Когда дети стали готовить ковер к возвращению домой, бывший преступник и новоиспеченный супруг поднялся на ноги и произнес прощальную речь.

— Леди и джентльмены, — сказал он, — а также уважаемые дикари обоих полов! (Дикари, конечно, не поймут ни буквы из того, что я говорю, но на это мы обращать внимания не будем). Если это сон, то, значит, я сплю. Если это не сон, что ж, тем лучше! Ну, а если это ни то, ни се — то есть, что-то среднее, — то я, право, и не знаю, что сказать, а потому ничего говорить и не буду. Скажу только, что я не хочу возвращаться в лондонское высшее общество (что-то я от него устал), и особенно теперь, когда рядом со мной моя женушка, а вокруг меня — целый остров, на котором я могу делать, что захочу. И пусть меня похоронят заживо, если я не выращу здесь такую первоклассную спаржу, что у самого судьи отвалится челюсть, когда он увидит ее на ближайшей садоводческой выставке! Единственное, чего я прхлпу, так это чтобы эти brave молодые леди и джентльмены переслали мне в сон немножко — на пенни, не больше — семян петрушки, да на два пенни семян редиса, да на три пении лука, да — чего уж там! — на четыре-пять пенсов капуста (только по-честному предупреждаю, цветную капусту я не возьму). Да, еще одно! Заберите, пожалуйста, с собой викария. Я терпеть не могу людей, через которых все видно, как на ладони. Ну, а теперь — за ваше здоровье и прощайте! — И, подняв к губам скорлупу кокосового ореха, наполненную душистым пальмовым вином, он осушил ее одним глотком.

Было уже далеко за полночь, хотя на острове время только-только подходило к чаю.

Напутствуемые самыми лучшими пожеланиями островитян, дети отбыли домой.

По пути они забросили полупрозрачного викария в его чистенький маленький кабинет с книгами, картинами и памятным часами.

На следующий день Феникс любезно согласился отнести взломщику заказанные им семена. Вернувшись, он обрадовал детей наилучшими новостями о счастливой семейной паре.

— Он сделал деревянную лопату и без усталости трудится на огороде, — рассказывал он. — А она тем временем вяжет ему брюки и рубашку — и то, и другое ослепительной белизны.

Полицейские так никогда и не узнали, каким образом взломщику удалось сбежать из тюрьмы. В полицейском участке на Кантиш-Таун-Роуд об этом происшествии до сих пор не любят говорить, а уж если приходится, то непременно понижают голос, как если бы это было опасным святотатством.

Что же до преподобного Септимиуса Бленкинсона, то он посчитал, что ему довелось пережить до сих пор не описанный в медицинской практике нервический припадок, несомненно, вызванный переутомлением. А потому, прихватив с собой двух своих пожилых тетюшек, он отправился в Париж, где они втроем совершили головокружительно быстрый обход всех имеющихся там музеев и картинных галерей. После этого они вернулись домой, ощущая глубокое удовлетворение от того, что им наконец удалось повидать жизнь, какая она есть. Септимиус, естественно, никому и словом не обмолвился о необычной свадьбе на лазурном берегу — ему ужасно не хотелось, чтобы кто-нибудь прознал о том, что у него случаются нервические припадки, какими бы необычными и интересными с медицинской точки зрения они ни были.

Глава X

ДЫРА В КОВРЕ

Ура! Ура! Ура-ма!
Сейчас приедет мама,
Сейчас приедет мама —
Ура! Ура! Ура-ма!

Эта немудреная песенка, которую Джейн исполнила непосредственно после завтрака, настолько умилила Феникса, что у него на глазах выступили сверкающие янтарные слезы.

— О! — с чувством произнес он. — Как трогательны эти знаки дочерней любви!

— Вообще-то, она приедет только поздно вечером, — сказал Роберт. — Так что у нас еще есть целый день для того, чтобы куда-нибудь прокатиться на ковре.

Нет, вы не подумайте, Роберт был тоже рад, что мама наконец возвращается домой. Может быть, он был рад даже больше других, потому что очень скучал без мамы, но, с другой стороны, к этой его радости странным образом примешивалось святотатственное чувство огорчения по поводу того, что теперь они не смогут улетать из дому на целый день.

— Было бы здорово прокатиться куда-нибудь и принести маме подарок, да вот только она первым делом пожелает узнать, где мы его взяли, — сказала Антея. — И уж, конечно, она ни за какие коврижки не поверит, если мы расскажем ей все по-правде, Люди вообще не верят, когда им говоришь правду, и тут уж ничего не поделаешь.

— Вот что я вам скажу, — вступил Роберт. — А что если мы загадаем коврику отнести нас в такое место, где полным-полно потерянных кошельков? Впрочем, нам много-то и не надо. Мы бы взяли один и закупили бы маме всяческих подарков.

— А что если, — охладил его пыл Сирил, — он отнесет нас в какую-нибудь заграничную Тьмутаракань и там будет полным-полно каких-нибудь расшитых золотом да серебром арабских кошелечков, и в них, естественно, будет полным-полно каких-нибудь арабских денег, которые у нас и деньгами-то не считаются, а идут за кольца в нос? Представляю, как мы с ними намаемся! Мало того, что у нас их никто брать не будет, так еще нас вконец замучают расспросами, откуда мы наворовали все это барахло, и в конце концов придется этот кошелечек вместе с денежками выбросить в Темзу.

Произнося эту тираду, он изо всех сил ворочал тяжелый стол, пытаясь в одиночку стащить его с ковра. Как и все тщеславные выходки, кончилось это плохо. Одна из ножек зацепилась за самую большую из заплат, наложенных накануне Антеей, и начисто оторвала ее — а вместе с нею и порядочный кусок собственно ковра.

— Я так и знал, что ты его когда-нибудь прикончишь! — сказал Роберт.

Неизвестно, что бы тут стало с Сирилом, если бы не Антея. Антея оказалась первоклассной сестричкой. Не говоря ни слова, она проворно достала моток пестрой

шотландской шерсти, ножницы, иголку, наперсток и принялась, как бешеная, чинить ковер. Это мирное занятие помогло ей преодолеть недостойное желание высказать Сирилу все, что она хотела высказать в первый момент, а потому она лишь сочувственно и дружелюбно произнесла:

— Да не расстраивайся ты, Синичка. Сейчас он будет как новенький.

В ответ Сирил нежно похлопал ее по спине. Он прекрасно догадывался о том, что она чувствовала в этот роковой момент, и не хотел показаться неблагодарным братом.

— Если уж мы начали говорить о всяческих заграничных кошельках, — сказал Феникс, задумчиво почесывая сияющим золотым когтем то место, где у людей бывают уши, — то вам следует с самого начала определить количество денег, которое вы собираетесь найти, а также страну и достоинство каждой монеты. Боюсь, вам не очень-то понравится наткнуться на кошелек, в котором будет всего лишь три обола.

— А сколько это будет по-английски?

— Обол равняется двум с половиной пенсам — или что-то около того, — ответил Феникс

— И еще, — подхватила Джейн, — если мы найдем потерянный заграничный кошелек, то, значит, до этого его непременно кто-то потеряет и нам придется сдать его в полицию.

— Вот и я говорю, — заметил Феникс, — что данная ситуация чревата разнообразными трудностями.

— А если мы снова найдем спрятанное сокровище? — с надеждой спросил Сирил — Только на этот раз не должно быть никаких наследников.

— Вот в *это* мама точно не поверит! — хором воскликнули остальные дети.

— Ладно! — сказал Роберт. — А как насчет того, чтобы попросить ковер отнести нас в такое место, где мы сможем найти кошелек, вернуть его владельцу и получить за свой благородный поступок скромное вознаграждение?

— Ты прекрасно знаешь, Бобс, что нам запрещено брать деньги у незнакомцев, — сказала Антея, завязывая узел на конце толстой шерстяной нитки (чего, да будет вам известно, ни в коем случае нельзя делать, когда вы штопаете ковры пестрой шотландской шерстью Впрочем, это в равной степени касается любых других вещей, включая носовые платки и парашюты).

— Да, боюсь, что все бесполезно, — сказал Сирил. — Давайте оставим эту затею и лучше отправимся открывать Северный полюс или какие-нибудь другие неоткрытые места.

— Нет! — стояли на своем девочки. — Мы просто обязаны что-нибудь придумать.

— А ну-ка, помолчите немножко! — вдруг закричала Антея. — Кажется, ко мне в голову стучится идея. Да замолчите же вы!

Некоторое время Антея сидела посреди всеобщей тишины, задумчиво штопая воздух, а затем сказала.

— Я поняла! Нам нужно попросить ковер отнести нас в такое место, где мы сможем Добыть денег на подарок маме, причем... э-э-э.. причем мы должны сделать это так, чтобы мама нам поверила и не заподозрила ничего дурного. Вот!

— Как я погляжу, ты все-таки научилась испльзовать ковер на всю катушку, —

сказал Сирил, и в его тоне было гораздо больше уважения и сердечности, чем обычно. Правда, он еще не забыл о том, как Антея выручила его, когда он порвал ковер.

— Вынужден признать, что это так, — согласился Феникс. — Однако вы не должны забывать о пословице: «Что с возу упало, то пропало».

В тот момент никто не обратил на его слова ни малейшего внимания, но позднее они категорическим образом напомнили о себе

— Поторапливайся, Пантера! — нетерпеливо выкрикнул Роберт, и Антея с удвоенной силой (и, к сожалению, скоростью) принялась зашивать ковер. Эта ее торопливость и послужила причиной тому, что заштопанное место посреди ковра больше напоминало сотканную нерадивым пауком паутину, нежели прочную шерстяную заплату, каковую обязана уметь накладывать каждая хорошая девочка.

Затем дети принялись натягивать на себя верхнюю одежду, а Феникс взлетел на каминную доску и стал вертеться перед зеркалом, оправляя свои золотые перья. Когда с приготовлениями было покончено, все быстренько забрались на ковер.

— Милый ковер, поезжай потише, пожалуйста! — начала Антея. — Нам очень хочется посмотреть, куда мы сегодня полетим. — Затем она высказала вслух свое непростое желание.

В следующий момент ковер — как всегда таких случаях, упругий и эластичный, как резиновый спасательный плот — уже неторопливо плыл над крышами Кентиштауна.

— Хотела бы я, чтобы... Ой! Нет, нет, я ничего не хотела! То есть, я хотела сказать, какая жалость, что мы летим так низко, — выпалила Антея, когда ковер в очередной раз проехался на брюхе по печным трубам одного из домов.

— Вот именно, нужно тщательно выбирать слова, — сказал Феникс, предостерегающе поднимая коготь. — Если вы чего-нибудь захотите на волшебном ковре, то это зачтется вам за полновесное желание, и делу конец.

Его слова возымели действие — некоторое время полет проистекал в полном молчании. Ковер величественно проплыл сначала над куполами вокзалов Сент-Панкрас и Кингз Кросс, потом над запруженными людьми улицами Клеркенуэлла. Судя по всему, снижаться он пока не собирался,

— Похоже, мы направляемся в сторону Гринвича. — сказал Сирил, когда они пересекали полосу темной, волнующейся воды, в которой дети не сразу признали Темзу. — Если повезет то увидим Дворец.

Ковер летел все дальше и дальше, по-прежнему держась в опасной близости от крыш и печных труб, что детям вовсе не нравилось (с другой стороны, им в мельчайших подробностях было видно все, что происходило внизу) — И все было бы хорошо, если бы в тот момент, когда они пролетали над Нью-Кросс, не случилась ужасная вещь.

Джейн с Робертом сидели на самой середине ковра, причем большая (и самая тяжелая) часть обоих приходилась на огромную дыру, несколько минут тому назад наспех заделанную Антеей.

— Вокруг меня все как в тумане, — пожаловалась Джейн. — Такое ощущение, что я одновременно на улице и в нашей детской. Надеюсь, что это не корь, а то когда я

последний раз болела корью, все было вот так же странно и туманно.

— Знаешь, у меня точно такое же ощущение, — сказал Роберт.

— Это все из-за дыры, — объяснил Феникс. — А ваша причудливая болезнь тут ни при чем.

Естественно, Джейн с Робертом не желали ни кори, ни дыры, а потому решили перебраться на более надежное место. К сожалению, они решили сделать это одновременно, и под совместным нажимом их патентованных кожаных ботс сплетенная Антеей паутинка не выдержала, подалась и осыпалась вниз, увлекая за собой незадачливую пару. Секунду-другую Роберт и Джейн еще отчаянно пытались уцепиться ногами за ковер, а затем более тяжелые части их тела — я имею в виду головы — перетянули, и они с воплями обрушились на близлежащую крышу высокого, потемневшего от времени и весьма благообразного дома под номером 705 по Эмерсхем-Роуд, что в районе Нью-Кросс. К счастью, обрушиваться пришлось недолго — до крыши было немногим более метра, — и еще через секунду они уже сидели на обитой свинцовыми пластинами крыше, обалдело мотая головами.

А ковер, избавившись от лишнего груза, словно бы почувствовал новый прилив энергии и незамедлительно взмыл вверх. Перепуганные Сирил и Антея, бросившись плашмя на истертый ворс, осторожно высунули головы варужу и беспомощно глядели на удалявшиеся фигурки Роберта и Джейн.

— Вы не расшиблись? — кричал Сирил.

— Нет! — прокричал ему в ответ Роберт. В следующий момент ковер наддал изо всех сил, и Роберт с Джейн скрылись из виду за частоколом дымовых труб.

— Какой ужас! — сказала Антея.

— Могло быть и хуже, — философски заметил Феникс. — Полагаю, вы бы чувствовали себя совсем по-другому, если бы эта заплатка отвалилась, скажем, на середине Темзы.

— Вот именно, — сказал Сирил, постепенно приходя в себя. — С ними все будет в порядке. Поорут немножко — глядишь, кто-нибудь и снимет их оттуда. А если не поможет, будут бросать вниз свинцовые пластины, чтобы привлечь внимание прохожих. У Бобса есть полтора пенса — слава Богу, что ты, Пантерочка, позабыла зашить мой карман и я отдал их ему на хранение. Так что они спокойненько могут прокатиться до дома на трамвае.

Однако Антея была безутешна.

— Это я во всем виновата, — убивалась она, — Я же знаю, как нужно по-настоящему штопать ковры. Но Роберт так торопил меня, что я схалтурила. Давайте скорее полетим домой, и я зашью его твоими итонскими штанами — вот уж, действительно, ничего крепче не бывает! — а потом мы отправим его за Робертом и Джейн

— Ну хорошо, — сказал Сирил, — но только твоя выходная куртка по крепости ничуть не уступит моим «итонам». Ладно, придется нам повременить с маминым подарком. Я желаю, чтобы...

— Погоди! — воскликнул Феникс. — Ковер пошел на посадку!

Действительно, так оно и было.

Ковер медленно, но неуклонно снижался, пока наконец не приземлился посреди тротуара на Дептфорд-Роуд. В двух футах от земли он наклонился одним концом, и Сирил с Антеей величественно, как королева с принцем-консортом по ступеням Виндзордского дворца, сошли по нему на мостовую. После этого ковер свернулся и спрятался за столбик ближайших ворот. Он сделал это так стремительно, что ни одна живая душа на Дептфорд-Роуд ничего не заметила. Едва Феникс успел с шуршанием зарыться в недра сирилова пальто, как над головами у детей раздался хорошо знакомый им голос:

— Вот тебе и на! А вы-то что тут делаете? Перед ними стоял не кто иной, как их веселый, добрый, щедрый и бесконечно любимый дядюшка Реджинальд.

— Вообще-то, мы собирались сходить в Гринвичский Дворец и узнать все насчет старика Нельсона, — сказал Сирил, открывая дяде Реджинальду ту часть правды, которую ему полагалось знать.

— А где же тогда остальные? — осведомился дядя Реджинальд.

— Вообще-то, я не знаю, — ответил (на этот раз абсолютно откровенно) Сирил.

— Ну ладно, — сказал дядя Реджинальд. — Мне надо бежать. В суде графста сейчас будет слушаться мое дело. Самое плохое в работе адвоката заключается в том, что никогда невозможно расслабиться — даже когда очень хочется. Эх, сгонять бы с вами в картинную галерею, а потом всем вместе пообедать в «Корабле»! Но увы, работа есть работа.

И тут дядюшка Реджи полез в карман.

— Но, раз я сам не могу развлечься — сказал он, — то это вовсе не значит, что вы должны отказывать себе в этом удовольствии. Вот, разделите эту монетку на четверых, и, клянусь честью, результат этого математического действия не обманет ваших ожиданий. Ладно, ведите себя хорошо — адью!

И, беззаботно помахав на прощание зонтом, веселый и щедрый дядюшка (на этот раз на нем был до нелепого солидный черный цилиндр) удалился по своим делам, оставив Сирила с Антеей обмениваться красноречивыми взглядами над подлежащим четырехкратному разделу совершеном, весело посверкивавшим в ладони Сирила.

— Ого! — сказала Антея.

— Ага! — отвечал Сирил ей в тон.

— Угу! — выставил клюв из-под сирилова пальто Феникс.

— Это все наш милый старина ковер! — радостно воскликнул Сирил.

— Видите, как ловко он все устроил? — сказал Феникс, и в его голосе слышалось неподдельное восхищение. — Он выбрал самое простое и гениальное решение.

— О Господи, какая я все же свинья! — вдруг спохватилась совестливая Антея. — Я же совсем забыла о бедных Роберте и Джейн. Давайте скорее полетим домой, и я почию ковер.

Они быстро развернули ковер — им приходилось действовать с максимальной скрытностью, чтобы не привлечь внимание прогуливавшейся по Дептфорд-Стрит общественности — и погрузились на него, избегая приближаться к страшной дыре в его сердцевине. Затем Антея пожелала оказаться дома, что и было немедленно исполнено.

Щедрость замечательного дядюшки Реджинальда спасла сириловы «итоны» и антееву выходную куртку от печальной перспективы быть изрезанными на заплаты для ковра. Вместо того, оставив Антею сшивать воедино разошедшиеся края дыры, Сирил отправился в ближайшую лавку и купил там порядочный кусок американской клеенки, которой бережливые домохозяйки имеют обыкновение покрывать комоды и кухонные столы. Это был самый прочный материал, о котором Сирил только мог помыслить.

Затем они с Антеей принялись мастерить из клеенки подкладку для ковра и прошивать ее толстыми нитками. Эта работа заняла много времени, и Сирил, на которого отсутствие двух младших членов семьи производило весьма тягостное впечатление, начал всерьез подумывать о том, что Роберту с Джейн не так-то просто будет «прокатиться до дома на трамвае». Он изо всех сил старался помочь Антее, что, конечно, было очень любезно с его стороны, но, скажем прямо, приносило больше вреда, чем пользы.

Феникс молча наблюдал за трудовыми подвигами детей, но было видно, что им тоже постепенно овладевает беспокойство. Он то и дело потягивался, расправлял и складывал свои золотые крылья, становился то на одну, то на другую лапу и вообще вел себя как спринтер, ожидающий стартового выстрела. Наконец он сказал:

— Нет, я больше не могу выносить этого напряжения! Стоит только подумать о том, что мой верный Роберт, который положил мое яйцо в огонь и постоянно давал мне приют во внутреннем кармане своего норфолкского одеяния... О, нет! Надеюсь, вы извините меня...

— Да, конечно! — воскликнула Антея. — Нам нужно было раньше об этом догадаться.

Сирил открыл окно. Феникс взмахнул своими сияющими крыльями и в одно мгновение растворился в хмуром январском небе.

— Ну *теперь-то* все будет хорошо! — сказал Сирил, взял иголку, прицелился и изо всех сил вонзил ее себе в руку.

Конечно же, для меня не секрет, что все это время вам было не очень интересно читать про то, что делали Антея с Сирилом. На самом деле вы сгорали от нетерпения узнать, что произошло с Робертом и Джейн после того, как ковер вывалил их на оцинкованную крышу дома под номером 705 по Эмерсхем-Роуд.

Но мне, видите ли, сначала нужно было рассказать именно о Сириле с Антеей. Признаться, меня не меньше вашего раздражает, что я не могу рассказывать одновременно обо всем, но такова уж нелегкая доля всех писателей — и читателей тоже.

Когда до Роберта дошло, что он больше не сидит на ковре, а лежит на холодных, мокрых, скользких и не очень чистых свинцовых пластинах чьей-то неведомой крыши, он выразился примерно в таком духе:

— Ну ничего себе!

Джейн же попросту разрыдалась.

— Ну же, успокойся, Киска, не будь такой несусветной плаксой! — успокаивал ее брат. — Все будет в порядке, вот увидишь.

Затем, как и предсказывал Сирил, он принялся оглядываться по сторонам, в надежде найти что-нибудь подходящее для сбрасывания на головы прохожим, до которых, ввиду большой высоты и присущей всем прохожим глухоты, докричаться не представлялось возможным. Как назло, ему ничего не попадалось под руку — на крыше не было ни камушка, не говоря уже о какой-нибудь завалящей черепашке. Свинцовые пластины были так плотно подогнаны друг к другу, даже и не собирались разлучаться. Однако, как всегда бывает в подобных случаях, гоняясь за одним, они нашли другое — а именно люк, ведущий, по всей видимости, непосредственно на чердак дома.

И на этом люке не было замка.

— Эй, Джейн! А ну-ка, кончай хныкать и иди сюда! — бодрым тоном обратился к сестре Роберт. — Помоги мне поднять этот люк. Если нам удастся пробраться в дом, то, если повезет, мы сможем дойти до самых дверей незамеченными. Давай — раз, два, три!

Они толкали крышку люка до тех пор, пока она не встала под прямым углом к крыше, а затем сунули головы в открывшееся под ними отверстие. Пока они, напрягая зрение, всматривались в царивший на чердаке полумрак, крышка предательским образом свалилась на свинцовую облицовку крыши. Вызванный этим событием грохот пробудил к жизни необычное и ужасное в данных обстоятельствах эхо — снизу, из темных чердачных недр, донесся душераздирающий женский вопль.

— Нас накрыли! — отчаянно прошептал Роберт. — Ну теперь-то мы точно влипли!

Их действительно «накрыли».

Чердак, на который они с таким вожделием обращали свои взоры, по совместительству служил кладовой. Там было полно разных коробок, сломанных стульев, старых каминных решеток, деревянных картинных рам и всякой прочей всячины, среди которой выделялись свисавшие со стен мешки, набитые лоскутками и шерстяными очесами.

Посреди чердака, как раз под люком, стояла большая открытая коробка, наполовину набитая старой одеждой. Другая ее половина временно была свалена в кучу на полу, а посреди этой кучи сидела очень напуганная пожилая леди. Не было сомнений, что кричала именно она — тем более, что ей, кажется, и в голову не приходило остановиться.

— Не надо! — сказала ей Джейн. — Пожалуйста, прекратите! Мы вам не сделаем ничего дурного.

Леди умолкла, но, судя по всему, была готова в любой момент возобновить свои вопли.

— А где вся ваша остальная банда? — поинтересовалась она.

— Они улетели на волшебном ковре, — чистосердечно призналась Джейн.

— На волшебном ковре?! — переспросила испуганная леди.

— Да, — подтвердила Джейн и, прежде чем Роберт успел посоветовать ей заткнуться, продолжала:

— Вы наверняка читали про волшебные ковры. И еще с ними улетел Феникс.

Тогда леди поднялась на ноги и, осторожно лавируя между кипами белья, пробралась к выходу — Проскользнув в дверь, она с треском захлопнула ее, и вскоре до детей донеслись ее отчаянные и все еще испуганные вопли: «Септимус! Септимус!».

— Ладно! — быстро прошептал Роберт. — Я прыгаю первым, а ты за мной.

Он зацепился руками за край люка, немного повисел в воздухе, а затем прыгнул на сваленное внизу белье.

— А теперь ты, Джейн! — приказал он. — Повисни на руках. Да не бойся, я тебя поймаю О, не будь дурой, сейчас не время для болтовни. Прыгай, говорю тебе!

Джейн прыгнула.

Роберт попытался подхватить ее на лету, и в результате им пришлось долго катиться по бельевым откосам, а потом еще дольше выпутываться из клубка, образованного наворачнувшимися на них пустыми рукавами и брючинами. Когда им наконец удалось освободиться, Роберт прошептал:

— Сейчас мы спрячемся вон за теми коробками и будем сидеть тихо, как два муравья. Если нас здесь не найдут, то непременно решат, что мы ушли по крышам. Когда же все успокоится, мы прокрадемся на первый этаж и попытаемся удрать.

Места за коробками оказалось немного — Джейн пришлось стоять на одной ноге, а Роберт едва не ободрал бок о старую кроватную спинку. Но они мужественно претерпевали все эти неудобства, и когда пожилая леди снова появилась на чердаке, приведя с собой, слава Богу, не Септимуса, а другую пожилую леди, там царили тишина и спокойствие, нарушаемые, пожалуй, лишь биением двух маленьких сердец — но такие вещи, как известно, можно услышать только в докторскую трубку, которые взрослые называют стетоскопом.

— Ушли! — сказала первая леди. — Бедные крошки — мало того что сумасшедшие, так еще жулики! Надо запереть комнату и послать за полицией.

— Дай-ка я сначала выгляну наружу, — сказала вторая леди, которая с виду казалась значительно старше, страшнее и строже первой.

Они подтащили к люку сундук, поставили на него большую коробку с бельем, а затем, безбоязненно взобравшись на это шаткое сооружение, высунули наружу свои аккуратные чистые головки. Но и на крыше не оказалось никаких следов «сумасшедших крошек».

— Пошли! — шепотом приказал Роберт, отпихивая от себя кроватную спинку.

Им повезло — они успели добраться до двери и выскочить на лестничную площадку до того, как их преследовательницам надоело стоять на ветру и без толку пересчитывать освинцованные пластины, устилавшие крышу их дома.

Роберт с Джейн осторожно крались вниз по лестнице. Они благополучно миновали два пролета, а потом Роберту пришло в голову заглянуть за перила, и — о ужас! — он увидел, как им навстречу поднимается здорового вида слуга с ведерком угля.

Не теряя времени на раздумья, дети запрыгнули в первую же попавшуюся открытую дверь.

Они очутились в кабинете. Это было небольшое, тщательно прибранное помещение, уставленное рядами книжных полок. Кроме того, там наличествовали

огромный письменный стол и пара мужских шлепанцев, уютно гревшихся у камина (шлепанцы, по счастью, оказались пустыми}. Дети пересекли кабинет и спрятались за тяжелыми оконными шторами. Проходя мимо стола, они заметили лежавшую на нем большую кружку, в какие обычно собирают пожертвования в церкви. Печать с ее доньшка была сорвана, крышка откинута, а внутри, естественно, зияла пустота.

— Господи, какой ужас! — прошептала Джейн. — Нет, живыми нам отсюда точно не выбраться!

— Тсс! — зашипел на нее Роберт и был абсолютно прав, ибо на лестнице вдруг раздались громкие шаги, и в следующее мгновение в комнату влетели обе уже знакомые им леди. Детей они не заметили, а вот пустая кружка для сбора пожертвований сразу же бросилась им в глаза.

— Так я и знала! — сказала первая леди. — Селина, это и впрямь была банда. Как только я увидела тех двоих на чердаке, я это сразу же поняла. Пока они отвлекали наше внимание, их сообщники начисто вымели все из дома.

— Боюсь, что ты права, — согласилась Селина. — Но, как бы там ни было, я бы хотела знать, где они сейчас?

— Как где? Естественно, в столовой! Поди, уже добрались до нашего серебра. Ой, да ведь там же наш молочный кувшинчик, и септиму-сова сахарница, и дядюшкин ковшик для пунша и тетушкины чайные ложки! Я иду вниз!

— Не спеши, Амелия! Не надо строить из себя героя, — охладила ее пыл Селина. — Нужно открыть окно и кликнуть полицию. А ну-ка, закрой дверь! Я сейчас...

Закончить фразу ей так и не удалось, потому что, раздернув шторы, она нос к носу столкнулась со скрывавшимися за ними детьми, как это бывает со всеми слабонервными леди, издала пронзительный вопль ужаса.

— Да перестаньте же вы! — сказала Джейн. — Ну разве можно быть такими злыми и бестолковыми? Никакие мы не взломщики, и нет у нас никакой банды, и не взламывали мы вашу ко-пилку. Правда, однажды мы взломали ношу копилку, но в тот раз деньги нам так и не понадобились, а потому нам стало ужасно стыдно и мы положили их обратно... Ой, не надо! Говорю вам, пустите меня!

Мисс Селина схватила Джейн, а мисс Амелия изо всех сил набросилась на Роберта. Несколько секунд борьбы — и дети были намертво оплетены мускулистыми женскими руками со вздутыми от напряжения венами и побелевшими суставами.

— Ну вот, что бы вы там ни болтали, а мы вас все равно поймали, — сказала мисс Амелия. — Селина, твоя замухрыжка вряд ли будет особо сопротивляться, так что открой, пожалуйста, окно и крикни пару раз «Караул!» Да погромче, пожалуйста, а то не услышат.

Не выпуская из рук Джейн, Селина направилась к окну. Но когда она открыла его и высунула голову наружу, вместо предписанного «Караул!» дети слышали радостное «Септимус!» Действительно, в этот самый момент у ворот дома появился высокий молодой человек — племянник недоверчивых пожилых особ, едва не задушивших Роберта и Джейн в железных тисках своих объятий.

Через несколько минут он, отперев входную дверь, уже поднимался по лестнице. Как только он появился на пороге кабинета, Джейн с Робертом одновременно

испустили такой громкий крик радости, что задерганные всеми предыдущими событиями дня леди от испуга подпрыгнули на месте и едва не выпустили своих маленьких пленников.

— Это же наш викарий! — закричала Джейн.

— Вы нас не узнаете? — осведомился Роберт. — Не может быть! Помните, как вы поженили взломщика с кухаркой? Правда, это было здорово?

— Я так и знала, что это банда, — сказала Амелия. — Септимус, эти маленькие нечестивцы являются членами банды отчаянных головорезов, которая в настоящий момент самым беспардонным образом грабит наш дом. Они уже успели взломать кружку для сбора пожертвований, а их товарищи сейчас выносят наше столовое серебро.

Преподобный Септимус с самым разнесчастливым видом провел ладонью по лицу

— Что-то у меня голова закружилась, — сказал он. — Наверное, слишком быстро поднимался по лестнице.

— Да не трогали мы вашу идиотскую копилку! — взорвался Роберт.

— Тогда это сделали ваши сообщники, — возразила непреклонная мисс Селина.

— Нет, нет, — поспешно сказал викарий. — Это я вскрыл кружку. Мне понадобилась мелочь для того, чтобы заплатить взносы в «Независимый родительский фонд страхования от кори и коклюша». О Господи, надеюсь, сейчас-то я не сплю?!

— Спишь? Конечно, нет! — сказала мисс Амелия. — Немедленно обыщи дом! Я настаиваю на этом.

Все еще бледный и немного трясущийся викарий обыскал весь дом и, конечно же, не обнаружил в нем ничего превосходящего по Размерам обыкновенную серую мышь.

Вернувшись в кабинет, он бессильно опустил в кресло и принялся обмахиваться газетой.

— Вы нас собираетесь отпускать или нет? — завопил Роберт срывающимся от гнева голосом. И, знаете, я его понимаю, потому что когда вас ни с того ни с сего хватают и начинают тискать пожилые женщины, бывает очень трудно удержаться от гнева. — Мы же ничего плохого вам не сделали. Это все ковер. Он вывалил нас вам на крышу и улетел. Мы же не виноваты, что все так случилось. Разве с вами не то же было? Помните, как он уволок вас на остров и заставил поженить нашу кухарку со взломщиком?

— О, моя бедная голова! — жалобно простонал викарий.

— Да подождите вы со своей головой! — не унимался Роберт. — Постарайтесь открыто взглянуть в лицо жизни и вести себя, как подобает мужчине!

— Наверное, это мне наказание за грехи, — слабо пробормотал викарий. — Вот только, не могу припомнить, чтобы я грешил в последнее время.

— Пошли же за полицией! — сказала мисс Селина.

— Нет, лучше за доктором, — сказал викарий.

— Так ты все-таки считаешь, что они сумасшедшие? — спросила мисс Амелия.

— Не они, а я, — ответил викарий. Джейн не переставала плакать с тех пор, как оказалась в объятиях мисс Селины. Однако тут она решила сделать передышку и обратилась к викарию со следующими словами:

— Сейчас вы, может быть, и не сумасшедший, но если только вы тотчас же не отпустите нас, то непременно им станете. И правильно — так вам и надо!

— Тетушка Селина! — позвал викарий дрожащим голосом. — И вы, тетушка Амелий! Поверьте мне, это всего лишь сон — глупый, нелепый безумный и отчасти смешной сон. Скоро вы сами в этом убедитесь. Но давайте все же будем справедливыми — даже во сне — и не будем понапрасну задерживать этих милых ребятишек. Они ведь и впрямь ни в чем не виноваты, ибо деньги из кружки взял я.

Мускулистые руки тетушек неохотно ослабили свою железную хватку. Роберт гордо отряхнулся и замер в позе оскорбленной добродетели. А Джейн бросилась к викарию и, прежде чем он успел увернуться, обняла его за шею.

— Вы просто душечка! — воскликнула она — Не бойтесь, это только сначала кажется сном, а потом постепенно привыкаешь. А теперь, *пожалуйста*, отпустите нас домой! Ну же, милый, добрый, честный викарий, будьте хорошим мальчиком!

— Не знаю, что и подумать, — сказал викарий. — Это очень серьезная проблема. Этот сон, знаете ли, уж очень необычный. Возможно, это своего рода другая реальность. Но если это так, то она настолько реальна, что несколько детей вполне могут сойти в ней с ума — совсем как в обычной жизни. А уж если ты сошел с ума, так тебе прямая дорога в сумасшедший дом, где за тобой присмотрят, вылечат и в надлежащее время передадут на руки скорбящих родственников, которые до конца твоих дней будут кормить тебя с ложечки. Вообще-то, даже в обычной жизни иногда трудно разобраться, что тебе нужно делать в тот или иной момент, а тут еще все так перепуталось...

— Если это всего лишь сон, — возразил Роберт, — то вы рано или поздно проснетесь. А если вы проснетесь, то вам станет ужасно стыдно за то, что вы отправили нас в сумасшедший дом — неважно, что он существует только во сне, — потому что вы можете больше никогда уже не попасть именно в этот сон и вызволить нас оттуда, и нам придется вечно торчать в психушке, и рядом с нами не будет наших скорбящих родственников, потому что они в данный момент находятся в другом сне. Вот!

Но единственное, чем викарий мог ответить на робертову тираду, было «О, моя бедная голова!».

У Джейн с Робертом опустились руки. Ситуация представлялась им абсолютно безнадежной. Что и говорить, трудно иметь дело с рефлексирующим викарием.

И тут, в тот самый момент, когда безнадежность ситуации превысила все границы абсолютного и стала попросту невыносимой, дети вдруг почувствовали ту особого рода внутреннюю щекотку, которая знакома всем, кому доводилось исчезать среди бела дня на глазах многочисленных свидетелей. В следующий момент они и в самом деле исчезли, и в кабинете остались только преподобный (и неверующий, как Фома) Септимус и две его тетушки.

— Ага! — дико вскричал он, как только исчезновение свершилось. — Я же говорил вам, что это был сон! Вам, тетушка Селина, снилось то же самое, правда? И вам, тетушка Амелия? Во всяком случае, во сне я был в этом уверен.

Тетушка Селина посмотрела сначала на племянника, потом на тетушку Амелию,

потом снова на племянника, и, наконец, набравшись смелости, сказала:

— Что ты имеешь в виду, Септимус? Нам с Амелией ничего не снилось. Ты, наверное, просто задремал ненадолго в своем кресле.

Викарий облегченно вздохнул.

— Слава Богу, это снилось одному мне! — сказал он. — Если бы еще и вы видели этот сон, то я бы точно решил, что рехнулся.

Позднее тетушка Селина сказала сестре:

— Да, конечно, я знаю, что плохо говорить неправду и что в свое время я понесу за это заслуженное наказание. Но я просто не могла вынести вида нашего бедного мальчика. Он уже почти совсем уверился, что у него с головой не в порядке. Один одинаковый сон — это еще ничего, но три одинаковых сна зараз его доконали бы. А вообще-то, это было на редкость странно, не правда ли? Мы втроем видели один *и тот же сон!* Очень странно! Ни в коем случае нельзя говорить об этом дорогуше Сеппи. Но я обязательно напишу в «Журнал Физического общества» и пошлю им самый подробный отчет обо всем — естественно, со звездочками вместо имен.

Так она и сделала. Если хотите, можете прочесть ее письмо в одной из этих толстеньких синеньких книжечек, которые читают только очень ученые и скучные люди.

Вы, конечно, уже догадались о том, что произошло.

Сообразительный Феникс просто-напросто слетал к Псаммиаду и пожелал, чтобы Джейн с Робертом оказались дома. Псаммиад, как всегда, сработал без осечки. Сирил с Антеей не успели еще и наполовину заштопать дыру в ковре.

Когда изъявления радости по поводу чудесного воссоединения детей немного поулеглись, все четверо наших приятелей высыпали на улицу за подарками для мамы. На остатки дядюшкиного соверена они купили ей шелковый платочек, набор из двух бело-голубых вазочек, флакончик духов, упаковку рождественских свечек и два куска мыла — один из них цветом и формой напоминал помидор, а другой был настолько неотличим от апельсина, что если бы он попался вам в руки, вы бы непременно попытались очистить его и даже, может быть, съесть (если, конечно, вы любите апельсины). Кроме того, они купили отличный сладкий пирог с глазурью, а остатки денег потратили на цветы, которые тут же и поставили в новые мамины вазы.

Когда подарки были разложены на столе, а свечи воткнуты в пирог — с тем, чтобы их можно было зажечь, как только на улице послышится стук колес маминого кэба, — все четверо отправились умываться и наряжаться в самые чистые костюмы, какие только имелись в доме.

Когда и с этим было покончено, Роберт сказал: «Милый старина Псаммиад!», и все остальные сказали то же самое.

— Однако нужно отдать должное и нашему милому старине Фениксу, — добавил Роберт. — Представляете, что было бы, если бы он не додумался слетать к Псаммиаду?

И все опять с ним согласились.

— Да, — сказал, скромно потупившись, Феникс, — вам, конечно, изрядно повезло, что вы познакомились с такой умной птицей, как я.

— Мамин кэб! — закричала Антея, посмотрев в окно. В следующий момент

Феникс ретировался в одному только ему известное укрытие, Сирил зажег свечи, и в комнату вошла сияющая от радости мама.

Ей ужасно понравились подарки, а что до истории с совершеном дядюшки Реджинальда, то она восприняла ее совершенно спокойно и даже не без удовольствия.

— Милый старина ковер! — промолвил, засыпая, Сирил.

— Вернее, то, что от него осталось, — поправил его Феникс с гардины над окном. Но Сирил уже спал и ничего не слышал.

Глава XI

НАЧАЛО КОНЦА

— М-да, ничего себе! — сказала мама, разглядывая шитый-перешитый, чиненный-перечиненный, да к тому же еще и подбитый ослепительно канареечного цвета американской клеенкой ковер, смиренно лежавший на полу детской. — Должна вам сказать, что я еще никогда в жизни так сильно не прогорала на покупке ковров.

Сирил, Роберт, Джейн и Антея выразили свое несогласие дружным протестующим «О!». Мама быстро взглянула на них и сказала:

— Я, конечно, не отрицаю, что вы замечательно починили его. От клеенки, например, я вообще без ума. Ах, вы мои милые маленькие помощницы!

— Мальчики тоже помогали, — благородно вставили маленькие помощницы.

— И все-таки я отдала за него двадцать два шиллинга и девять пенсов. Ковры за такую цену должны держаться по крайней мере лет двести. А вы только поглядите, на что он стал похож за каких-то два месяца! Просто ужас какой-то! Ну ничего, мои дорогие, вы сделали все, что могли, Я думаю, мы купим вам взамен кокосовую подстилку. Коврам, похоже, не очень-то сладко приходится в этой комнате, правда?

— Но, мамочка, мы же не виноваты, что наши ботинки такие прочные и надежные, а ковры — нет? — спросил Роберт, и в голосе его слышалось гораздо больше печали, чем возмущения.

— Ну, конечно, милый, вы в этом нисколько не виноваты, — сказала мама, — хотя, конечно, их можно менять, когда вы возвращаетесь с улицы. Но это я так, к слову. Мне бы ужасно не хотелось ругаться с вами в первое же утро после моего возвращения... О Боже мой, Ягненок, да как же это тебя угораздило-то?

Разговор проистекал за завтраком, на котором присутствовал и Ягненок. Нужно сказать, он вел себя на редкость пристойно — до того самого момента, пока все остальные не принялись разглядывать ковер и, таким образом, оставили его без присмотра. Естественно, что не воспользоваться таким моментом было бы просто смешно, а потому Ягненок немедленно опрокинул себе на голову стеклянную розетку с чрезвычайно липким ежевичным сиропом. Потребовалось немало наполненных визгами и писками минут, а также самое непосредственное участие всех присутствующих в комнате, чтобы очистить его от сиропа, а затем очиститься самим (ибо очищать Ягненка от сиропа — одна из самых грязных работ на Свете). Когда же с этим наконец было покончено, предыдущий разговор насчет никудышности ковра и возможной его замены на кокосовую подстилку начисто вылетел у мамы из головы. Дети дипломатично решили не напоминать ей о нем.

После того, как Ягненок вновь приобрел человеческий вид, мама передала его на попечение четверых детей, а сама отправилась в кабинет ломать голову над запутаннейшим хозяйственным отчетом, составленным кухаркой на клочке грязной бумаги и призванным объяснить, каким образом от всех денег, что мама переслала кухарке неделю тому назад, осталось всего лишь пять с половиной пенсов плюс куча неоплаченных счетов. Уже через час ее волосы были растрепаны, пальцы перепачканы

чернилами, а голова болела, как от сильнейшей мигрени. Мама была очень умная, но даже она оказалась бессильна понять хоть что-нибудь в кухаркиных каракулях.

Ягненок же ужасно обрадовался тому, что его оставили развлекаться со своими старшими братьями и сестрами. За прошедшие две недели он их ни капельки не забыл, а потому тут же заставил играть с собой в старые добрые игры типа «Вертящаяся комната» (Ягненка берут за руки и крутятся с ним на месте до помрачения рассудка) и «Лапа и крыло» (Ягненка берут за руку и за ногу и проделывают то же самое, что и в «Вертящейся комнате»). Но больше всего ему нравилось «Восхождение на Везувий». Это драматическое игрище заключается в том, что ребенок хватается за руки и начинает взбираться вам на плечи (вершину вулкана). Как только его пятки начинают бить вас по ушам, вы издаете самый ужасающий вопль, на какой только способны (то есть, начинаете извержение вулкана), и, мягко опустив ребенка на пол, принимаетесь катать его по ковру (что символизирует разрушение Помпеи).

— Но все-таки нам нужно прямо сейчас договориться о том, что отвечать маме, когда она снова заговорит о ковре, — сказал Роберт, разрушив Помпею в десятый раз и останавливаясь немного передохнуть.

— Вот вы и договаривайтесь, если хотите — сказала Антея, — а мы с моим маленьким утеночком пока поиграем в «зверопесенки». Ягненок, золотце, иди к своей Пантерочке!

Счастливый Ягненок, весь взъерошенный и запыленный после десятикратного разрушения Помпеи, бросился на колени к Ангее, где моментально превратился в маленькую змейку, отчаянно шипевшую, извивавшуюся и совсем уж не по правилам пинавшуюся все время, пока Антея декламировала:

Моя малюсенькая змейка,
Моя смешная неумейка.
Где твой смешной зеленый хвост?
Куда он делся — вот вопрос!

— Крокодильчик! — попросил Ягненок и показал Ангее свои маленькие остренькие зубки. Антея покорно продолжала:

Мой развеселый крокодильчик,
Где твой зеленый колокольчик?
Где твой больной передний зуб?
Ты без него безмерно туп.

Ну что же, — между тем рассуждал Сирил, — проблема остается все той же. Мама ни за что не поверит, если мы расскажем ей всю правду о ковре, и...

— Твоими устами глаголет истина, о Сирил! — заметил Феникс, вылезая из серванта, служившего прибежищем для тараканов, изодранных книжек, сломанных грифельных досок и лишних деталей от игрушек (в каждой игрушке найдется немало

деталей, которые сами собой выпадывают из нее во время разборки, а потом никак не хотят становиться на место). — Но теперь помолчи и внемли мудрости Феникса, сына Феникса. Так вот...

— Ты хочешь сказать, что тожеходишь в это дурацкое общество? — перебил его Сирил. — Я имею в виду «Общество Сыновей Феникса».

— Никогда не слышал ни о чем подобном, — надменно ответил Феникс. — И вообще, что значит «Общество»?

— Ну, это когда собирается много народу, и все начинают валять дурака. Что-то вроде братства... Одним словом, это немного похоже на твой храм, только тут все совсем по-другому...

— Кажется, я понял, о чем ты говоришь, — неуверенно произнес Феникс. — Пожалуй, я бы с удовольствием взглянул на наглецов, осмеливающихся именовать себя сыновьями Феникса.

— Да, но ты, кажется, хотел сказать нам что-то ужасно мудрое? — напомнил ему Сирил.

— Ах, да! Так вот, стало быть, умолкните я внемлите мудрости Феникса... — снова завелась золотая птица — и снова была перебита, на этот раз Ягненком.

— Попугайчик-попрыгунчик! — радостно завопил этот маленький змеекрокодил и потянулся руками к сияющему хвосту Феникса. И хотя намерения его были не совсем ясны, Феникс почел за лучшее скромно ретироваться за побертову спину, а Антея поспешила отвлечь внимание Ягненка очередной зверопесенкой:

Мой толстопузый белый кролик,
Ты доведешь меня до колик!
Смеяться больше не хочу —
Но хохочу и хохочу!

— Знаешь, Феникс, по-моему тебе не стоит брать в голову этих идиотских «Сыновей феникса», — сказал Роберт. — Тем более что они, как я слышал, вовсе и не служат огню. Напротив, я слышал, что они поклоняются разным жидкостями — пьют лимонад и всякие другие шипучие напитки. Причем пьют они гораздо больше обычных людей, потому что с этими шипучими напитками всегда так — чем больше их пьешь, тем лучше тебе становится...

— В голове, может быть, и лучше, — заметила Джейн, — но в животе точно нет. Наоборот, от них тебя так раздует, что потом еще два дня шипеть будешь.

Феникс равнодушно зевнул.

— Послушайте! — сказала Антея. — У меня, кажется, появилась идея. Это ведь не совсем обычный ковер. На самом деле он очень волшебный. Так вот, я считаю, если мы намажем его «Чудодейственным прорастителем», а потом дадим немного полежать, то его волшебный ворс отрастет точно так же, как волосы на голове у папы.

— Очень даже может быть, — согласился Роберт. — Но мне кажется, что керосин тоже сгодится — во всяком случае, по запаху он ничем не уступит «Прорастителю». А

вообще-то, нужно попробовать и то, и другое.

В конце концов решено было испытать оба чудодейственных средства.

Сирил сбегал в комнату папы и притащил оттуда пузырек с «Прорастителем». К сожалению, жидкости в пузырьке осталось совсем немного, и это вызвало новый взрыв разногласий.

— Мы не можем израсходовать его полностью, — сказала Джейн. — А вдруг у папы начнут в одночасье выпадать волосы? Если в пузырьке ничего не будет, то пока Элиза бежит в аптеку, они у него могут повыпадать полностью. Представляете, какой это будет ужас? Лысый папа — бр-р! И все по нашей вине.

— А парики в наше время стоят безумно дорого, — поддержала ее Антея. — Знаете что, давайте оставим в пузырьке пару капель на тот случай, чтобы папа сумел продержаться, пока Элиза бежит в аптеку, а остальным намажем самые истертые места на ковре. Где не хватит «Прорастителя», добавим керосина. Если все волшебство и впрямь зависит от запаха, то керосин обязательно должен помочь — пахнет-то он просто замечательно!

«Прорастителя» набралось не больше чайной ложки. Пахучую жидкость аккуратно разлили по краям ужасной дыры в середине ковра и тщательно втерли в основания каждой ворсинки. Там же, где не хватило «Прорастителя», ковер умастили керосином, который Роберт с Сирилом потом еще долго размазывали кусочком мягкой фланели. Когда с этим было покончено, фланелевую тряпочку бросили в камин. Тряпочка горела очень ярко и весело, что изрядно развлекло Феникса с Ягненком.

— Сколько можно вам говорить, — сказала мама, появляясь в дверях детской, — что нельзя играть с керосином? Вы когда-нибудь спалите дом. Что это вы опять придумали?

— Мы сожгли керосиновую тряпочку, — гордо ответила Джейн.

Было бесполезно объяснять маме, что они пытались починить ковер. Мама не имела ни малейшего понятия о том, что ковер был волшебный, а детям вовсе не хотелось, чтобы их подняли на смех за то, что они пытались с помощью керосина починить обыкновенный ковер.

— Смотрите, чтобы больше этого не было! — строго сказала мама. — Ну ладно, а теперь хватит дуться — давайте веселиться! Папа только что прислал телеграмму. Смотрите! — И она протянула детям клочок бумаги.

Все четверо набросились на него, как одержимые, и после короткой, но жестокой схватки, Сирил, вышедший из нее победителем, прочитал:

— «Ложа в „Гаррике“ для детей. Партер в „Хеймаркете“ для нас. Встречаю в Чаринг-Кросс, в 6.30».

— Это значит, — продолжала мама, — что наши четверо счастливицков сегодня отправляются смотреть «Крошек-водяных»! И весь спектакль вы будете совсем одни! Мы с папой отведем вас в театр, а потом заберем домой. Так что, Антея, давай мне Ягненка и вместе с Джейн отправляйся нашивать кружева на ваши выходные платья (я имею в виду красные выходные платья). Кстати, я не удивлюсь, если их нужно будет погладить. И поторопитесь, а то не успеете. Господи, ну и воняет же этот керосин!

Платья на самом деле нужно было погладить — и даже очень. Двум помидорного

цвета красавцам из «Либерти» посчастливилось принять участие в живых картинках, когда там срочно понадобилось изобразить мантию кардинала Ришелье, и в результате они приобрели довольно плачевный вид. Зато живые картинки получились просто замечательные. К сожалению, я не могу рассказать вам о них подробно, но вы же знаете, что невозможно рассказать обо всем в одной истории. А вам наверняка было бы интересно услышать о том, как дети представляли Принцев-из-Башни и как в самый волнующий момент представления одна из подушек взорвалась у них над головами, и молодые принцы были так плотно усыпаны перьями, что картинку пришлось переименовать в «Михайлов день, или Ощипывание гусей».

Гладить платья и пришивать кружева было, конечно, не очень весело, но сестры и не думали унывать — еще бы, ведь перед ними раскрывалась радужная перспектива похода в театр, да и крепленный керосином «Чудодейственный прораститель» потихоньку делал свое дело. В четыре часа пополудни Джейн клятвенно заявила, что на заштопанных Антеей местах появилось несколько новых ворсинок. Стоит ли говорить, что это известие всех чрезвычайно обрадовало.

Меж тем Феникс сидел на каминной решетке и рассказывал детям различные истории, и, как обычно, эти истории были увлекательными и поучительными, как призы на школьных олимпиадах. Вот только сегодня они кроме этого были еще и грустными.

— Что с тобой, Феникс? — спросила Антея, наклоняясь над камином, чтобы снять утюг с подставки. — Ты, часом, не заболел?

— Я не болен, — ответила золотая птица, угрюмо покачивая головой. — Я просто старею.

Стареешь? Да ты же чуть ли не позавчера вылупился из своего золотого яйца!

Время, — печально ответил Феникс, — измеряется биениями сердца. Уверяю вас, с тех пор, как я познакомился с вами, у меня их было столько, что любая другая птица уже давно ходила бы с посеребренными перьями.

— Но ты же говорил, что Фениксы живут по пять тысяч лет, — сказал Роберт, — а ты еще и первой сотни не разменял. Да ты только подумай — у тебя впереди еще масса времени!

— Вам должно быть известно, — назидательно произнес Феникс, — что время — это всего лишь удобная человеку фикция. Такой вещи, как время, вообще не существует. Два месяца, проведенные с вами, далеко перевешивают все эти бесконечные тысячи лет безбедного существования в пустыне. Я очень старый и усталый Феникс. Пожалуй, мне пришла Пора откладывать яйцо и устраиваться спать на своем огненном ложе. Однако, мне следует предусмотреть некоторые меры предосторожности на тот случай, если меня вдруг разбудят сразу же после сожжения. Я, знаете ли, этого просто не перенесу. Но хватит об этом! Мне не хочется омрачать ваше счастье своим старческим нытьем. Итак, что сегодня на арене? Борцы? Гладиаторы? А может быть, битва камелеопардов с единорогами?

Не думаю, — ответил Сирил. — На арене сегодня «Крошки-водяные», и если пьеса хотя бы капельку напоминает книжку, по которой она поставлена, там не будет никаких гладиаторов и единорогов. Вот чего там действительно будет полно, так это

трубочистов, профессоров, омаров, выдр и лососей, не говоря уже о маленьких детях, что живут в воде.

— Вода вредит моему здоровью, — поежился Феникс и пересел на щипцы — поближе к огню.

— Да я же и не говорю, что там будет *настоящая* вода, — сказал Сирил.

— И вообще, в театре всегда очень тепло и красиво, — вмешалась Джейн. — Там полно всяких ламп, и все отливают настоящим золотом. Знаешь что, пойдём с нами! Тогда сам все и увидишь.

— Я только что хотел сказать то же самое, — обиженным тоном произнес Роберт. — Да только у меня нет нахальной привычки выскакивать поперёд всех. Правда, старина Феникс, пойдём с нами! Вот увидишь, всю твою хандру как рукой снимет. Будешь хохотать, как сумасшедший. У мистера Буше все пьесы такие. Эх, жаль, ты не видел «Лохматого Питера»! Мы ходили на него в прошлом году и от смеха чуть животики не надорвали.

— Твои речи странны и непонятны, — отвечал ему Феникс, — но я согласен идти с тобой. Может быть, балаганские трюки этого вашего Буше (я, кстати, о нем впервые слышу) помогут мне ненадолго сбросить с плеч тяжесть прожитых лет.

Вот так и получилось, что этим вечером Феникс очутился во внутреннем кармане робертова итонского костюма (отчего им обоим стало так невмоготу, что они едва не задохнулись) и был контрабандным образом пронесен на представление «Крошек-водяных».

Во время обеда, проистекавшего в приятном окружении ресторанных витрин и зеркал, бросавших самые немислимые блики на лица присутствующих, Роберту пришлось симулировать сильный озноб, и в то время как остальные с удовольствием поглощали разные вкусности, он сидел и потел в своем тяжелом зимнем пальто, резко контрастировавшем с папиным смокингом и маминым вечерним платьем, при каждом движении изменявшим свой цвет с серого на розовый и зеленый. Естественно, обед для него был полностью загублен. Он ощущал себя неким грязным пятном на безупречном фасаде семьи и надеялся лишь на то, что Феникс знает, какие страдания он из-за него претерпевает. Что и говорить, все мы любим пострадать за других, но при этом нам обязательно нужно, чтобы эти самые «другие» об этом знали. Существуют, конечно, и такие возвышенные души, которым этого вовсе не требуется, но они встречаются крайне редко. Роберт же относился к большинству.

На протяжении всего обеда папа не переставал шутить, и вся компания, соответственно, не переставала смеяться. Что до детей, так они смеялись даже с полными ртами, что уж вообще ни в какие ворота не лезло. Закутанному в пальто Роберту доставалось больше других, но он утешал себя той мыслью, что папа ни за что не позволил бы так жестоко насмеяться над ним, если бы знал правду. И, знаете, тут-то Роберт ни капельки не ошибался.

Когда была съедена последняя винограда и попробована на вкус сирилова соломинка для коктейля, дети сполоснули пальцы в специальной чашке — не забывайте, что это был настоящий взрослый обед! — и в сопровождении родителей отправились в театр, где их быстренько провели в ложу и оставили одних.

Уходя, папа сказал:

— Что бы не случилось, не высовывайте носа из ложи! К концу представления я заеду за вами. Ведите себя хорошо, не ссорьтесь и постарайтесь от души поразвлечься. Да, Роберт, тебе не кажется, что здесь немного жарковато для того, чтобы сидеть в пальто? Нет? Ну ладно, тогда я побежал, а тебе придется вечером смерить температуру — не дай Бог, окажется, что ты подхватил свинку или корь. А может, у тебя зубы режутся? Ну, пока!

Когда он закрыл за собой дверь, Роберт быстро скинул ненавистное пальто, утер пот со лба и извлек из внутреннего кармана пиджака мокрого и порядком взъерошенного Феникса. Затем они по очереди причесывались у зеркала на стене, причем Феникс запретил кому бы то ни было смотреть на него до тех пор, пока он не пригладил всех своих перьев.

Они пришли безнадежно рано. Пришлось не менее получаса ждать, пока заполнится зрительный зал — но зато когда люстры вспыхнули полным светом, Феникс, до того неподвижно сидевший на спинке робертова кресла, вздрогнул, вытянул шею и принялся возбужденно раскачиваться взад-вперед. Он пребывал в полнейшем экстазе.

— Какое замечательное зрелище! — бормотал он, как полоумный. — Насколько здесь красивее, чем в моем храме! О, кажется, передо мной забрезжил свет истины. Так вот зачем вы настаивали, чтобы я пошел с вами! Вы хотели наполнить мое старое сердце огнем восхищения. Скажи мне, мой верный Роберт, так ли это? Ведь это и есть мой настоящий храм, а то, что вы мне показывали пару недель тому назад, было всего лишь жалким приютом отверженных?

— Не могу ничего сказать насчет всяких там отверженных, — ответил Роберт, — но если тебе так хочется, можешь называть это место своим храмом. Но тсс! Кажется, они начинают.

Я не буду вам рассказывать о представлении. Я уже говорила, что в одной книжке нельзя рассказать обо всем на свете. К тому же, вы наверняка читали «Крошек-водяных» и знаете содержание пьесы не хуже меня. Если же эта книжка не попадалась вам в руки, то не расстраивайтесь — по правде сказать, вы немного потеряли.

Лучше я расскажу вам о том, что было дальше с детьми. Так вот, пока Сирил, Роберт, Антея и Джейн со всем вниманием, на которое только способны дети их возраста, смотрели пьесу, Феникс пребывал в своего рода радужном трансе.

Мой истинный храм! — без конца твердил он. — О, какие замечательные огни! Какие роскошные церемонии! И все для того, чтобы воздать мне подобающие почести!

Слегка одуревший от блеска театральной мишуры Феникс на полном серьезе принимал звувавшие со сцены сольные номера за гимны в его честь, а хоровые куплеты — за ритуальные марши. Электрические фонарики казались ему волшебными факелами, зажженными для того, чтобы своим светом возвестить его божественное присутствие. Сияющая разноцветными огнями рампа произвела на него столь сильное впечатление, что детям стоило немалых трудов убедить его сидеть смирно. Но когда вспыхнули доселе невидимые софиты, Феникс больше не смог сдерживать переполнявшего его волнения и, захлопав своими золотыми крыльями, прогремел

голосом, разнесшимся по всем отдаленнейшим закоулкам театра:

— Отлично, мои усердные слуги! Да пребудет с вами мое благоволение отныне и навсегда!

На сцене возникло небольшое смятение. Крошка Том на полуслове оборвал свой уморительный монолог и удивленно посмотрел в зал. В наступившей тишине раздался громкий вздох, вырвавшийся не менее чем из сотни глоток, и ровно такое же количество негодующих лиц повернулось к ложе, в которой сидели съезжившиеся от ужаса дети. А потом, как это всегда бывает в таких случаях, из зала донеслось раздраженное шиканье, чреватое предложениями успокоить горлопанов, а то и просто вывести их из зала.

Вскоре представление возобновилось, но о горлопанах не забыли. Не успел Крошка Том закруглиться со своим монологом, как в ложу к детям вошел дежурный администратор и наговорил им кучу неприятностей.

— Да это не мы, правда, не мы! — изо всех сил отбивалась Антея. — Это все наша птица!

Тогда администратор в очень решительных выражениях посоветовал им лучше следить за своим попугаем.

— Не хватало еще, чтобы из-за него все представление пошло насмарку! — сказал он.

— Он больше не будет, — сказал Роберт, умоляюще глядя на золотую птицу. — Честное слово, не будет!

— Я разрешаю тебе удалиться, — милостиво произнес Феникс, обращаясь к администратору.

— Он и вправду настоящий красавчик, — сказал администратор. — А как бойко говорит! И все же на вашем месте я бы подержал его под колпаком. А то он еще чего-нибудь натворит.

С этим он и ушел.

— Будь умницей, милый Феникс, не разговаривай больше, — попросила Антея. — Ты же не хочешь прерывать службу в собственном храме, так ведь?

С этой минуты Феникс вел себя спокойно. Правда, теперь он принялся без умолку нашептывать детям на ухо всякие глупости. Например, ему очень хотелось узнать, почему нигде не было видно алтаря, отчего не горит жертвенный огонь и с какой это стати жрецы не воскуряют благовоний? В конце концов, он так надоел всем четверым, что они начали серьезно подумывать о том, что лучше было бы оставить его дома.

Вот и в том, что произошло несколько минут спустя, был виноват один лишь Феникс и никто другой. Во всяком случае, театральные служащие, как бы их потом не обвиняли, были точно не виноваты. По правде говоря, никто толком и не понял, что случилось (то есть, никто, кроме злоумышленной птицы а четверых детей). А случилось вот что: Феникс сидел на позолоченной спинке кресла, раскачиваясь взад-вперед, как самый обыкновенный домашний попугай. Глаза детей были прикованы к сцене, на которой в тот момент как раз появился пузатенький омар, намереваясь развлечь публику знаменитым комическим куплетом «Не можешь ходить прямо, не будь таким упрямым». И тут-то порядком разгоряченный всем увиденным Феникс

сказал:

— Ни алтаря, ни жертвенного огня, ни благовоний!

И, не успели дети и подумать о том, чтобы остановить его, он расправил свои сверкающие крылья и воспарил вдоль переполненного публикой зала, слегка касаясь своими раскаленными на концах перьями полупрозрачных занавесей и позолоченной деревянной резьбы лож.

Он описал всего лишь один полный круг (такие круги описывают над водой чайки, когда выдается штормовая погода) и преспокойно уселся на прежнее место, но этого было достаточно для того, чтобы обстановка в театре коренным образом изменилась. В тех местах, где он что-нибудь задел крылом, заблестали крохотные, похожие на золотые семечки искорки. Из них потянулись к потолку тоненькие стебельки дыма, и вскоре на глазах у изумленной публики уже всюду распускались огненные бутоны.

В зале сначала зашептались, а потом закричали во весь голос:

— Пожар! Пожар!

Занавес немедленно опустился, и в зале зажгли свет.

— Пожар! — неслось со всех сторон.

Публика отчаянно ринулась к выходу.

— Великолепная идея, не правда ли? — самодовольно сказал Феникс. — Такого гигантского алтаря и такого всеобъемлющего жертвенного огня еще ни у кого не было. Кстати, как вам нравится запах благовоний? — Но единственным запахом, который могли различить дети, был удушливый запах горелого шелка и обуглившегося лака.

Маленькие огненные бутоны успели к тому времени распуститься в огромные цветы. Не переставая вопить, люди металась по залу и пытались пробиться к выходу через ту или иную запруженную публикой дверь.

— Боже мой, Феникс, что ты натворил? — закричала Джейн. — Пойдемте же скорее отсюда!

— Но папа сказал нам оставаться здесь, что бы ни случилось, — возразила Антея, старавшаяся, несмотря на покрывавшую ее лицо бледность, говорить обычным размеренным тоном.

— Он наверняка не имел в виду пожар, — сказал Роберт. — Поджаренные дети нужны ему так же, как нам — лысый папочка. Нет уж, спасибо, сегодня мне почему-то не хочется быть юнгой на палубе горящего корабля!

— Мне тоже! — согласился Сирил и открыл дверь ложи.

Однако ворвавшаяся снаружи волна непереносимо горячего воздуха, смешанного со слезоточивым дымом, тут же заставила его закрыть. Было ясно, что этим путем им из театра не выбраться.

Тогда все четверо свесили головы через бордюр ложи и стали прикидывать вероятность спуска в зрительный зал. Такая вероятность была, но даже если им и впрямь удалось бы достичь партера, не сломав по пути ни рук ни ног (не говоря уже о головах), пользы им от этого было бы крайне мало.

— Вы только поглядите на всех этих людей! — в отчаянии простонала Антея. — Там нам никогда не пройти.

И действительно, толпа около дверей напоминала рой мух, вьющийся вокруг

свежезакатанной банки с вареньем.

— Лучше бы нам никогда в жизни не встречать Феникса! — со слезами на глазах закричала Джейн.

К чести Роберта нужно сказать, что даже в этот ужасный момент он оглянулся через плечо, чтобы удостовериться в том, что золотая птица не слышала этих ужасных слов (впрочем и Джейн можно понять — по своей ужасности ее слова вполне соответствовали моменту).

Но Феникса нигде не было.

— Послушайте! — сказал Сирил. — Я тысячу раз читал, что пишут о пожарах газеты, и клянусь вам, что с нами все будет в полном порядке. Нам нужно оставаться здесь и ждать — как нам и велел пала.

— Тем более что нам больше ничего не остается, — горько заметила Антея.

— А теперь послушайте меня! — твердо произнес Роберт. — Вы можете сколько угодно трястись от страха, а я бояться не собираюсь! Феникс еще никогда не бросал нас на произвол судьбы. Я уверен, что он и сейчас что-нибудь придумает. Я верю Фениксу, как самому себе!

— И Феникс благодарит тебя за это, о Роберт! — прозвучал у него из-под ног золотой голос.

На полу ложи лежал волшебный ковер, а по нему важно расхаживал Феникс.

— Быстро! — сказал он. — Забирайтесь на ковер! Да смотрите же, садитесь только на его уцелевшие древние части, а не то...

Детям так и не удалось узнать, что с ними станет в противном случае, ибо в этот момент в лицо им ударила яркая вспышка пламени. Увы, и без того искрометный Феникс под влиянием момента разгорячился до такой степени, что нечаянно воспламенил керосин, который этим утром дети с таким усердием втирали в ковер. Керосин, нужно сказать, занялся с такой невиданной силой, что после нескольких неудачных попыток затоптать пламя ногами дети были вынуждены отступить к стене ложи и дать ему выгореть до последней капли. Когда облако черной сажи рассеялось и взору присутствующих открылись дымящиеся останки ковра, выяснилось, что все без исключения заплаты из пестрой шотландской шерсти обратились в прах и осталась только старая добрая персидская ткань — да и та больше напоминала рыболовную сеть.

— Ну, смелее же! — закричал Феникс. — Я уже остыл.

Четверо детей принялись устраиваться на ковре. Им пришлось немало поерзать и поизвиваться, чтобы расставить все свои восемь конечностей на уцелевших узорных лоскутиках, ибо никому не хотелось оставить в горящем театре руку или ногу. А театр уже полыхал по-настоящему — в зале, из которого, к счастью, успела выскочить вся до последнего человека публика, бушевал огромный огненный смерч, и в ложе становилось все труднее дышать.

Джейн примостилась на коленях у Антеи.

— Домой! — приказал Сирил, и в следующую секунду по слипшимся от пота волосам четверых неудавшихся театралов пробежал благодатный сквозняк их родной детской. Они неподвижно сидели на ковре, а ковер как ни в чем не бывало лежал на

своем месте посреди комнаты. По его умиротворенному виду никто бы не сумел догадаться, что всего лишь пару секунд тому назад он чуть было не погиб на пожаре, спасая жизни своих юных хозяев.

Потом в комнате прозвучали четыре глубочайших вдоха облегчения. Сквозняк, который всегда доставлял детям одни только неприятности, теперь показался им настоящим бальзамом. Они спаслись. И все остальные тоже. Когда они покидали театр, там никого не было. Они готовы были поклясться в этом.

Еще потом все четверо заговорили — как всегда одновременно и перебивая друг друга. Почему-то именно это последнее приключение произвело на них неизгладимое впечатление. Да и немудрено — ни одно из предыдущих не показалось им таким реальным.

— А вы заметили?.. — наперебой вопрошали они. — А вы помните?..

И тут по лицу Антеи разлилась такая бледность, что ее не смогла скрыть никакая сажа, понасевшая на нем во время пожара.

— Боже мой! — воскликнула она. — Там же мама с папой! Какой ужас! Они же наверняка подумали, что мы обгорели, как головешки. Сейчас же бежим в театр — нужно сказать им, что это не так.

— Не хватало нам только разминуться с ними по дороге, — осадил ее предусмотрительный Сирил.

— Тогда... Тогда иди один, — парировала Антея. — Только сначала умойся — если ты покажешься маме на глаза в таком виде, она наверняка решит, что ты обгорел как головешка, и с ней случится припадок или что-нибудь похуже. О Господи, зачем мы только повстречались с этим негодным Фениксом!

— Тихо! — прикрикнул на нее Роберт. — Без толку разоряться на ни в чем не повинную птицу! Что теперь поделывать, если у него такая горячая натура? Ну ладно, я думаю, нам тоже нужно помыться. Откровенно говоря, все мы сейчас ужасно похожи на того полоумного негра, что задушил свою жену.

Занятые своими переживаниями дети не заметили, что с того момента, как они покинули театральную ложу. Феникса с ними не было.

Когда все немножко пообчистились, а Сирил уже влазил в свое зимнее пальто, собираясь вернуться к театру и поискать там папу с мамой (все равно что искать иголку в стогу ена, говорил он и был очень близок к истине), со стороны входной двери послышалось щелканье ключа. Нужно ли говорить, что все тут же бросились в холл.

— С вами все в порядке? — раздался снизу мамин голос. — С вами правда все в порядке?! — А в следующую секунду она уже стояла на коленях посреди холла и пыталась расцеловать всех четверых детей одновременно. Она то плакала то хохотала, как безумная, а папа стоял, прислонившись к дверному косяку и бормотал что-то вроде «Да будь я проклят со всеми моими потрохами!».

— Но как же вы узнали, что мы дома? — спросил Сирил, когда страсти немного поулеглись и папа с мамой обрели дар речи.

— Ну, вообще-то, тут произошла одна странная штука, — принялся рассказывать папа. — Как только мы услышали, что в «Гаррике» пожар, мы, естественно, бросились туда. В толпе вас не было, внутрь же никого не пропускали, но пожарники клялись и

божились, что в здании не осталось ни единого человека. И тут кто-то так легонько трогает меня сзади за плечо и говорит: «Сирил, Антея, Роберт и Джейн...» Я оборачиваюсь, а у меня на плече сидит большой желтый голубь. Поскольку из-за него я не мог разглядеть, кто говорил, то я его и отогнал, но у меня за спиной уже никого не было. И тут с другой стороны опять голос: «Ваши дети сидят себе целехоньки дома». Я снова оборачиваюсь — и надо же такому случиться, что этот дурацкий голубь сидит у меня на другом плече! Должно быть, пожар ослепил его, вот он и метался туда-сюда. Но ваша мама всерьез решила, что это был голос...

— Я решила, что это говорила птица, — перебила его мама. — И могу поклясться, что так оно и было. Во всяком случае, тогда я в этом ни капельки не сомневалась. И вообще, никакой это был не голубь, а оранжевый попугай. Да и не важно, кто там на самом деле говорил — главное, что он не соврал и с вами ничего не случилось.

Тут мама снова начала плакать, и папа решительным голосом заявил, что после сегодняшних театральных треволнений всем нужно как можно скорее разойтись по кроватям.

Все так и сделали.

Этим вечером Роберт имел серьезный разговор с Фениксом.

— Да ладно тебе, — сказала золотая птица, когда Роберт высказал ей все, что думал по поводу пожара. — Разве ты не знаешь, что огонь находится у меня в подчинении? Не расстраивайся — ибо я, подобно моим жрецам с Ломбард-Стрит, могу восстанавливать дворцы из праха. Будь добр, открой окно. И он выпорхнул наружу. Вот так случилось, что на следующий день в газетах написали, что театр пострадал от пожара гораздо меньше, чем ожидалось. На самом-то деле наутро в театре не было обнаружено вообще никаких следов пожара — не зря же Феникс всю ночь трудился, как пчелка. Для администрации театра все происшедшее до сих пор остается неразрешимой загадкой. Добрая половина служащих, находившихся в тот памятный вечер на представлении, попросту считает, что все они кратковременно сошли с ума.

На следующий день мама зашла в детскую и долго изучала прожженные места в ковре.

— Мы его помазали керосином, вот он и загорелся, — простодушно объяснила Антея.

— Нужно немедленно избавиться от этого ковра, — сказала мама.

Что же до детей, то, уже в сотый раз принимаясь обсуждать события предыдущего вечера, они неизменно приговаривали:

— Нужно немедленно избавиться от этого Феникса!

Глава XII

КОНЕЦ КОНЦА

— Яйцо, тосты, чай, молоко, чашка, блюдце, ложка, нож, масло... Так, кажется, все в порядке, — сказала Антея, рассматривая поднос с маминым завтраком. Затем, осторожно держа его на вытянутых руках и ощупывая ногой каждую ступеньку, она поднялась по лестнице и осторожно проскользнула в мамину спальню. Поставив поднос на стоявшее у кровати кресло, она подошла к окну и, стараясь производить как можно меньше шума, подняла одну из штор.

— Дорогая мамочка, как сегодня твоя голова? — спросила она тоненьким участливым голоском, отличавшим ее в те моменты, когда у мамы болела голова. — Надеюсь, тебе лучше? Я принесла тебе завтрак. Посмотри, я постелила на поднос самую салфеточку с клеверовыми листьями, что вышила для тебя на прошлой неделе.

— Спасибо тебе, милая, — сонным голосом отозвалась мама.

Антея была прекрасно осведомлена о том, что нужно делать, когда ее милая больная мамочка просит принести ей завтрак в постель.

Она достала из шкафа маленький кувшинчик налила туда теплой воды, добавила немного одеколона и омыла мамино лицо и руки получившимся душистым раствором. Естественно, что после этого мама достаточно оживилась, чтобы подумать о еде.

— А что это такое с моей маленькой девочкой? — спросила она, когда ее глаза привыкли к свету и она смогла разглядеть опечаленное антеево лицо.

— О, мне просто ужасно грустно, что у тебя болит голова, — сказала Антея. — Это все из-за того страшного пожара в театре! Папа сказал, что ты так сильно испугалась и что тебе придется несколько дней лежать в постели. Знаешь, я не могу тебе этого объяснить, но получается, что мы все в этом виноваты...

— Ни в чем вы ни капельки не виноваты, моя родная глупышка! — сказала мама. — Каким это образом вы можете быть виноваты в том, что в театре случился пожар?

— Как раз этого-то я и не могу тебе объяснить, — сказала Антея. — К сожалению, у меня не такой извращенный ум, как у вас с папой, чтобы объяснять все на свете.

Мама засмеялась.

— Мой извращенный — а впрочем, ты, наверное, хотела сказать «изошренный» — ум и впрямь сегодня утром ни на что не годен, но я обещаю тебе, что со временем поправлюсь. А пока не будь маленькой миленькой глупышкой и прекрати болтать ерунду. Пожар случился не по вашей вине — и все тут! Спасибо, дорогуша, но я не хочу яйца. Лучше я еще немного посплю, а ты иди играть и ни о чем не беспокойся. Да, и скажи кухарке, чтобы она не приставала ко мне с тем, что сегодня готовить. На ленч можете заказать все, что вам вздумается.

Антея очень осторожно (я бы даже сказала, воровато) закрыла дверь маминей спальни и со всех ног бросилась на кухню, где тут же и заказала на ленч все, что ей в тот момент вздумалось. А именно: пару упитанных индеек, огромный рождественский пудинг, корзинку творожных ватрушек, а также побольше миндаля с изюмом.

Кухарка, естественно, попросила ее идти куда подальше, и на ленч были поданы

опостылевшие всем рубленая баранина и манный пудинг, причем в первом блюде самым непростительным образом отсутствовали гренки, а второе так и вообще оказалось подгоревшим.

Но это было потом, а тогда, сразу же после посещения кухни, Антея возвратилась в детскую и застала остальных детей в глубоком унынии. Вообще-то, она тоже пребывала в глубоком унынии, поскольку не хуже других знала, что дни их замечательного волшебного ковра были сочтены. Он был настолько изношен, что его замечательные волшебные ворсинки можно было пересчитать по пальцам обеих рук и одной ноги.

Увы, делать было нечего! После двух месяцев волшебных путешествий и захватывающих дух приключений жизнь возвращалась в свое привычное и ужасно скучное русло, а Сирил, Роберт, Антея и Джейн безвозвратно теряли свое исключительное положение, что отличало их от обычных камдентаунских сорванцов, к которым наши четверо приятелей привыкли относиться с изрядной долей жалости и — чего уж там греха таить! — презрения,

— Господи, мы снова станем такими же как все! — сказал Сирил.

— Да, — согласился с ним Роберт. — Но только у тех, остальных, никогда не было волшебных ковров, и им не из-за чего убиваться.

— Мама собирается выбросить ковер, как только у нее перестанет болеть голова и она сможет подыскать нам приличную кокосовую подстилку. Вы только представьте себе — мы и какая-то кокосовая подстилка! Да мы же ходили под живыми кокосовыми пальмами — там, на острове, где не бывает коклюшного кашля!

— Красивенький остров! — закричал Ягненок. — Я люблю раскрашенный песочек! Я люблю раскрашенную воду!

Его братья и сестры частенько ломали себе голову над тем, запомнил ли он свое волшебное путешествие на солнечный берег южного моря. Теперь они знали точно.

— Что ж, — заключил Сирил, — никаких увеселительных загородных поездок на ковре нам больше не светит.

Но хотя они говорили о ковре, на уме у каждого был Феникс.

Прекрасная золотая птица была так добра, так заботлива, она неизменно выручала их из всяческих затруднительных положений — и надо же было такому случиться, чтобы она вдруг подожгла театр и тем самым заставил маму слечь с головной болью!

Никто особо не винил Феникса — такая уж у него была огенная природа. Но, с другой стороны, каждому было ясно, что в их отношениях наступил такой момент, когда его, как загостившегося родственника, больше не следует уговаривать продлить свой визит. Говоря простым английским языком, его нужно было попросить уйти!

Все четверо чувствовали себя самыми последними негодяями и предателями, но, тем не менее, не переставали подумывать о том, что кому-нибудь так или иначе придется откровенно, «как мужчине с женщиной», поговорить с Фениксом и напрямую объяснить, что отныне ему не место у мирного очага их родного камдентаунского дома. Естественно, этим «кем-нибудь» никто не хотел быть, и каждый надеялся, что эту прискорбную роль возьмет на себя кто-нибудь другой.

Дело осложнялось еще и тем, что они не могли открыто обсудить этот вопрос,

потому что их мог услышать Феникс, отсиживавшийся в буфете посреди тараканов, старых стоптанных башмаков и обезглавленных по случаю какого-то особо жаркого боя шахматных фигур.

И все же Антея решила попытаться.

— Это просто ужас какой-то! — сказала она. — Я не выношу, когда мне есть что сказать о людях, но я не могу этого сделать, потому что когда я о ком-нибудь думаю, но не говорю, все сразу же начинают думать, что я думаю про них что-то настолько нехорошее, что даже не могу сказать вслух, и, стало быть, мне либо нужно говорить все напрямую, либо вообще ничего не думать. Уф-ф!

Антея очень хотела, чтобы подслушивавший в буфете Феникс ничего не понял, и, нужно сказать, ей это удалось. Судя по тому, что остальные дети изобразили на лицах самое туповатое выражение, какое только можно себе представить у обыкновенных английских детей, ей это удалось даже чересчур хорошо. И только после того, как она украдкой ткнула пальцем в сторону буфета, до Сирила дошло, о ком, собственно, шла речь.

— Вот именно! — подхватил он, в то время как Джейн с Робертом изо всех сил пытались объяснить друг другу, сколь неглубоко им удалось проникнуть в предмет разговора. — Однако ввиду недавних событий и их неутешительных последствий нам нужно подумать о том, чтобы перевернуть новую страницу нашей жизни. Кроме того, мама для нас гораздо важнее, чем наши меньшие братья по разуму, насколько бы экзотическими они ни были.

— Как здорово у тебя получается! — рассеянно произнесла Антея, принимаясь составлять карточный домик для Ягненка. — Я имею в виду, как здорово ты умеешь запутывать самые простые вещи! Нам нужно всем попрактиковаться в этом — на случай, если снова попадем в какую-нибудь волшебную неприятность... Да хватит вам! Мы говорим об *этом*, — сказала она, обращаясь к Джейн с Робертом и кивая в сторону буфета, где сидел Феникс. Джейн с Робертом наконец ухватили суть дела и немедленно открыли рты, явно намереваясь сказать какую-нибудь глупость.

— Подождите! — успела остановить их Антея. — Вся штука заключается в том, чтобы очень сильно запутывать все, что вы хотите сказать, и тогда вас будут понимать только те, с кем вы разговариваете... Ну, иногда и *кое-кто еще*.

— Великие философы древности отлично разбирались в этом сложнейшем искусстве, — вдруг прозвучал у них над головами золотой голос.

Конечно же, это был Феникс, который вовсе не томился с тараканами в буфете, как предполагали дети, а спокойненько наблюдал за ними с высоты оконной гардины. Ни у кого не было сомнений в том, что он слышал все до последнего слова.

— Красивая птичка! — бодро заметил Ягненок. — Птичка-канареечка!

— Бедное заблудшее дитя! — с притворной нежностью в голосе парировал Феникс.

Последовала минута тягостного молчания. Четверо детей ни капельки не сомневались в том, что Феникс понял их чересчур прозрачные намеки — тем более что они сопровождали их не менее прозрачными жестами в сторону буфета. Уж кто-кто, а Феникс не страдал отсутствием интеллекта.

— Мы тут как раз говорили о... — начал покрасневший до ушей Сирил, и я сильно надеюсь, что он не собирался говорить ничего кроме правды. Но что он на самом деле собирался сказать, так и осталось неизвестным, потому что Феникс, к невероятному облегчению всех присутствующих, перебил его следующими словами:

— Насколько я понимаю, у вас возникли непреодолимые трудности в общении с нашими выродившимися черными братьями, которые вот уже несколько миллионов лет без устали снуют себе туда-сюда в убежищах вроде *этого*.

И он указал когтем на буфет, где проживали многострадальные черные тараканы.

— Канареечка говорит! — обрадовался Ягненок, — Надо показать маме!

И он стал отчаянно вырываться из антее-вых объятий.

— Мама спит! — поспешно сказала Антея. — Иди-ка лучше под стол и поиграй в «тигра в клетке».

Однако превратившийся в тигра Ягненок столь часто запутывался руками, ногами, а то и своей глупой головой в оставшихся от ковра лохмотьях, что служивший клеткой стол пришлось отодвинуть на скользкий линолеум, где тигриные игрища возобновились и проистекали как по маслу. Теперь, когда стол не скрывал большую часть ковра, все его ужасные раны предстали на всеобщее обозрение.

— Ах! — меланхолично вздохнула золотая птица. — Недолго же ему довелось пожить в этом мире.

— Увы, — ответил Роберт. — Все когда-нибудь кончается. И это ужасно!

— Иногда конец означает покой, — философски заметил Феникс. — Однако если этот самый покой не наступит для ковра в ближайшие несколько минут, то я боюсь, что вы от него и концов не същете.

— Верно, — согласился Сирил, уважительно *ыкав кон цом* башмака разноцветные осанки Это его движение привлекло внимание Ягненка, который, вообразив себя то ли быком, то ли швейной машиной, опустился на четвереньки посреди ковра и начал с ожесточением тыкаться носом в красно-голубой ворс.

— Аггеди-даггеди-гаггеди! — приговарил он при этом. — Даггеди-аггеди-гаг!

И тут, прежде чем кто-либо из присутствовавших успел чихнуть (вообще-то, даже если кому-нибудь в тот момент и впрямь приспичило чихать, вряд ли от этого был бы какой-нибудь толк) пол комнаты стал совершенно таким, каким он был до покупки ковра — маленьким деревянным островком посреди линолеумного моря. Ковер исчез, *а вместе с ним исчез и Ягненок!*

В комнате снова повисла мертвая тишина. Еще бы — Ягненок, маленький неразумный Ягненок, который и говорить-то толком не умел, был в одночасье унесен неведомо куда предательским ковром, исполненным опасных для жизни дыр и такого же точно волшебства! Никто не имел ни малейшего понятия о том, где его теперь искать. Да и как они могли его искать, если их единственное средство передвижения тоже отсутствовало?

Джейн, естественно, ударилась в слезы. Антея ужасно побледнела и, по всей видимости, была близка к умопомешательству. Одна-ко глаза ее оставались сухи.

— Это *наверняка* сон, — сказала она.

— То же самое говорил наш викарий, — успокоил ее Роберт, — но ты же знаешь,

что он был неправ.

— Пойдите! — сказал Сирил. — Но ведь Ягненок не загадывал никакого желания! Он просто болтал себе по-игрушечному.

— Ковер понимает любую речь, — наставительно заметил Феникс. — Даже когда говорят по-игрушечному. Я, правда, никогда не слышал о такой стране — как ее там, Игрушия, что ли? — но будьте уверены, что ковер знает этот язык.

— Ты хочешь сказать, — спросила Антея, трясась от ужаса, — что когда он лопотал свое «даггеди-аггеди-гаг», это и впрямь что-то значило?

— Конечно, — ответил Феникс. — Все слова что-нибудь да значат.

— Боюсь, вот тут-то ты и не прав, — сказал Сирил. — Даже когда люди говорят на чистом английском языке, они постоянно норовят ляпнуть что-нибудь на редкость бессмысленное.

— Да нет же, я имею в виду совсем другое! — простонала Антея. — Так ты полагаешь, что это самое «аггеди-гаг» что-то значит для Ягненка и ковра?

— Безусловно, — хладнокровно ответил Феникс. — «Аггеди-гаг» значит для Ягненка то же самое, что и для ковра.

— Так что же это тогда значит? *Что это значит?*

— К сожалению, — ответила золотая птица, — меня никогда не учили говорить по-игрушечному.

Джейн продолжала шумно всхлипывать, но остальные оставались на удивление спокойными — такое состояние в книжках иногда называют «спокойствием отчаяния». Ягненок исчез.

Ягненок, их маленький ненаглядный братец, которого за всю его драгоценную короткую жизнь ни на мгновение не оставляли без присмотра, исчез без следа и сейчас находился один-одинешенек посреди бескрайнего и не всегда доброго мира, а рядом не было никого, кто мог бы защитить его в случае опасности, не считая продрванного до дыр ковра. Раньше дети как-то не задумывались над тем, насколько огромен был окружающий их мир и как трудно было отыскать в нем человека, да еще такого маленького, как Ягненок. Теперь эта мысль одновременно пришла им в головы — и нельзя сказать, что она прибавила им духу.

— Самое ужасное во всей этой истории то, что мы его никогда не сможем найти, — замогильным голосом выразил Сирил чувства, владевшие всеми в тот момент.

— Вы что же, хотите, чтобы он вернулся? — спросил Феникс, и в голосе у него прозвучало плохо скрываемое удивление.

— Конечно, конечно, хотим! — закричали все разом.

— Вот уж не знаю, стоит ли из-за него так распинаться, — сказала золотая птица, с сомнением покачивая головой.

— Конечно, стоит! О, сделай так, чтобы он вернулся! Пожалуйста!

— Ну раз вы так настаиваете, — сказал Феникс, оправляя свои золотые перья, — то будьте добры, приоткройте окно. Я на секундочку выгляну наружу и попытаюсь что-нибудь придумать.

Сирил рванул вверх оконную раму, и в следующее мгновение Феникса с ними уже не было.

— О, если бы только мамочка поспала подольше! Ой, а вдруг она проснется и захочет видеть Ягненка! Ой, а вдруг сейчас зачем-нибудь придут слуги! — причитала Антея. — Не реви, Джейн! Все равно без толку. Что? Сама плачу? Да нет же, я вовсе не плачу — по крайней мере, не плакала, пока ты не заметила... И вообще, я бы и слезинки не проронила, если бы мы хоть что-нибудь могли сделать. Ой-ей-ей!

Сирил с Робертом были мальчиками, а мальчики, само собой разумеется, никогда не плачут. Однако ситуация была настолько тяжелой, что я несколько не удивлюсь, если узнаю о том, что им пришлось изо всех сил кусать губы и хлопать глазами, чтобы подтвердить это правило.

И вот, в этот-то ужасающий момент, сверху, из маминой спальни, донесся звон колокольчика.

Спокойствие отчаяния оставило детей, и на его место пришло оцепенение безысходности. А потом Антея вытерла глаза, огляделась по сторонам и, решительно подойдя к камину, вытащила из него кочергу.

Кочергу она подала Сирилу.

— А ну, ударь меня по руке, да посильнее! — приказала она. — Мне придется объяснять маме, почему у меня такие распухшие глаза.

— Сильнее! — закричала она, когда Сирил легонько коснулся ее руки дрожащим концом кочерги. И без того изрядно нервничавший Сирил от этого ее крика подпрыгнул чуть ли не до потолка и опустил кочергу ей на руку гораздо сильнее, чем они оба того хотели.

Антея завизжала от боли.

— Ой, Пантерочка, милая, я не хотел делать тебе больно, правда! — закричал Сирил, бросая кочергу обратно в камин.

— Все... в... порядке... — беззвучно сказала

Антея, зажав пострадавшее место здоровой рукой. — К-кажется... пок-к-краснело...

Так оно и было — на антеевой руке стремительно выростала порядочных размеров сине-красная шишка.

— А теперь, Роберт, — сказала она, стараясь говорить ровно и без запинки, — валяй-ка ты погулять на улицу! О, мне все равно, куда! Хоть на свалку, но только чтобы духу твоего здесь не было. Я скажу маме, что ты взял Ягненка с собой.

Как вы уже догадались, Антея собиралась обмануть маму насчет Ягненка — более того, она собиралась длить этот обман по-возможности вечно. Конечно, обманывать маму очень нехорошо, однако Антея совершенно справедливо полагала, что обманутая, но живая мама нужна всем четверым детям гораздо больше, чем осведомленная обо всем, но в результате умершая от горя. К тому же, за то время, пока она пудрит маме мозги, Феникс и вправду мог *что-нибудь* придумать.

— Он всегда нас выручал, — сказал Роберт. — Он вытащил нас из французской башни, и даже когда мы чуть было не обгорели, как головешки, в театре, он сгонял за ковром и переправил нас домой. Вот и сейчас я уверен, что он все как-нибудь уладит.

Из маминой спальни снова прозвенел колокольчик.

— Ох уж эта Элиза! — воскликнула Антея. — Никогда-то она не отвечает на

звонки Ну, ладно, я должна идти.

И она пошла.

Она медленно поднималась по лестнице, чувствуя, как бешено колотится сердце в груди. Мама, конечно, заметит ее распухшие глаза, но она тут же предъявит ей свою ушибленную руку. А вот если она спросит про Ягненка...

— Нет, я не должна думать о Ягненке, — сказала она себе и прикусила кончик языка, чтобы эта новая боль заставила ее подумать о чем-нибудь другом. В результате ее глаза снова наполнились слезами. Но она терпела, ощущая, как ее руки, ноги, спина и даже изборожденное дорожками слез лицо наливаются новой силой, рожденной от решимости во что бы то ни стало не дать дорогой мамочке ни малейшего повода для беспокойства.

Она неслышно открыла дверь спальни.

— Да, мамочка? — спросила она.

— Дорогая, — сказала мама, — пожалуйста, возьми Ягненка и...

«...принеси его мне», продолжила про себя Антея. Она изо всех сил старалась быть храброй. Она попыталась сказать, что Роберт взял Ягненка с собой на прогулку, но эта попытка, очевидно, была ей не под силу. Во всяком случае, когда она открыла рот, оттуда не вырвалось ни звука. Так ей и пришлось стоять с открытым ртом. Вы, наверное, знаете, что в таком неудобном положении гораздо легче удержаться от слез, хотя и непонятно почему.

— ..забери его от меня, — продолжала мама. — Сначала он вел себя, как следует, а потом взял и стащил с туалетного столика скатерть со всеми моими щетками, баночками и прочими вещами. А сейчас он так и вообще никак себя не ведет — я имею в виду, он как-то подозрительно притих, и я боюсь, как бы одна из моих баночек, не дай Бог, не угодила ему в голову. Отсюда мне его не видно, а если я встану с постели, то обязательно свалюсь в обморок.

— Ты хочешь сказать, что он здесь? — спросила потрясенная Антея.

— Ну конечно, глупышка, — немного раздраженно ответила мама. — Где же еще ему быть, по-твоему?

Антея обогнула тяжелую деревянную кровать с резным изголовьем и заглянула в дальний угол комнаты. Последовала короткая пауза.

— Сейчас его здесь нет, — сказала она.

О том, что Ягненок тут побывал, весьма убедительно свидетельствовали валявшаяся на полу скатерть, рассыпанные в веселом беспорядке парфюмерные баночки и флакончики, а также разного рода щетки и расчески, безнадежно запутавшиеся в мотке кружевных лент, вывалившихся из заляпанного липкими Детскими пальчиками ящика комода.

Ну, значит, он уже успел куда-то уползти, — сказала мама. — Антея, милая, будь хорошей девочкой и посиди с ним пару часиков. Если я еще немного не посплю, то когда придет пала, я буду выглядеть сущей развалиной.

Антея осторожно прикрыла за собой дверь спальни и бросилась вниз по лестнице. В спальню она ворвалась, рыдая и крича следующее:

— Он тогда пожелал быть с мамой! Он все время был в ее спальне! Вот что такое

«Аггеди-гаг»!

Как говорится в книгах, сии невообразимые слова замерли у нее на устах.

А все потому, что на полу детской лежал волшебный ковер, а на ковре, в весьма тесном окружении обоих братьев и Джейн, сидел довольный до жути Ягненко. Его лицо было покрыто толстым слоем вазелина и фиолетовой пудры, но, несмотря на эту довольно-таки страшно-ватенькую маскировку, Антея тут же узнала его.

— Ты, как всегда, была абсолютно права, — сказал Феникс со своей любимой гардины. — Нет никаких сомнений в том, что это самое «аггеди-гаг» по-игрушечному означает «Я хочу туда, где моя мама». Наш непогрешимый ковер именно так и понял это выражение.

— Но как же?! — воскликнула Антея, хватая Ягненка на руки и принимаясь тискать его, что было сил. — Каким образом ему удалось вернуться?

— А, пустяки! — сказал Феникс. — Я просто-напросто слетал к Псаммиаду и пожелал, чтобы ваш инфантильный родственник был немедленно восстановлен в ваших рядах. Что, естественно, тут же и было исполнено.

— О Господи, как я рада! — кричала Антея, не переставая тискать младенца. — Я, наверное, с ума сойду от радости! Ах ты, моя миленькая крохотулечка! Заткнись, Джейн! Мне наплевать, что тебе тоже его хочется подержать. Сирил! Роберт! Немедленно скатайте этот треклятый ковер и спрячьте его в буфет. В следующий раз, когда он снова скажет «аггеди-гаг», это может значить что-нибудь совсем другое.

Пойдем. Ягненок, твоя Пантерочка тебя немножко сполоснет. Ну же, глупенький!

— Надеюсь, что тараканы не будут загадывать желаний, — сказал Сирил, когда они с Робертом сворачивали ковер.

Два дня спустя мама почувствовала себя уже настолько хорошо, что они с папой на целый день ушли из дому. Этим вечером в кладовой завелась кокосовая подстилка. Дети потратили немало часов на те самые разговоры, но так и не смогли найти достаточно вежливого способа дать Фениксу понять, что он больше не нужен в этом доме.

Так что несколько следующих дней дети провели в нерешительности, которая была очень близка к растерянности. Феникс же провел их во сне.

Но когда кокосовая подстилка была извлечена из кладовой и расстелена на полу в детской, Феникс пробудился и, слетев со своей гардины, принялся прохаживать по ней.

Походив немного взад-вперед, он покачал своей увенчанной золотым хохолком головой.

— Не нравится мне этот ковер, — сказал он. — Он очень грубый и колючий. Я все свои золотые лапки о него исцарапал.

— А нам так очень нравится, — бесцеремонно ответил ему Сирил. — И нашим золотым ботинкам от него ничего не делается.

— Что ж, — вздохнул Феникс. — Значит, в этом доме он предпочтительней, чем мой волшебный ковер.

— Ну да, — сказал Роберт. — В том смысле, что он точно такого же размера.

— А как же насчет волшебного ворса? — спросил Феникс неожиданно печальным голосом. — Что будет с вашим верным исполнителем желаний?

— Завтра придет старьевщик и унесет его, — еле слышно пробормотала Антея. — Наверно, изрежет на лоскутья.

— Слушайте меня! — закричал Феникс, одним махом перелетев на спинку кресла, которая служила ему излюбленным насестом, когда в комнате не было посторонних. — Внемлите мне, о молодые сыны человечьи, и утрите непрошенные слезы горести и отчаяния, ибо чему быть, того не миновать, и в один из светлых дней, что наступят через несколько тысячелетий, я вспомню о вас, и в моей памяти вы предстанете как мои верные друзья, а не как низкие и неблагодарные черви, исполненные зависти и корысти!

— Очень надеюсь, что так оно и будет, — сказал Сирил.

— Не плачьте! — продолжала золотая птица. — Умоляю вас, осушите ваши слезы! Я не хочу изводить вас долгими приготовлениями — пусть новость обрушится на вас подобно удару молнии! Знайте же, что пришло время, когда я должен покинуть вас.

Все четверо слушателей испустили глубокий вздох облегчения.

— А мы-то чуть с ума не сошли, пытаюсь придумать, как понежнее сообщить ему нашу новость, — прошептал Сирил.

— О, не вздыхайте столь горестно! — возглашал меж тем Феникс. — Не надрывайте душу себе и мне! За каждой встречей следует прощанье. Увы, я должен покинуть вас И я старался, как мог, подготовить вас к этому. Крепитесь, прошу вас!

— Тебе и вправду нужно покидать нас прямо сейчас? — пробормотала Антея. С подобными словами мама очень часто обращалась к различным леди, забегавшим к ним на чашку чаю и выказывавшим намерение остаться на ночь.

— Увы, это неизбежно. Но все равно, спасибо тебе, милая, — отвечал ей Феникс — точь-в-точь как одна из тех самых леди.

— Я слишком устал от жизни, — продолжал он. — Мне нужно отдохнуть — после всех бурных событий последнего месяца мне просто необходим покой. А потому я прошу вас оказать мне одну последнюю услугу.

— Господи, Феникс, да все что угодно! — сказал Роберт.

Теперь, когда дело и впрямь дошло до расставания, Роберт, который всегда был фениксовым любимчиком, почувствовал внутри себя такую глубокую скорбь, что она, пожалуй, превосходила по силе все те чувства, что им приписывал Феникс.

— Я прошу вас всего лишь о несчастном агнце, предназначенном на заклятие старьевщику. Отдайте мне то, что осталось от ковра, и я уйду от вас.

— Но как же так? — сказала Антея. — А вдруг нам за это достанется от мамы?

— Если вы помните, я рисковал ради вас гораздо сильнее, — заметил Феникс.

— Тогда, конечно, и мы рискнем, — сказал Роберт.

Феникс радостно распушил свои золотые перья.

— И вы не пожалеете об этом, о юноши с сердцами из чистого золота! — сказал он. — А теперь поторопитесь! Расстелите ковер на полу и оставьте меня одного. Но сначала посильнее разведите огонь в камине, а затем, пока я буду погружен в предшествующие моему погребению обряды, прошу вас, приготовьте мне побольше

благовонной древесины и всяких пряностей, дабы подобающим образом оформить заключительный акт нашего расставания.

Дети послушно расстелили на полу то, что осталось от ковра. И хотя они делали то, чего им так хотелось вот уже несколько дней подряд, на сердце у каждого было тяжело. Затем они бросили в камин полведерка отборного угля и вышли из детской, оставив Феникса в полном одиночестве. Впрочем, нет, не в полном — ведь там еще был ковер.

— Кому-нибудь из нас нужно остаться у дверей и нести стражу, — возбужденно сказал Роберт, как только все они оказались за дверью. — А остальные тем временем пойдут и купят благовонной древесины и пряностей. И нужно обязательно выбирать побольше всего самого лучшего! Не стоит жмотиться из-за какого-нибудь там трехпенсовика. Я хочу, чтобы у него было самое роскошное погребение на свете. Надеюсь, хоть это поможет нам не чувствовать себя такими подлецами.

Было решено, что Роберту как основному баловню Феникса надлежит исполнить печальную обязанность выбора благовоний и различных специй для погребального костра.

— А я, если вы не возражаете, пока буду нести стражу, — сказал Сирил. — К тому же, снаружи льет как из ведра, а у меня в последнее время что-то стали протекать башмаки. Интересно, те новые ботинки, что мне купили на прошлой неделе, такие же «прочные без обмана» или нет?

С тем трое детей и отправились на улицу, оставив Сирила стоять наподобие римского центуриона перед дверью детской, за которой феникс готовился к предстоящей ему Великой Метаморфозе.

— Роберт прав, — сказала Антея. — Сейчас не время дорожить каждым заваливающим фартингом. Пойдемте сначала в канцелярскую лавку и купим там сразу же связку свинцовых карандашей. Папа говорит, что если их брать связками, они обходятся гораздо дешевле.

Вообще-то, это было как раз то самое, что они собирались сделать вот уже несколько месяцев, но только великие переживания, связанные с расставанием и устройством погребального костра их возлюбленному Фениксу, смогли заставить их раскошелиться.

Продавец канцелярской лавки со всей серьезностью заверил их, что карандаши сделаны из самого что ни на есть настоящего кедрового дерева, и я от всей души надеюсь, что так оно и было, потому что продавцам полагается всегда говорить правду, а они таки частенько привирают. Во всяком случае, связка стоила им шиллинг и четыре пенса. Кроме того, они потратили семь пенсов и три фартинга на маленькую сандаловую шкатулочку, инкрустированную слоновой костью.

— Без нее не обойтись, — сказала Антея. — Сандаловое дерево пахнет лучше всего, что я знаю, а если его поджечь, так поднимется просто сногшибательный аромат!

— Ага, а как дело дойдет до слоновой кости, — — проворчал Роберт, — — то поднимется такая сногшибательная вонь, что всем покажется, что мы сожгли целую гору стриженных ногтей.

В лавке зеленщика они купили все пряности, которые только знали по именам: горсточку похожих на ракушки скорлупок мускатного ореха, немного гвоздики, черного перца в зернах и имбиря (естественно, в сухом виде). Немного подумав, они прикупили еще и пару-другую веточек благоуханной корицы, а также чуть-чуть ямайского душистого перца и семян тмина (которые оказались ужасно вонючими, стоило их лишь немного подпалить).

В аптеке они прикупили по пузырьку камфорного и лавандового масла, а заодно взяли и маленький пакетик ароматной присыпки под названием «Пармские фиалки».

Когда, нагруженные всем этим добром, они вернулись домой, Сирил все еще нерушимо стоял на часах у дверей детской. Они осторожно постучались, и в ту же минуту золотой голос Феникса откликнулся изнутри: «Войдите!». Они вошли.

Ковер — или все же будет лучше сказать «его бранные останки» — по-прежнему был расстелен на полу, но теперь на нем лежало, весело кивая в пламени камина, прекрасное золотое яйцо — точь-в-точь такое же, из которого в свое время вылупился Феникс.

Сам же Феникс, надувшись от гордости и счастья, выписывал вокруг него слегка вихляющие круги.

— Как видите, я снес его! — сказал он. — Еще ни разу за все долгие тысячелетия моей жизни мне не доводилось откладывать такого замечательного яйца! Правда, оно красивое?

Дети поспешили выразить свое восхищение, да и было отчего.

Принесенные детьми пряности и благовония были аккуратно вынуты из пакетов и разложены на столе, и когда Феникса наконец удалось уговорить на секундочку оторваться от своего бесценного яйца и взглянуть на то, чему предстояло скрасить последние мгновения его земной жизни, он не смог сдержать охватившего его восторга.

— Никогда, никогда в жизни у меня не было — да и как знать, может быть, больше не будет — такого замечательного погребального костра. Но вам воздастся сторицей за ваши труды, — сказал он, утирая навернувшуюся ему на глаза золотую слезу. — А ну-ка, живенько напишите такую записку:

«Слтай к Псаммиаду и скажи ему, чтобы он исполнил последнее желание Феникса, а потом немедленно возвращайся».

Однако Роберт из врожденной вежливости несколько изменил оригинальный текст, и вот что у него получилось:

Пожалуйста, слтай к Псаммиаду и спроси у него, не будет ли он так добр исполнить последнее желание феникса, а потом, уж будь другом, немедленно возвращайся назад.

Затем записку прикололи к самому надежному с виду месту на ковре, и когда тот с фотографической быстротой стянулся и вновь растянулся на полу, записки у него на

ворсе уже не было.

После того была написана еще одна записка, в которой ковру вменялось унести фениксово яйцо в такое место, где его не смогут найти и положить в огонь в течение последующих двух тысяч лет. Нужно сказать, что Феникс с превеликой неохотой расстался со своим ненаглядным яйцом. Он продолжал страстно пожирать его глазами до тех пор, пока дети не приколотили записку к ковру, и тот, мгновенно свернувшись вокруг яйца, не исчез навсегда из детской комнаты старого камдентаунского дома.

— О Боже! О Боже! О Боже! — закричали дети в один голос.

— Крепитесь! — подбодрила их золотая птица. — Думаете, мне не жалко расставаться с моим новорожденным яйцом, когда я еще и насмотреться-то на него толком не успел? Ну же, поборите свою печаль и поскорее займитесь моим костром!

— Нет! — внезапно закричал Роберт, почувствовав, как что-то пребольно кольнуло его в сердце. — Пожалуйста, не уходи!

Феникс уселся ему на плечо и нежно потерся золотым клювом о его пухлую щеку. Все печали юности проходят, как сон, — сказал он. — Прощай же, о Роберт моего сердца, и знай, что я любил тебя как никого другого на свете.

Меж тем погребальный костер уже разгорелся вовсю. Дети поочередно кидали в него пряности и благовония. Некоторые из них, действительно, благоухали просто замечательно, а вот другие — ив первую очередь это касается семян тмина и порошка с названием «Пармские фиалки» — издавали настолько отвратительный запах, что вы просто представить себе не сможете.

— Прощайте, прощайте, прощайте! — прокричал Феникс каким-то отдаленным голосом.

— До свидания! — прокричали ему в ответ дети, никто из которых теперь уже и не пытался скрыть слез.

Золотая птица описала семь стремительных кругов по комнате и плавно опустилась в середину костра. Вокруг нее потрескивали искорки разгоравшихся пряностей и благовоний, ее золотые перья лизали жаркие язычки пламени, но казалось, что от этого она становится только прекраснее. Ее тело постепенно наливалось ярким светом, как будто исходящим из самого ее сердца. Так продолжалось до тех пор, пока Феникс не раскалился настолько, что на него стало больно смотреть, а потом-Потом он без всякого перехода превратился в кучку белесого пепла, и пламя, вырывавшееся из груди кедровых карандашей и сандаловых щепок, сомкнулось над его останками.

— Послушайте, куда это вы подевали ковер? — спросила мама на следующее утро.

— Мы отдали его одному нашему знакомому, чье имя начинается на букву "Ф", — сказала Джейн, прежде чем ее успели остановить. — Ему он был очень нужен.

— Да брось ты, он же и пенса ломаного не стоил, — сказала мама.

— Наш знакомый, чье имя начинается на "Ф", сказал, что нам не придется об этом жалеть, — добавила Джейн, не обращая ни малейшего внимания на предостерегающее шипенье остальных.

— Да уж, конечно! — сказала, смеясь, мама.

Однако вечером того же дня в доме появилась посылка в виде огромного деревянного ящика, адресованная поименно каждому из четырех детей. Элиза так и не смогла припомнить имя доставителя, но клялась и божилась, что это был не Картер Патерсон («Картер Паттерсонз» — компания, занимающаяся грузовыми перевозками) и уж конечно не Товары-Почтой.

Ящик незамедлительно вскрыли — а так как это был очень солидный ящик, сколоченный из очень прочной древесины, то для этой цели пришлось воспользоваться молотком и кухонной кочергой. Длинные гвозди подавались с ужасным визгом, а тяжелые доски громко стонали и хрустели, отрываясь от стенок. Под крышкой ящика оказалось много папиросной бумаги с замечательными китайскими птичками, исполненными в мягких синих, зеленых, красных и фиолетовых тонах. А под бумагой... Гм, что я могу сказать? Под бумагой было все, о чем только могут пожелать мальчишки и девчонки вроде вас. Естественно, размеры подарков соответствовали пределам разумного — то есть, я хочу сказать, что никаких самолетов, автомобилей или чистокровных скаковых лошадей там даже и не намечалось, но зато все остальное точно было. Там были игрушки, куклы, книжки, шоколадки, засахаренные вишенки, наборы красок, фотографические камеры и все-все подарки, которые они когда-либо собирались подарить папе, маме и Ягненку. Словом там было все, чего они страстно желали всю жизнь, но так никогда и не смогли купить ввиду хронического отсутствия денег.

На самом дне ящика лежало крошечное золотое перо. Никто не видел, как Роберт подобрал его и тут же спрятал во внутренний карман своей норфолкской куртки, который так часто служил тайным прибежищем золотой птице. Когда этим вечером Роберт ложился спать, он обнаружил, что перо бесследно пропало. Это был последний раз, когда он хотя бы отчасти видел Феникса.

И еще там была записка. Она была приколотая к прекрасному меховому пальто, о котором мама мечтала лет уже, наверное, двести а то и больше. Вот что там было написано:

В благодарность за чудесный ковер. С уважением. — Ф.

Понятно, что мама с папой потом еще целую неделю обсуждали это неслыханное происшествие. В конце концов они сошлись на том, что загадочный даритель, которому зачем-то понадобился ковер и которого, как это ни странно, дети были не в состоянии вразумительно описать, был полоумным миллионером, находившим удовольствие в том, чтобы переодеться старьевщиком и таскать у легковверных людей всяческую рухлядь. И лишь наши четверо приятелей знали, в чем было дело.

Они знали, что это могучий Псаммиад исполнил последнее желание их безвозвратно ушедшего друга и что наполненный сказочными сокровищами деревянный ящик был ничем иным как бередящим душу окончанием удивительной истории о Фениксе и ковре.